

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

11. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_azi@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

14.11.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Дорога, возвращающаяся к началу*
Повесть. Перевод с чеч. Сулимана МУСАЕВА.....2
Асламбек ДАУДОВ. *Беркате хьаши*. Дийцар.....31
Елена СЕРДЮКОВА. *Хочешь что-то изменить в жизни?*
Измени себя! Рассказ.....63
Ахмет АМИРОВ. *Горские были*. Рассказы..... 65

ПОЭЗИЯ

- Роза ДАХАЕВА. *Простая истина*. Стихи.....29
Муса ШАМСАДОВ. *Дуьненан лазам*.
Поэми тIера дакъа.....41
Умар ЯКИЕВ. *Жизнь – это стих*. Стихи.....44
Элина ЛИТАЕВА. *Затонувшая любовь*. Стихи.....46
Лариса БАДАЕВА. *Прощание с осенью*. Стихи.....48
Абу ПАШАЕВ. *Сатийсам*. Стихаш.....67

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Жанна АППАЕВА. *Переселением израненные души*.
Стихи. Перевод с балкарского.....33
Милена ТЕДЕЕВА. *Это если*. Стихи.....36

ДЕБЮТ

- Марта САИТОВА. *Миниатюры*.....38

ДРАМАТУРГИЯ

- Муса АХМАДОВ. *Сын Барзанака Барза и другие, или*
Ушедший за саваном. Трагикомедия в 2-х частях
и 9-ти картинах. Перевод с чеч. Лидии
ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ. *Окончание*.....50

ИСТОРИЯ

- Мусейп ВИСЕНГЕРЕЕВ. *Антропоморфная пластика*
Кавказа – удивительные сведения о наших
предках.....68
Арби БЕЧУРКАЕВ. *Кто такие мелардой?*.....71

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Исмаил МУНАЕВ. *Баллады в чеченской народной*
поэзии.....75

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

- Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Ассимиляция гипербол*.
Афоризмы.....84

ЛЕГЕНДЫ СПОРТА

- Муслим ГАПУЕВ. *Панчер*.....86

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Сулиман МУСАЕВ. *Терек был полноводным*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Роза МЕЖИЕВА. *Правда красоты в тишине мастерской*..95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ....96

Муса Бексултанов**Дорога,
возвращающаяся
к началу**

Повесть

Старик сидел на солнце. Солнце припекало. Пальцы его босых ног время от времени шевелились. Рядом стояли резиновые галоши. Там же сушились на солнце и шерстяные носки, вывернутые наизнанку.

Старик всегда приходил сюда в одно и то же время, в самую жару, после полудня. Ниже места, где он сидел, было кладбище. Отсюда он мог видеть все чурты¹, большие

и маленькие, сделанные из песчаника и из камня. Здесь покоились все его родные. Здесь покоилась и боль его, и воспоминания о боли.

Здесь же покоилась Заза. Заза не была его женой. Жену его звали Тайбат. Каждый раз старик сидел здесь подолгу. Иногда на его глазах поблескивали слезы. Здесь, наедине с собой, окунувшись в свои воспоминания, он возвращался к началу, к началу пути своего. Он вновь становился молодым, как тогда. Забывшись, он чувствовал себя счастливым. Ему становилось хорошо. Он старался продлить эти мгновения, мгновения радости, печали, заново проживая в воспоминаниях каждую минуту, часы и дни. Но, когда время напоминало о себе и все рассеивалось, становилось тяжело. Тяжело было все. Но самым тяжелым оказалась в жизни сама жизнь.

Тяжело было вынести, когда твою любимую, давшую тебе слово, увел другой. Тяжело было то, что ты никак не мог забыть ее. Тяжело было истязать свое сердце, понимая, что она уже чужая.

Заза ведь была очень красивой, лучезарной, с искрящимися глазами. Все ее движения были настолько легки и плавны, что казалось, она не ходит, а парит в невесомости. Кожа была тонкая, прозрачная, как горный хрусталь. Она была как предрассветное сияние, озаряющее пробуждающийся мир. При виде ее он вздрагивал, словно видел что-то неземное. Как тяжело ему было терпеть ее колкости, с каким трудом он удерживался, чтобы не украсть ее: у бедняжки не было братьев, лишь старый отец.

Молодость – особенно пора, когда при виде девушки на тебя находит сладостная дрожь и ты весь оказываешься во власти безбрежной стихии – очень самонадеянна, думаешь, весь мир создан для тебя одного.

И Заза, оказывается, думала так же.

– Заза, – сказал он ей как-то вечером, когда они стояли у родника, – известно ли тебе, что жеребца, когда ему исполняется три года, приучают к узде?

– Да, – ответила она. – Только всадник этот, Керим, должен быть уверен в себе. Места-то у нас трудные... Коли сбросит жеребец, можно сильно ушибиться.

– Как же поступить всаднику, Заза, чтобы его не сбросили? – спросил он, откинув голову назад и глядя ей прямо в глаза.

– Нужно оставить жеребца умелому ездоку, Керим, а самому обзавестись покладистым меринком, – без тени смущения ответила Заза.

– Завернуть бы в саван твой тонкий стан! Сильно же ты уколола меня, Заза,

живи ты долго... Если бы не боялся людских пересудов, что сын Алдама перешел дорогу единственной дочери старого Малака, у которой нет брата, я сегодня же приручил бы тебя. Но дорогу твою я не перейду, так что можешь быть спокойна. Правда, если бы твой отец, подобно героям наших илли², обещал тебя за того, кто победит в состязаниях молодцев, никому другому ты не досталась бы, хоть и сделала меня всадником мерина.

– Ты так уверен в этом, Керим? – Заза ушла, окинув его горящим взглядом. И эти глаза каждый раз обжигали его, превращая сердце в пепел.

Однажды он поехал на равнину со свадебной процессией. С девушками была и Заза.

На обратном пути часто останавливались, устраивая танцы и давая коням отдых. Когда доехали до Цацах, спутники попросили его продемонстрировать мастерство наездника. Недалеко, на низенькой скамейке, наблюдая за молодыми, сидел и Зуйза, друг его отца.

Зуйза был стариком. Поэтому Керим, посчитав неудобным самому гарцевать на своем коне, поручил его другому. В свое время в горах не было наездника искуснее Зуйзы.

Как-то в Ингушетии, когда он назвался Зуйзой, одна старуха спросила его, не тот ли он самый Зуйза, сын Даки, прославленный наездник. «Не знаю, наездник или нет, но зовут меня Зуйза», – ответил он.

Старуха попросила его показать свое мастерство.

Зуйза выполнил ее просьбу.

«Не зря, оказывается, про тебя идет такая слава по горам!» – произнесла старуха и в знак благодарности привязала к гриве его коня платок.

Когда всадник закончил джигитовку, Зуйза крикнул:

– Теперь пусть сам хозяин со своим конем покажет нам мастерство наездника!

Тогда джигитовку устроил Керим. Конь в руках чужака не будет таким послушным, как в руках хозяина. Зуйза прекрасно это знал.

Услышав мелодию гармони и дробь барабана, Чамар легко, весело, как юная девушка, вышел в круг, лаская взоры. Его поступь менялась с каждым звуком гармони, с каждым ударом барабана. Чамар вставал на задние ноги, кружился. Голова была поднята, так что шея напоминала натянутую тетиву лука. Керим тянул уздечку назад, и конь широко обнажал большие зубы.

Люди выражали восхищение, благодарили. К гриве коня привязали несколько платков.

После этого, чтобы доставить удовольствие Зуйзе, решили вывести в круг для танца пару.

Выбор пал на Керима и Зазу. Тамада знал, что Керим равнодушен к девушке.

Как же она танцевала, словно пыталась поразить весь мир! Как же она парила! Пройдя с ней несколько кругов, даже самый неуклюжий человек научился бы танцевать. Она научила бы своим танцем, грацией, поступью, взглядом. Видя, как она танцует, ты забывал все в подлунном мире и весь этот мир. Только она одна, она сама была целым миром. Все тайны мира – в ней одной!

Ее плавные движения заставляли сжиматься сердце, оно болело, словно его крепко сжали в кулак. И не было большего желания в этот миг, чем схватить ее и ускакать на своем резвом Чамаре на край вселенной, куда глаза глядят, ласково прижимая к себе Зазу, напевая ей в маленькое ушко:

Заложим село мы
На затворе ружья,
Лезвием ножа
Проложим дорогу,

Из черных кос твоих
Сделаем изголовье,
Моей андийской буркой
Накроемся,
Черную землю
Сделаем ложем,
Синее небо
Будет нам крышей.

Когда танец закончился, Зуйза подозвал Керима:

– Чья это девушка, такая пригожая?

Керим ответил:

– Дочь Малака.

– Может, нам стоит отправить сватов к Малаку? – улыбнулся Зуйза. – Хорошая жена – это благодать в доме. Знай, улица становится известной, когда на ней подрастает красивая девушка. У людей ведь тоже имеются глаза.

– Нет, не надо, – ответил Керим, подумав про себя: «Неужели я так плох, что даже дочь Малака пренебрежет мной?!»

Однако пренебрегла.

– Заза, – обратился он к ней как-то у родника, – говорят, Кахир, сын Умхана, зачастил в наше село... Это правда?

Кахир был бесстрашным молодцем, но не слишком-то разборчивым в делах и поступках.

– А разве меня обещали отдать за тебя, Керим? Или же я что-то взяла у тебя в залог? Мало ли какой молодой человек придет ко мне, ты что, хочешь стать мне вместо отца? – Заза улыбнулась, вскинув голову.

– Да убережет Бог лютого дракона от языка твоего! Змея ты, Заза, змея, жалящая прямо в сердце!

Заза рассмеялась, обнажив жемчужно белые зубы. Глаза ее засверкали.

«Неужели я могу лишиться ее?» – впервые кольнула его мысль.

Керим сел на коня, собравшись уехать, и попросил у девушки напиток.

Заза набрала полный ковш воды и протянула ему:

– Пусть эта вода будет благодатна для тебя, Керим!

В этот момент Керим схватил ее за руку и улыбнулся:

– Теперь-то ты уж точно моя!

Заза даже не вздрогнула, из ковша не пролилось ни капли воды. Она хладнокровно, снизу вверх, посмотрела ему прямо в глаза:

– Керим, я, слушая твои разговоры, достойные настоящего мужчины, думала, что ты мужчина, и поэтому всегда чувствовала себя рядом с тобой спокойно. Не таким-то уж и мужчиной ты оказался, как хотел себя показать. А теперь, Керим, отпусти мою руку...

Он почувствовал в тот миг, что земля уходит у него из-под ног и весь мир рушится. Он стоял обессиленный, пораженный, видя, как, превращаясь в осколки, рушится его хрупкий мир. Все, что он ставил выше жизни, уважал, ценил и что не уважал и чем пренебрегал – все перемешалось и рухнуло в одночасье.

И не мог он вспомнить потом, как отпустил руку Зазы и как она ушла.

Только после того, как пришел в себя, заметил, что стоит у родника один.

Проходили дни, он не виделся с Зазой, как вдруг осенью у нее внезапно умерла мать от кровоизлияния.

Целый год Керим не приходил к роднику, даже коня его на водопой отводили ребяташки.

За этот год он ни разу не отправился на охоту, даже в птиц камня не швырнул. Он и стал всадником мерина; о его необычном поведении начали поговаривать в селе.

До него доходили слухи, что к Зазе сватаются многие молодые люди, что она всем отказывает. Эти слухи не давали затухать надежде в его сердце.

Но все же сам не решался идти к ней на свидание к роднику. Нет, он боялся не отказа ее и колкостей не боялся. Заза для него уже была мертва: он сам убил ее, убил у родника, год назад, не совладав с собой.

Он боялся ее тогдашнего взгляда, хладнокровного, окинувшего его снизу вверх, пустого взгляда, безразличного, равнодушного.

Во вторую осень Керим все-таки решился: направился верхом к роднику и послал соседскую девочку к Зазе. Он заметил Зазу издали: в черном одеянии, с кудалом³ на левом плече, она шла, не поднимая головы, с девочкой, которую он за ней отправил.

– Добрый вечер, Заза, – промолвил он, когда они подошли. – Я не потому пришел сегодня, что не чувствую своей вины... Пришел, чтобы извиниться перед тобой и чтобы положить конец людским пересудам... При виде красоты душа загорается мечтой о счастье, Заза. И тем не менее хотел бы сегодня напоследок задать тебе один вопрос: чем тебе не угодил я или мои предки, чтобы ты выказывала такое пренебрежение ко мне? Ответь мне на это.

Через какое-то время Заза заговорила, не поднимая головы:

– Мне не в чем упрекнуть ни тебя, ни твоих предков, Керим. Когда ты живешь с родителями, чувствуешь свою молодость, твое сердце, оказывается, может обуть гордыня. У девушки ведь нет иного богатства, кроме красоты своей. Я часто задевала тебя, отпускала в твой адрес всякие шутки – прости... «Каким бы отважным ни был человек, он не мужчина, если не благороден», – повторяет часто отец. В тебе, помимо отваги, есть и благородство, Керим, а цену мужчине всегда определяет женщина...

– Заза, – перебил он ее, – когда я по какой-либо надобности обращаюсь к человеку и он в ответ начинает вести красивые разговоры, всегда оказывается, что мне отвечают отказом. Ты ответь мне прямо на вопрос, оставь ненужные слова о моем благородстве.

– Нисколько ты не изменился, Керим, – сказала Заза, – все принимаешь в одну сторону. Неужели ты не можешь понять, что я не вышла бы к тебе сегодня, если бы думала иначе?!

Они расстались в тот вечер, договорившись о свадьбе в конце осени.

Наступила долгожданная осень, собрали урожай, закончили с косьюбой, и Керим уже подумывал просить Зазу назначить день свадьбы, как ее украд Кахир. Украд среди бела дня, когда она вышла, чтобы пригнать телят.

Керима тогда и дома не было. Он находился на равнине, у двоюродных братьев по матери. Поехал сообщить им о предстоящей свадьбе.

Когда явился человек с вестью о похищении Зазы, он сидел на вечеринке, устроенной в честь него, как гостя, закинув ногу на ногу и обмениваясь с одной вдовой, острой на язык, довольно двусмысленными шуточками.

Когда произнесли имя Кахира, Кериму показалось, что ему выстрелили в спину.

Ничего нельзя было поделывать: отец Зазы, Малак, все уладил мирно.

Даже смерть отца он пережил легче: отец-то умер своей смертью, в постели, покинув этот мир по воле Всевышнего, и люди приносили соболезнования, утешали, как могли. А здесь даже помочь было некому, слова утешения, кроме раздражения, ничего и не вызвали бы.

И нет, оказывается, для молодого человека ничего тяжелее, чем потерять любимую, которую собирался вот-вот привести в свой дом, и осознавать свое бессилие что-либо изменить. Ничто не может причинить мужчине больше страданий. Он не раз слышал от отца: «Боль, причиненную из-за женщины, мужчина уносит с собой в могилу». Она, оказывается, может и пережить человека, превратившись в историю, которую передают из поколения в поколение.

Боль не унималась, а нарастала все больше и больше, поражая разум, сердце и все твоё существо. Он больше ни о чем не мог думать, вся его жизнь превратилась в боль, и он слушал только ее, отдавшись ее власти. Жизнь оказалась тяжелой, когда в душе человека нет надежды.

Он отправил к Кахиру человека, чтобы передать ему одно: пусть избегает встречи с ним.

Кахир прислал ответ, что готов принять муки ада, как послушавшийся Высшего иблиса, убив Керима, чем позволить ему убить себя.

Услышав эти слова, Керим решил: жизнь покажет.

Кахир был крепким мужчиной, бесстрашным, смелым, способным на все, сызмальства приучившимся воровать и грабить. У него было несколько ссор с людьми, и кровь невинного человека была на нем, из-за чего он преследовался кровниками. Люди остерегались связываться с ним.

Раньше и им довелось не раз встречаться, да и стычки происходили несколько раз. А однажды, оспорив на вечеринке друг у друга гостью, обнажили кинжалы. Тогда их разняли. После этого и не заговаривали более про ту ссору, словно ее и не было. Все уладилось, когда Кахир первым при встрече поздоровался с ним.

Оказывается, не уладилось.

Кто-то подошел к старику сзади и прикрыл ему глаза ладонями. Это был его внук, самый младший. Его звали Джабраил. Мальчик всегда так делал. И не убирал руки, пока дедушка не называл его имени. Зная, что внуку нравится эта игра, старик не «узнавал» его, пока мальчику не надоедало.

– Интересно, кто же это такой? – произнес старик, прикрывая маленькие ладони мальчика своими шершавыми руками.

– Султан?

– Нет! – ответил мальчик.

– Изновр!

– Нет!

– А-а, узнал! Это Хаси! – старик рассмеялся, назвав своего третьего внука.

– Нет, я не Хаси. Ты не узнаешь меня...

– Тогда я не знаю. Забыл...

– Ты не узнал меня? Не узнал, Кай? – в голосе мальчика послышалась обида.

Старик потер его руки:

– Может, Джабраил? Но он же спал, когда я выходил. Ты Джабраил?

Мальчик рассмеялся и выскочил вперед.

– Ва, Джабраил, да я не узнал тебя... остофируллах, – старик, делано удивляясь, хлопнул в ладони.

Джабраил сильно обрадовался, что дедушка «узнал» его.

– Мама делает нам даьтгагу⁴, – мальчик присел рядом с дедом. – Сказала, чтобы мы сразу же, как она позовет нас, пришли.

– Почему ты босиком? – спросил дед. – А если змея ужалит?

– Я убью ее, ударив камнем по голове, – сказал Джабраил. – Я же раньше убивал... Рассказать тебе, Кай?

– Ты уже рассказывал, – старик положил руку на колено мальчика и раскачал его ногу.

– Можно, я тебе еще раз расскажу? Ну попроси меня, Кай, попроси, чтобы я снова рассказал...

– Хорошо, Джабраил, хорошо... Расскажи мне, как ты убил змею...

Мальчик, наверное, рассказывал ему эту историю не менее ста раз. И каждый раз дед внимательно слушал его, удивленно цокая. Пересказывая эту историю, мальчик ни разу не сбавлял, не добавлял и не убавлял ни слова. И это радовало деда. «Похоже, вырастет хорошим человеком», – говорил он сам себе.

Потом мальчик попросил его, чтобы он разрешил ему назвать имена семи отцов. Старик разрешил, и мальчик перечислил имена отцов.

– А кто же будет восьмым? – спрашивал дедушка.

– Восьмым будет храбрый Джабраил, который убил змею в свои семь лет, – отвечал мальчик.

Старик громко смеялся. Он представлял, как Джабраил, когда станет взрослым, смеясь, рассказывает эту историю своим детям. А дети, тоже смеясь, просят отца: «Расскажи нам еще раз, расскажи!»

Потом мальчик сказал, что пойдет за водой к минеральному источнику, а, когда вернется, они отправятся домой есть даьттаг Iу.

Они встретились с Кахиром у источника, через два года после похищения Зазы.

Когда Зазу только украли, Зуиза прислал за ним человека.

– Керим, у тебя нет ни отца, ни брата, который мог бы стать рядом с тобой, – сказал ему Зуиза, – ни один суд тебя не оправдает, а кьонах поступает всегда по своему закону – закону совести, а с законами совести и словом мужчины сегодня не считаются, если ты один в этом мире и нет человека, способного понять тебя и твою дорогу. Я слышал, что ты отправил человека к Кахиру. Ты поступил неправильно. Их много, ты один. Конь на четырех ногах и то спотыкается. Не нужно вступать в конфликт, из которого не выйдешь победителем, тем более, если закон не на твоей стороне. Человек должен придерживаться каких-то правил. Забудь прошлое, его не изменишь, женись. Споткнешься невзначай – ваш очаг навсегда погаснет. Только тот по-настоящему боится беды, кого она хоть раз настигла в жизни и кто знает, что это такое.

Он тогда не придал этим словам значения.

Он вспомнил про них два года спустя – Керим все еще был холост, – когда лежал, раненный кинжалом Кахира в левое плечо, с порезанной ногой. Вспомнил, глядя на лежащего неподалеку раненого Кахира.

Керим никогда не думал убивать Кахира. Ему не нужно было имя убийцы. Он хотел изувечить его, сделать хромым или же оставить рубец, отметину от своих рук, чтобы Кахир помнил о своей подлости. Он не желал смерти Кахира, уважал его, хоть и считал неправым в споре с собой. Позже он узнал его получше, увидел многие черты, недостойные мужчины.

Керим несколько раз устраивал засады на своего врага, но удача не улыбалась ему.

Кахир знал, что Керим устраивает на него засады. Но ни разу даже не сделал попытки примириться с ним.

Мысль о возмездии никогда не покидала Керима, хотя и стал посещать вечеринки, свадьбы, поглядывать на девушек, но не прекращал поиски Кахира. В разных селах появились девушки, которые ему приглянулись. Но Заза была на свете лишь одна. Его всегда и везде сопровождал ее голос, ее разговоры. Ее гордая осанка, вскинутая голова, черные густые косы – эта картина все время стояла перед глазами. Щеки, горевшие спелым яблоком, синее пламя ее глаз, от которых мутился разум. Это не давало ему спать, каждый раз уводя во снах к роднику.

И при виде Чамара воспоминания охватывали его с новой силой. Все время тянуло в Цацах, туда, где они танцевали с Зазой в последний раз. «Может, послать к Малаку сватов?» – слышался голос старика, вспоминался и свой отказ.

Кроме пахоты и косьбы, у людей тогда и дел-то не было. Лето и зима были свободными. Это время проводили, разъезжая по гостям, отправляясь на охоту, вечеринки.

Бывало, что некоторых девушек не видишь целый год. Девушки тогда сидели большей частью по домам. О таких девушках – красивых, бойких на язык, либо дочерях достойных отцов – ходила молва по горам, о них говорили с восхищением. И все молодцы спешили к ним на свидание.

К такой девушке отправлялись, словно на праздник, надев лучшие одежды, попросив у одного – если у самого не имелось – кинжал с поясом, у другого коня, у третьего деньги. Деньги были не особо и нужны, их клали в нагрудной карман, чтобы девушка видела. Если в доме имелись дети, одаривали их мелочью.

Как-то Керим возвращался из Никароя, куда ездил на свидание с Бикату, дочерью Бексолта, сына Зайты. Бикату была миловидной, приятной внешности девушкой. Она сказала ему, что еще молода для замужества (в те времена некоторые девушки поздно выходили замуж), и он, в шутку наказав подруге, чтобы берегла ее, пока не подросла, возвращался.

На закате он уже подъезжал к селу, не понукая коня, решив напиться у минерального источника.

С этим источником были связаны все его детские воспоминания.

Его мать замешивала тесто только на воде из этого источника, говоря, что лепешки получаются очень вкусные. Отец часто будил его ночью и отправлял туда за водой. Он очень боялся ходить к источнику – дорога шла через лес. Его замужняя сестра жила на окраине села, у этой дороги. Каждый раз, когда отец посылал его ночью за водой, он шел к сестре, и дальше они отправлялись вместе. Иногда за водой шел его зять Бета. Все это держалось в тайне от его отца, Алдама. Отец, если бы узнал, что он боится идти один, побил бы его. Бывало, Керим приносил воду из этого источника заранее, еще днем, но отец, как бы догадываясь, требовал принести свежую воду.

Алдам был очень строг с ним. Может, потому, что он был его единственным сыном. Наверное, боялся, что из него вырастет слабый человек. «Что бы ты сделал с убийцей своего отца?» – часто спрашивал он его в шутку. Мальчик, вытянувшись как струна, отвечал: «Я бы выстрелил ему между глаз!» Тогда отец протягивал ему большой, с ладонь, кусок курдюка: «Съешь его!» Он не мог его проглотить, только жевал, подавляя подкатывающуюся к горлу тошноту. «Да ну тебя, – говорил тогда отец, – какой ты мужчина?! В день, когда убьют отца, ты, скорее всего, спрячешься в яслях. Видел я, как ты удирал от петуха».

Петух, и правда, как-то заставил его побежать. Это был большой белый петух. Его боялись даже их кот и собака.

Как-то он вскочил, почувствовав укол в спину, и, обернувшись, увидел белого петуха, который стоял, приготовившись к новой атаке, распластав крылья. Недолго думая, он дал деру.

«Беги, беги, сопляк! Смотри, как бы не убил тебя!» – услышал он сзади. Бросив взгляд назад, он увидел отца, который стоял на крыше и громко смеялся.

Несмотря на свою внешнюю строгость, отец был очень мягкосердечным человеком. Услышав о смерти кого-либо из знакомых, отец плакал, вытирая слезы: «Ты не знаешь, Керим, что это был за мужчина... Это был лев, а не человек!» – это-то ему, десятилетнему ребенку.

Ни одна жена не обхаживала своего мужа так, как мать Керима. Всю жизнь, что они прожили вместе, Алдам был для жены самым дорогим гостем. Что бы она ни делала, бросала все и занималась его делами. Его одежда всегда была чиста. И Алдам, как бы ни разозлился, никогда не кричал на жену, говорил только: «Перестань, женщина! Хватит!» Перед смертью Алдам долго смотрел в глаза сына, словно забывая что-то очень важное, наконец, тяжело дыша, произнес: «Что же станет с тобой, Керим, что же станет?»

Вскоре отцу открылось то, как он приносил по ночам воду. В ту ночь сестры с мужем не оказались дома, они отправились в Дишни. Керим долго простоял, не решаясь спуститься в овраг. В темноте он заметил человека, который зашел

к ним во двор. Это был его отец, он уже возвращался с водой из источника, пока Керим в раздумьях стоял у оврага. «Иди в дом, девчонка!» – крикнул он ему.

Отец, оказывается, догадывался, что он не один ходит к источнику.

«Если ты не в силах что-либо сделать, надо прямо сказать: «Я не могу», Керим, – сказал он позже, когда они зашли. – Потом, когда подрастешь, Бета же попрекнет тебя этим. Там нет ничего страшного. Сходи теперь сам. Жена, дай ему посуду».

Отец был прав: ничего страшного в овраге не было.

У источника он заметил Кахира, который сидел верхом, наблюдая за ним.

Кахир мог издали его видеть, он же увидел его только теперь, когда Чамар вдруг остановился.

– Кахир, – сказал он, – что же это ты ни во что меня не ставишь? Другой дороги, что ли, не нашел, кроме как через мое село?

– Бог создал меня вольным ездить по любой дороге, – ответил Кахир, спешившись и хватаясь за рукоять кинжала. – И не думаю, что ты мне это сегодня в силах запретить.

– Могила возвеличивает человека, а смерть порой делает человека мужчиной, – сказал Керим, на что тот ответил:

– Ну что же, сделаем из тебя мужчину, – и, выхватив кинжал, стал у края пропасти.

Когда на выступе Баст-Ин, настолько узком, что на нем не смогли бы разъехаться два всадника, зазвенели клинки, и мужчины стали уже спотыкаться, Кахир начал отскакивать назад. Внезапно Кахир исчез, и Керим, было, подумал, что его враг слетел в пропасть, как тот, появившись из-под брюха лошади, нанес ему удар по ноге, перерезав икру.

– Я давно знал, что ты трус, – воскликнул Керим, ударив его кинжалом по спине, – да ты к тому же еще и ублюдок!

Кахир, упав на колени, растянулся на земле и медленно перевернулся на спину, как умирающий, над которым собираются читать отходную молитву.

– Да умри у тебя отец и брат, погиб-таки от моей руки! – Керим отбросил кинжал в сторону и кинулся к Кахиру, как тот нанес ему удар своим кинжалом снизу вверх по плечу, откатившись сам в сторону.

– Сука ты! Сука! – вырвалось у Керима, который слишком поздно понял вероломство противника. Он принялся судорожно искать свой кинжал.

Когда подросли люди и оттащили его от Кахира – стоять на ногах не было сил, – тот, оказывается, наносил ему удары по голове.

Подросшие на помощь люди были односельчанами Керима.

– Нет! Оставьте меня, посмотрите, что с ним! – проговорил Керим, лежа на земле весь окровавленный, с израненными плечом и ногой. – Не трогайте его, для вас он безвинный человек, хоть и мой враг!

Враг мужчины и должен быть только его личным врагом, а не общим, как у всяких ничтожеств.

Ссора была его личной, никто другой не имел права мстить его личному врагу.

Люди осудили Керима, даже родственники не взяли его сторону. Малак, отец Зазы, принес клятву на Коране, что дочь не назначала Кериму день свадьбы, ничего не дала в залог и что Керим не засылал к нему сватов.

Дело передали в майстинский⁵ суд, который, приравняв раны, нанесенные Кахиру, к смертельным, приговорил Керима к штрафу в пять быков и коня. Керим исполнил решение суда, велел передать Кахиру: «Смотри, береги их, они пригодятся на твоих поминках!»

Кахир же, оказывается, променял их через три дня на оружие, сказав, поглаживая винтовку: «Керим собственноручно передал мне свою смерть!»

И кто выменял-то быков на оружие?! Его же, Керима, родственники, из-за неприязни к нему, зная, что он видит насквозь их никчемные души.

У него была своя правда, о которой ведали он один и Всевышний. Он и добивался этой правды, которая может его успокоить, заглушить боль, страдание, вернуть его к жизни – он, у которого другой мужчина, созданный так же Богом, увел девушку, его любовь, лелеянную им с детства, украл, наплевал в душу, подобрал ее, как тряпку, валявшуюся у дороги.

Он тогда вышел на охоту, не прекращая поиски ни днем, ни ночью, дав себе клятву не успокоиться до тех пор, пока не увидит остывающее тело Кахира.

Кахир был неуловим, как бес. Он никогда не задерживался подолгу на одном месте.

Однажды ему сказали, что Кахир в Баце, куда отправился на грабеж, и вернется через малхистинское ущелье.

Керим провел две недели в майстинском лесу, поглядывая в сторону Малхисты. Кахир, оказывается, вернулся через Сандак, далеко обогнув Малхисту.

Таким он, Кахир, был – он был везде и нигде его не было: там, где его ждали, он не появлялся, куда он, по слухам, отправлялся, его не оказывалось.

С ним, говорили, неотступно была и Заза, верхом или пешком, Кахир всегда возил ее с собой, укрывая в доме, где гостил, боясь, что Керим украдет ее. Керим уже не искал Зазу. Теперь она была ему не нужна. То, о чем Керим втайне мечтал, Заза не сделала: он передал Зазе просьбу сбежать с ним, оставив мужа, она не послушалась. Это тоже его сильно распаляло, заставляя забыть обо всем другом.

Забыть-то, правда, не удавалось ничего. Услышав смех людей, ему казалось, что смеются над ним. И это было тяжелее всего. Тяжело было сносить людские насмешки, взгляды с укором. Тяжело было потерять себя и не находить.

Подул легкий ветерок. Старик оглянулся, вспомнив о внуке: что-то задерживается.

Потом его взгляд остановился на развалинах аулов на противоположном склоне. После возвращения из ссылки власть запретила горцам возвращаться в родные горы, и эти места опустели, заросли. Ему вспомнились села, аулы, которые он тогда исходил; Цийлла, Пхера, Кхури, Пуожа-Пхара, Горсте, Пуожаха, Керсте, Сакан-Йист, Люнка, Дюрчина...

Эх, сколько мужей взрастили вы, сколько гостей встретили!.. Мужики эти равны целому миру: Ду, сын Акболата... Пхара, сын Тоя... Дуба, сын Араба... Малцаг, сын Муса... Мус, сын Каби... Ами, сын Дуя... Идрис, сын Бая... Адам, сын Дерказа... Джабраил, сын Хунарика... Иби, сын Алхаста... Довт, сын Дады...

Когда Довт, сын Дады, сильно занемог и слег, его часто навещал его кровник, Умар, сын Герага из Пиэжи, и, поглаживая его больное место, приговаривал: «Не смей умирать, Довт, слышишь?! Я не могу допустить, чтобы ты умер своей смертью!»

Из-за пустяковой ссоры (родственники Довта отрезали хвосты коровам из Пиэжи, забредшим на их пастбище) между ними вспыхнула вражда, унесшая по пять-шесть человек с каждой стороны.

В день пятничной молитвы, у мечети в Сакан-Йисте, люди заметили поднимающегося в гору Довта и обратились к жителю Пиэжи, который оказался среди них: «Довт сюда направляется, а между вами вражда, ушел бы ты от греха подальше, пока он тебя не заметил».

Житель Пиэжи ответил: «Если Довт убьет меня, можете похоронить вниз головой, оставив наружу одну ногу вместо надмогильной плиты».

Довт совершил намаз, наблюдая за своим врагом. После молитвы, покинув мечеть, он устроил засаду и убил кровника, вместе с ним и человека из своего рода, хилдехароевца, друга жителя Пиэжи, когда тот не отстал от него.

Хилдехароевца ему простили, когда он принес клятву, что убил его, защищая свою жизнь. А Умара пизжихойцы ему не простили, но близких родственников, которые попадали бы под месть, у Довта не было. Вот и навещал Умар Довта, повторяя: «Смотри, не вздумай умереть, Довт! Я не могу допустить, чтобы ты умер своей смертью».

Довт так и не оправился от болезни и умер.

В день выселения, когда в Итум-Кале собрали жителей всех окрестных сел – Малхисты, Терлоя, Хилдехароя, Бовлоя, Дишни-Мохка, Чанти – и окружили вооруженными солдатами, один из горцев воскликнул: «Боже, какой трагичный день ты нам послал!» Умар, сын Герага, сказал: «Это пустяки, молодцы, по-настоящему трагичным был тот день, когда Довт, сын Дады, умер своей смертью!»

Решение суда явилось для него настоящим потрясением. К тому же, друг отца – Зуйза, сын Даки – посыпал солью свежую рану: «Я же говорил тебе, что ты не выйдешь победителем из этой вражды. Ты рвешься к гибели, а что это за победа, достигаемая ценой своей жизни?! Не рвись в герои, Керим. Чтобы стать героем, достаточно и мгновения, а чтобы стать кьонахом⁶, нужна целая жизнь. Старайся стать кьонахом, сдержанным, терпеливым кьонахом. Это время тяжелое, остепенись, пока тебя не заметила власть». – «Я хочу узнать себя, Зуйза, – ответил он. – Узнать, кто я есть». – «Кахир не такой уж достойный мужчина, чтобы ты соперничал с ним, он весь состоит из коварства, присущего рабам, оставь его. Не делай рабу ни добро, ни зло. У него нет благородства, чтобы ты делал ему зло», – попросил Зуйза вновь. Он и тогда не послушался его. «Я добьюсь, чтобы он заплатил долг, цена которому жизнь, я хочу, чтобы моя правда восторжествовала, иначе мне незачем жить...» – отрезал Керим в ответ на наставления Зуйзы.

В эти дни Заза в первый раз после замужества посетила отчий дом – она пришла на похороны отца.

Сам Кахир не пришел. Только жену отпустил, решив: раз был суд и люди посчитали виновным Керима, вражда между ними закончена. К тому же он знал, что Керим не удержит Зазу, явившуюся на похороны отца, если же и удержит, это опозорит его самого.

Заза была прежней, ничуть не изменилась, или ему так казалось.

– Что прошло, того не воротишь, Керим, – сказала она.

– А что делать, если прошлое не отпускает? – спросил он.

Она медленно подняла на него глаза, чуть сузив их, и едва заметно улыбнулась. И ушла, не проронив ни слова. В ее взгляде, словах, походке он не увидел ничего: ни растерянности, ни сожаления, ни любви, ни ненависти – ничего. И вынести это – ее спокойствие, равнодушие, смирение – было тяжелее всего.

– Почему ты пришла только сегодня, – воскликнул он ей вслед, когда она отошла на значительное расстояние, – а не тогда, когда я просил тебя бросить мужа?

– Я же не девка, Керим, чтобы бежать на каждый зов! – бросила она на ходу, не оборачиваясь.

– Если смерть обойдет меня, – сказал он тогда, – ты вдовой вернешься сюда.

Заза промолчала. Остановилась. Потом обернулась и долго смотрела на него, словно пытаясь что-то сказать.

Ничего не сказала. Ушла. Ушла, чтобы навсегда остаться.

Он не выходил больше из дома, пока Заза не покинула село. Томимый безысходной тоскою, не находя себе места, он брал в руки дечиг-пондар⁷ и печально перебирал струны:

Я лайлахь, валалай,
Дайдахь, я дадай...

Одиночество тоже, оказывается, бывает разным: одиночество души и одиночество жизни – ему же сопутствовали оба – одиночество души и жизни...

В тот год Кахир осел, соорудив дом у окраины села, обзаведясь хозяйством, не покидал своего двора.

В первую осень место для покоса Кахиру выделили недалеко от своего села.

Места для покосов в горах выделяли по жеребьевке (земли эти тогда были не личными, а общественными), чтобы тот, кому в один год попало плохое место, мог в следующем году получить хорошее. В ту осень Кахир утром уходил на покос, вечером возвращался домой. Кериму бы не спастись, если бы он среди бела дня отправился в чужое село в поисках своего врага, тем более все жители этого села были родственниками Кахира.

Керим решил тогда выждать, вспомнив слова Идриса, сына Бая, которые он произнес, когда отправился с товарищами в набег в Бацу. Увидев в бинокль множество солдат, Идрис произнес: «Придется возвращаться, молодцы. Вовремя вернуться с пути, который не сулит тебе ничего хорошего, тоже удача».

Керим решил дожидаться новой жеребьевки следующей осенью.
Наступила и эта осень, сделав его кровником.

Перевезя заранее оружие и продукты в горное урочище, он остановился под скалой у речки, наблюдая сверху за селом Кахира, за их покосами.

Этой осенью Кахиру выпал не лучший жребий: его покос находился у самой опушки леса.

Керим наблюдал за ним пять дней. Прежде чем приступить к косьбе, Кахир прятал под травой свою винтовку. Заза всегда была с ним, разводя к полудню огонь, готовя обед.

На третий день, к вечеру, к ним пришел молодой человек, и они стали сооружать небольшой навес, принеся из леса жердей, и накрыли его травой.

На четвертый день, все с помощью того же молодого человека, они стали собирать сено.

В ту ночь ему приснилась вместо волка, которого так хотел увидеть (волк во сне, говорят, к удаче в бою), хитрая рыжая лиса.

«Это всего лишь сон, – успокоил он себя, – видно, мне, помимо мужества, понадобится еще и хитрость».

После полуночи он пробрался лесом над селом, спустился немного вниз вдоль кустарника и только успел положить винтовку и взяться за пистолет и кинжал, как раздалось два выстрела. А вслед за ними послышались крики Зазы:

– На помощь! Убили!

Услышав этот голос, голос Зазы, всполошивший его сердце – будь оно не ладно, не сердце, а щенок, птенчик, истосковавшийся по матери, – он, сделав два-три шага, прислушался, затем стрелою бросился вниз, как вдруг рядом, ломая кусты, пронесся кто-то, следом – другой. Третий взмахнул кинжалом и полоснул его по плечу.

Тогда он выстрелил в него из пистолета и стрелял до тех пор, пока тот не рухнул на колени.

Со стороны села доносились выстрелы.

– Да умри у тебя самый близкий! Ты превратил мою жизнь в жизнь преследуемой волчицы, таская за собой, словно теленка на привязи...

– Заза! – крикнул он. – Заза! – он схватил ее за плечи. – Давай убежим, Заза! Я не Кахир!

Заза со стоном упала. Снизу кто-то поднимался, тяжело дыша:
– Исмаил, во-о Исмаил!
И вдруг он все понял: Кахир сбежал, а от его рук пал другой человек.
Он перетащил Зазу в овраг, наказав:
– До рассвета оставайся здесь! – а сам (убив постороннего человека, он не мог увести с собой Зазу), преследуемый по пятам, еле ушел от погони.

В ту ночь он, оказывается, убил одного из двух братьев, младшего Исмаила, которые преследовали своего кровника Кахира.
Недолго раздумывая, он отправил к родным убитого гонца с вестью, что их человек пал от его руки, объясняя, как все произошло, не скрывая и того, почему он сам там оказался.

Дело разбирали целый месяц. Судьями были Шовхал, сын Ески из Малхисты, Пхар, сын Тоя из Хилдехароя, Паскош из Кея и еще один. Первый был другом его отца, второй – одного с ним рода, а двух других он не знал. Он отправился к Шовхалу:

– Пхар человек из моего рода, Шовхал, – сказал он ему, – поэтому я пришел к тебе, а не к нему, чтобы вы не думали, будто он взял мою сторону. Я хочу довести до вас: сочтет меня суд виновным в гибели Исмаила или нет, это не важно, но вражда наша с Кахиром не завершится, пока Заза, дочь Малака, останется его женой.

– Пока обе стороны – ты и Кахир – не принесут клятву на Коране, что согласитесь с решением суда, вы его не узнаете, – ответил Шовхал. – Послушайте нас, мы хотим уладить ваше дело миром.

– Не принимайте такого решения, с которым я не соглашусь, Шовхал. Я готов вынести все муки ада, но не потерплю несправедливости.

Когда до оглашения решения суда оставался один день, он узнал его через верных людей: Заза оставалась женой Кахира, он же, Керим, получал как возмещение скот.

Керим тут же отправился в бацойское село Маска, к Бисани, сыну Мосага, чтобы послушать его совета.

Зарезав в его честь барана, Бисани вместе с гостем расположились на паднаре⁸ отдыхать. Бисани рассказал ему много разных историй из жизни горцев, медленно, кутаясь в тулуп, пытаясь донести до него каждое слово, часто приговаривая: «Вот так-то, парень, были дела в наше время, – а потом начинал новую историю: – Послушай, что я тебе расскажу...»

– Клянусь своим отцом, Керим, – продолжил он, – клянусь отцом, человек, который чтит только этот мир, никогда не станет кьонахом, и нет в мире богатства дороже, чем честь. Настоящего кьонаха не познаешь, пока его не постигнет серьезное испытание: на равнине и ишак пасется, на поляне и кабан набирает вес. Немало мужей, которых люди называли кьонахами, на грани жизни и смерти забывали о чести, продав душу, так и ушли в забвение. Мой отец, Мосаг, был умудренный жизнью человек. Не раз, когда я кого-либо хвалил, он говорил мне: «Подожди, сын, не спеши, ты говоришь о колоске пшеницы, выросшем на ячменном поле, а не о корне, испытывавшем зимнюю стужу. Подожди, пока не ударят морозы». И каждый раз я убеждался в его правоте. Бывало, сдружишься с кем-то, характером понравится, повадками, уверуешь в него, начнешь делить с ним радость и горе, как в самую трудную минуту, когда тебе необходим товарищ, он становится другом твоих врагов. Все мои конфликты – а их у меня было много – были с ними, с этими людьми, из которых я пытался сделать себе друзей, деля с ними кров. Не нужно даже пытаться из кого-либо делать мужчину, это бесполезно, если только он сам не стремится им стать: хорошо изучив тебя, твои повадки, нрав, войдя в круг твоих близких людей, он постарается превзойти тебя во всем. Без сени плод не вырастает, разве лишь некое подобие, которое, ведя за столом красноречивые разговоры, в минуту, когда ты будешь нуждаться в помощи, найдет много

отговорок. Осел никогда не заржет конем. Тот, кто не делит с тобой твое горе наравне с радостью, не может называться другом. Друг тот, кто готов испытать за тебя все тяготы и лишения, снесет с тобой все беды, как и радости.

Безрассудная смелость – это глупость, а безграничная щедрость вызовет лишь насмешки людей. Будь смелым, зная цену жизни, не теряя голову, и ты станешь на путь справедливости. Не отдавай ничего без остатка – тот, кому ты это отдал, первым ославит тебя, чтобы приравнять тебя к себе. Кахир, с которым у тебя вражда, колосок пшеницы на ячменном поле – то он служил стражником при царе, то прислуживал новой власти. Это ты сделал ему имя, сделал из него Кахира, сначала исполосовав кинжалом, потом, отправившись мстить ему, убив чужого человека. Вся ваша вражда с ним не стоила и одной хорошей оплеухи. Судьи ищут мира, Керим, а не стараются уравнять вас. Любая вражда завершается лишь тем, что одна из сторон остается ущемленной. Конфликт не весами разбирается, и обиды нельзя взвесить гирьками.

Завтра, прежде чем начнут разбирательство, я скажу и свое слово. Посмотрим, какое решение примет судьи.

На второй день собрался народ, послушать оглашение суда. Судьи – сначала Шовхал, чуть погодя Пхар и Паскош – вышли к людям, и Шовхал заговорил:

– Люди!

– Шовхал, Пхар, Паскош! Ассалам алейкум! – обратился к ним Бисана из толпы. – Думаю, вы приняли правильное решение, все взвесили. Огласите нам его, не доводите до кровопролития. Мы собрались здесь, чтобы узнать ваше решение.

– Ва алейкум салам! Бисана, и ты здесь? Добро пожаловать! Поднимайся сюда, к нам, а суд – суд вершается по воле Всевышнего.

Они обнялись, затем все вместе зашли в дом.

Через несколько часов, к вечеру, они вышли и потребовали от Керима и Кахира клятвы на Коране, что они согласятся с решением суда, каким бы оно ни было. После принесения клятвы их завели в дом. Люди остались во дворе.

Байбетар (отец убитого Керимом молодого человека) простил ему кровь Исмаила, назначив принятую в таких случаях плату – шестьдесят три коровы. Кахира обязали вернуть пять быков и коня, которые он получил от Керима за нанесенные ему раны. Про Зазу молчали, заводя другие разговоры, рассказывая разные истории.

«Неужели они хотят оставить Зазу Кахиру, вернув мне этих паршивых бычков и клячу? – терзался Керим. – Заставив меня поклясться именем Всевышнего... С ними-то, судьями, на худой конец, можно поссориться, не приняв их решения, но как я предстану перед Всевышним, став клятвоотступником?!»

Наконец, Шовхал, глубоко вздохнув, кивнул Пхару.

– Пхар, давай завершай дело...

Пхар выпрямился, посмотрел каждому в глаза:

– А все уже завершилось... Кахир, сегодня ты при свидетелях разводишься с дочерью Малака. Дочь Малака возвращается домой и в течение года не выходит замуж ни за одного из вас. Если же за год она не выйдет за другого, каждый из вас может добиваться ее, выбор же остается за Зазой. Вы можете жениться на ней только по ее согласию, вам запрещается умыкать ее. Давай, Кахир, произноси молитву и разводишься с дочерью Малака.

Кахир стал растерянно вертеть головой, глаза искрились злобой.

– Керим, ты выходи! – Бисана, не поднимая головы, указал ему рукой на дверь.

Через какое-то время его вновь позвали в дом и заставили обменяться с Кахиром рукопожатием. Однако это не принесло сердцу покоя.

Родственники по матери – никаройцы – помогли ему собрать плату за кровь – шестьдесят три коровы, – и они, около сотни человек, отправились в родное село Байбетара. Их встретил человек и передал слова Байбетара:

– Я простил своего сына ради Аллаха, а не продал его кровь за скот, приходите и возьмите с собой одну корову.

Они переночевали у Байбетара, зарезав эту корову и устроив поминки по Исмаилу. Старший сын Байбетара, принеся клятву, взял Керима в друзья.

Жизнь становилась тяжелой. Тяжело было зависеть от людей, но тяжелее всего была новая власть. От нее нужно было скрываться, избегая людных мест, словно волк, избегающий дневного света. Подлее этой власти, власти большевиков, не знал свет; будь она проклята, не было власти вероломнее и коварнее: придя на порог твоего дома нищей попрошайкой, вероломно утердилась она, став хозяйкой твоего дома, сев, свесив ноги тебе на голову.

Она, разделив народы, разрушила Горскую республику, признанную несколькими державами. Первой из этой республики вышла Кабарда, затем отделились осетины, адыги, дагестанцы. Чечня осталась одна. Большевики приходили на поклон, прося признать свою власть, суля всевозможные блага, справедливость, равенство.

Между Урус-Мартаном и селением Гойты народ собрался для окончательного выбора, на этот сход приехал Тапа, сын Орцы, на фэзтоне, вместе с казаком. Тапа сказал:

– Чеченцы! Русские мужики поджигают наши корни. Да упасет нас Аллах от того, что это пламя разгорится: они не оставят достойных мужчин, хороших коней, мужчин они заставят ходить без кинжалов! Отца они сделают сыном, сына – отцом, правду превратят в ложь, ложь – в правду! Ни один мужчина не будет хозяином даже своей папахи! Они люди без веры, у них нет отцов, чтобы назвать, они все ублюдки! Они голодны и никогда не насытятся, не верьте им! Казаки и люди царского рода – чистое золото по сравнению с ними: они не трогали достойных мужчин, не отбирали коней и оружие, знали, что такое честь, не глумились над нашим Богом и не трогали наших земель! Давайте заключим союз с казаками и выгоним этих безбожников с нашего края!

На что из толпы раздались крики:

– В то время как ты с Орцой жиреешь на Суьйре-Корте⁹, мы околеваем с голоду, у нас нет даже чурека! Слезай оттуда, уходи, давай нам русского мужика!

– Мне всегда стыдно было называться сыном Орцы, не считая себя достойным его имени, хотя это и была для меня честь, – сказал вполголоса Тапа.

Потом на курган взошел мужик вместе с переводчиком, Варой из Нихалоя.

Мужик повел речь, все больше распаляясь, размахивая руками, пригибаясь то влево, то вправо, то вперед, то назад.

– Люди! – заговорил после него Вара. – У меня для вас добрая весть! Этот человек говорит, что мы будем жить вот так, – он свел вместе два указательных пальца обеих рук, – в равенстве, по справедливости.

Люди, подбрасывая вверх шапки, стали кричать:

– Да здравствует русский мужик! Да продлит Всевышний его дни!

Тапа оказался прав: мужики, не насыщаясь кровью, перемолотили народ, не оставляя ни одного кьонаха, стали хозяевами всего края. Они разрушили твои обычаи, религию, превратив мечети в нужники. Наступило время рабов, их стало много, этих рабов, они всем управляли.

Раб стал хозяином, начальником, мужчиной, верным товарищем мужика, повесив на пояс пистолет. Кого хотел, он безнаказанно убивал, кого хотел – арестовывал. Они обезглавили народ, превратили остальных в доносчиков. Эти доносчики были опаснее всех, они до того расплодились, что в хуторе с восемью хозяйствами оказывалось восемь доносчиков. Ты ничего не мог поделать с ними, тебе приходилось избегать и их, из-за них ты мало бывал в своем родном селе, был оторван от близких тебе людей – вообще избегал людных мест.

Скрываясь от властей, кочуя, где придется, он, устав от одиночества, примкнул к беглым людям, которые встали на путь абречества, не вынеся несправедливости властей.

Месяц спустя Идрис, сын Бая – он был главарем абреков, – отвел его в сторону и сказал несколько слов, достаточных, чтобы он серьезно задумался...

Идрис был умным человеком, поджарым, высоким, одноглазым. Абреки почитали его за главного. Иби, сын Алхаста, показался ему горячим, вспыльчивым, все его разговоры сводились к стычкам, сражениям, бою.

Джабраил, сын Хунарика, и Мус, сын Каби, были слишком молоды, они воспринимали жизнь абрека как романтику, игру, любили шутки и были очень привязаны друг к другу. Он увидел среди них и Абдул-Керима, сына Генаша, Висайта, сына Анзора, Дунду, терлоевцев Сайду, Чоку, Хасана, сына Исраила. Многих он увидел здесь в первый раз, и Межида, сына Хаки, Куштану.

Самыми опасными из них советская власть считала Идриса, сына Бая, Иби, сына Алхаста, и Хасана, сына Исраила, на них охотилась вся местная власть.

Хасан был невысокого роста, плотным, приятной внешности, грамотным человеком, владел русским и арабским языками. В свое время он учился в Москве, работал в прокуратуре в Грозном.

Всех этих людей уничтожила власть после выселения народа, спаслось лишь два-три человека. Он узнал про это в Казахстане, куда вернулся к своим близким из тюрьмы в пятьдесят четвертом году.

Идриса, сына Бая, убили в пещере в Гарбалчо, около Шунды. Они с товарищами тогда уходили от преследования солдат и оторвались от погони довольно далеко, когда Идрис неожиданно остановился, почуяв запах сигаретного дыма, и попросил проверить, нет ли засады. Двое отправились вперед и скоро вернулись, сказав, что там никого нет.

– Я слышал, как хрустнула ветка, – сказал Идрис. – Стойте здесь, я пойду проверю, – и ушел вперед, оставив товарищей в кустах за пригорком.

Раздался выстрел, пуля попала Идрису в левую руку, раздробив кость. Товарищи подобрали Идриса и, неся его то на руках, то на спине, оставили солдат позади. Так они шли довольно долго, как Идрис сказал:

– Я один, вас шестеро, из-за меня одного все погибнем. Оставьте меня в пещере в Гарбалчо и уходите. При мне оставьте семизарядный пистолет, кукурузную лепешку и воду. Когда солдаты уйдут, заберете меня, если останусь жив.

Товарищи воспротивились, но Идрис настоял на своем, и они ушли, укрыв его в пещере, ушли по одному, по двое, чтобы сбить со следа преследователей.

Солдаты, оказывается, заметили следы крови и, вызвав подкрепление, окружили эту местность, узнав, что там укрывается кто-то из абреков.

Товарищи Идриса, которые за это время добрались до противоположного склона, видели, как солдаты тщательно исследуют окрестность.

На тринадцатый день они услышали выстрелы, стреляли из пистолета Идриса.

Идрис уже ослеп от потери крови, в ранах завелись черви – было летнее время, – черви проникли в глубь грудной клетки, ощущение, что он еще живой, было в тягость. Идрис, услышав людские голоса и решив, что это пришли за ним его товарищи, несколько раз разрядил пистолет, чтобы его нашли по звукам выстрелов.

– Это он? – спросил кто-то по-русски.

– Да, он, Байн Идрис, – ответили ему.

Идрис узнал второй голос.

– Махма, и ты с ними? – обратился он к нему.

– Да, – ответил Махма, сын Цацкара.

– Дай мне пить, умираю от жажды, – попросил Идрис.

Махма хотел подать ему воды, но русский грубо прикрикнул на него.

– Они говорят, что тебе сейчас вредно пить, – сказал Махма.

– Да, понимаю, теперь вся власть в их руках... если останешься жив, расскажи, что случилось со мной.

Не успел он закончить, как раздалась команда:

– Отрежьте голову!

Голову Идриса в тот же день отвезли в Грозный, тело же его заложили гранатами.

Засада у пещеры стояла восемнадцать дней, после чего Мус, сын Каби, забрал его останки и похоронил на кладбище аула Ханги.

Джабраила, сына Хунарика, убили бацбийцы, когда он проходил ночью по их территории. Его тело забрали в район и бросили прямо в центре села.

Когда над трупом стали издеваться, пиная его со словами:

– Шена мала дзагIали, шени деди ватIире! – какой-то старый бацбиец принес из дома охапку кукурузной соломы и подложил под голову убитого, прикрикнув на окружающих:

– Да упокоятся ваши отцы с псами, да обрухатите вы своих матерей, как же вы смелы перед трупом, будь он жив, вы бы и близко не посмели к нему подойти!

И Иби, сына Алхаста, убили выстрелом в спину, когда он, скрывавшийся в пещере, выбежал из нее, пытаясь выстрелить в шеделоевских милиционеров, стоявших выше, над пещерой. Пуля попала прямо в сердце.

Так же убили и Куштану, и молодого человека, Ибрагима, который был с ними. Их всех убили в шеделоевских горах снежной зимой. Всех троих обезглавили.

Хасана, сына Исраила, убили свои же товарищи, которые ранее принесли клятву на Коране, что не предадут никого. Стрелявшим в Хасана был Умар-Хаджи, сын Умара.

...Да, так вот, тогда, через месяц после того, как Керим прибил к абрекам, Идрис отвел его в сторону, как бы просто пройтись, и сказал, поблескивая своим единственным глазом:

– Парень, пьяница ищет дружбы с пьяницей, вор – с вором, мы же, восставшие против власти, ищем дружбы с тем, кто пошел против этой власти. В глазах несправедливой власти человек, даже если он ничего противоправного не совершил, всегда виноват. От твоих рук погиб человек, тебе простили его кровь, с властями у тебя ссоры нет, просто тебе нужно как-нибудь договориться с ними. Если тебя увидят с нами, ты станешь абреком, и пути назад у тебя уже не будет, пока стоит эта власть... Тебе бы искать путь к мирной жизни, не усугубляя своей вины.

Договорившись с властями, что его осудят только на три года, ожидая, пока его вызовут для окончательного решения, он решился, наконец, посетить Зазу. Прошло уже семь месяцев и две недели, как он примирился с Кахиrom.

Заза была в черном одеянии. Комната, где они встретились, была маленькой, с небольшим круглым стеклом в окне.

Он сидел на паднаре, в дальнем углу, когда вошла Заза.

Эх, жизнь! Его обдало жаром, когда он ее увидел. Ему казалось, что внутри у него бушует пламя, испепеляя сердце, унося, подобно урагану, все мысли.

– Заза, – сказал он. – Заза! – и только.

Он не смог продолжить. Не было больше слов. Он долго носил в себе эти слова, часто повторяя, носил годами. Слова забылись, он не мог их найти, словно их и не было никогда.

Заза не шевельнулась, стояла неподвижно, словно утес, с колышущейся грудью, словно месяц в облаках, грудь в такт дыханию вздымалась, подобно морской волне, затем, на какой-то миг успокаиваясь, опускалась.

Мысль сжалась, как высохшая тряпка, как щенок у обочины. Нахлынувшие

чувства, воспоминания разлились вокруг, заполнили все пространство, весь свет, словно ничего другого и не было никогда. Он слышал ее тяжелое дыхание, чувствовал едва сдерживаемые рыдания, которые душили ее, видел слезы в ее глазах.

– Не плачь, живи ты долго, не плачь... Не стоит плакать, – сказал он откуда-то издалека, из детства. – Все позади, ничего в этом мире не стоит твоих слез...

– Керим... Керим... – Заза закрыла лицо руками, как ребенок.

Его душа устремилась к Зазе, чтобы слиться с ней, растерзать, разорвать на мелкие куски...

– Всего лишь год – это немного, Заза... Совсем немного...

– Нет, Керим, немного, ни год, ни сто лет, за одно мгновение жизни с тобой... вместе... с тобой... – скрипнула дверь, и на миг комнату осветил свет, хлынувший в проем двери – Заза ушла, растаяла, как сновидение.

Той ночью, покинув аул Зазы, он остановился у леса, отпустил коня и долго лежал на спине, заложив за голову руки и глядя в звездное небо.

Ночь была тихая, виделись силуэты горных вершин, напоминая острые клыки хищников. Мерцали звезды, в лунном свете медленно плыли облака. Луна иногда скрывалась за облаками, как невеста за занавесью, озаряя их своим блеском.

Это был его мир, его дом родной, его жизнь и смерть.

Эх! Вот бы, не дожидаясь, пока пройдет год, оставив стариков спорить, этой же ночью, до рассвета, подобно рыси, охотящейся за газелью, пробраться в аул Зазы, добиться благословения муллы, передав без свидетелей серебряные деньги, тайно, как змея яйца из гнезда куропатки, как лукавый вор, выкрасть из теплой белой постели спящую безмятежным сном Зазу, сбежать с ней через окно, оставив дверь верным стражем дома... умчаться бы с ней на верном Чамаре, укрыться где-нибудь, сделав небо крышей, землю ложем, шелковые волосы Зазы подушкой, превратив одну ночь в столетие... И все же... И все же – суд есть суд, а слово мужчины – слово мужчины, которое он не имеет права нарушить...

Не имея угла, где мог бы остановиться (правда, имелся дом в ауле, но оставаться в нем было небезопасно), он скитался, не ночуя в одном месте два раза.

Он ночевал у пастухов, пасущих свои отары на альпийских лугах. Наутро пастухи уходили, и он искал новое пристанище.

Жизнь, будь она неладна, дана, чтобы человек любил ее и этот мир, что окружает тебя.

В минуту опасности, на грани смерти, жизнь становилась дорога, ты отчетливо видел красоту этого мира, которую раньше не замечал: облака, обгагранные заходящим солнцем, словно окутанные розовой дымкой, клочья облаков, свисающие с голубого неба, вершины гор, посеребренные туманом. Голубой свет, разлитый в воздухе, тихий шепот листвы под порывами ветерка. И горы, горы вокруг, покрытые по пояс лесами.

Мир казался ему памятью, с возможностью листать время, как книгу, вспоминая прошлое, создавая будущее.

Создать, оказывается, нельзя было ничего, как и познать будущее, пока оно не наступит.

Кахира арестовали.

Когда его, привязав руки к седлу, с мешком на голове, провозили через аул Керима (человек, выросший в горах, и с завязанными глазами узнает любое село, горные тропы), он, оказывается, кричал, словно знал, что его ждет:

– Керим, убей меня, я прощаю тебе свою кровь, не позволяй им увезти меня! Заклинаю тебя твоим отцом, не дай им убить меня, убей сам!

Когда ему передали это через несколько дней, он заплакал, как женщина, словно к нему взывал не враг, а брат родной.

Любой человек, который в час беды взывает к тебе в последней надежде, и есть твой брат.

– Да умри у тебя отец и брат, – всхлипывал он, – умри у тебя отец и брат, ты ушел, обрушив на меня этот мир, сделав жизнь для меня горькой, как желчь! Чем мне помочь тебе, кому отомстить за тебя?! Ты сделал то, чего я больше всего боялся, сделал, хорошо зная меня, зная, как меня ранить... Ты же знал, за что люди невзлюбили меня, чем я их попрекал... Я упрекал их в том, что когда враги, придя в сердце моей родины – Хилдехарой, – убили Адама, сына Дерказа, и Ами, сына Ду, провезли их тела через весь Хилдехарой и не нашлось ни одного мужчины, чтобы сделать хоть один выстрел... Поэтому они и взяли в нашей вражде твою сторону. Они хотели моей гибели, им неважно было, кто меня убьет, хотели, чтобы я исчез, чтобы легко жить, не видя меня, не слыша моих упреков... Ты сделал то, чего я больше всего боялся... Лучше бы ты онемел в ту минуту, когда захотел воззвать ко мне, или бы я оказался тогда поблизости... Да умри у тебя отец и брат, ты перекрыл, отравил всю мою жизнь, теперь мне остается лишь опускать глаза перед людьми... Да умри у тебя твой враг, братом моим ушел ты, братом.

После Кахира забрали несчетное множество мужчин, словно пытаюсь перевести всех кьонахов.

Уничтожали духовных лиц, всех, кто был хозяином своего дома. Владельца коня не оставляли, как и коня владельцу.

Люди сбегали, уходили в абреки, чтобы не попасться в их руки. Иметь взрослого сына было трагедией, имеющий двух быков был виновен в глазах власти, как и человек, пользующийся уважением окружающих.

Опаснее всех были чеченцы, дорвавшиеся до власти. Если люди, имеющие достойных отцов, знающие коварство властей, сторонились их «благ», всякие ничтожества без роду и племени всеми правдами и неправдами рвались к должностям. Только их, подобных себе, и допускали до власти. Они с готовностью терпели все унижения и оскорбления. Им это было все равно, лишь бы свести со света тебя, знающего им цену. Больше всего они не переносили уважение, выказываемое тебе, не терпели, когда тебя называли кьонах. Их награждали медалями и орденами, и должности им раздавали, и оружие, они гарцевали на конях, отобранных у других.

Все было как обычно, так, как поступали враги: народ обезглавили, во главе его поставили холопов, чтобы обессилить его, чтобы холопы мстили народу за свое низкое происхождение, чтобы разобщить народ, обесславить его, растоптать.

Мало кто из большого числа набов времен Кавказской войны остался до конца верен своей присяге: Ума, сын Дуя, калека Байсангур, Талхиг и еще несколько человек. Остальные все продались врагу, принося ему клятву воевать со своим народом, получая от него чины и богатства. И чеченские земли разделили между ними, основав села, названные именами этих предателей, чем очень гордились их потомки.

Все было как обычно, так, как поступали коварные враги с покоренным народом.

Той ночью, когда его схватили (случилось это глубокой осенью, в ноябре), ему снился Зубайр, друг детства, который погиб под лавиной. Зубайр был в том сне ребенком, а он, Керим, что-то ему говорил.

Он остановился тогда у знакомого, у которого не раз ночевал, в Хехечу, где тот зимовал со своим скотом. Хозяин принял его очень радушно.

– Много же беспокойств я тебе доставляю, – виновато сказал Керим.

– Никакого беспокойства ты мне не доставляешь, – ответил хозяин. – Только вот доносчиков развелось много.

Пужинав, поговорили, Керим рассказал, что договаривается с властями, чтобы ему присудили лишь три года.

Когда он укладывался спать в низенькой комнате, в которую вел лишь один ход через сарай, хозяин подкладывал дрова в печь.

Услышав лай собаки, он проснулся. Кто-то прикрикнул на собаку:

– Пошел!

Хозяина не было.

Керим позвал его несколько раз. Никто не отозвался. Обеспокоенный, он пошел к двери: дверь была закрыта снаружи. Раздался какой-то шум, и она открылась. В руках хозяина была лампа, которую он прикрывал со своей стороны ладонью, чтобы Керим не различил, что происходит в дверях. Набросившись, его повалили и связали. Затем, вытащив через сарай на улицу, положили на навозную кучу, поставив двух солдат охранять. На рассвете его привязали к седлу, надели на голову мешок и отправились в путь. Рот туго перетянули веревкой, словно удилами, так что он мог только мычать.

В Итум-Калинской тюрьме он провел неделю с арестантами, которых забрали в течение двух-трех последних дней.

В Грозном четыре дня беспрерывно избивали, затем начали допрашивать. Били, сменяя друг друга и ничего не спрашивая. Исмаила, погибшего от его руки, даже не упоминали, спрашивали об абреках, о его встречах с ними.

Его обвиняли в самом страшном грехе – попытке свергнуть советскую власть, словно всех родных этой власти убил он.

Допрашивали ночами, не давая спать, задавая один и тот же вопрос по сто раз.

Потом били.

Он отвечал на все одним словом: «Не знай».

Как-то ночью (ночь это была или день?) два офицера завели его, окровавленного, в тесный кабинет, ярко освещенный, где за столом сидел следователь. Оставили стоять у дверей. Перед следователем, спиной к Кериму, сидел арестант. Следователь задавал вопросы про Керима, а арестант отвечал, и по его словам выходило, что они вдвоем и грабежи совершали, и власть собирались свергнуть, и солдат убивали.

Следователь жестом приказал вывести вперед Керима, крикнув арестанту:

– Смотри!

Арестант оглянулся.

– Керим! – раздался крик. – Керим! Не выдержал я пыток, не вынес... Я виноват перед тобой... Ты же там... на воле... как... ты...

– Сломали они тебя, Кахир... сломали, – произнес он, удивившись, что узнал Кахира.

– А? Сломали? – крикнул он. Потом заплакал. Вскочил. Дернувшись к столу, схватил что-то и замахнулся на следователя.

Раздались выстрелы.

Руки следователя дрожали.

Брызги крови разлетелись по всей комнате.

Кахир повалился на пол и перевернулся на спину.

Подбородок дрожал.

Из головы струилась кровь.

Когда Керим пришел в себя, обнаружил, что лежит на полу в темном помещении, рядом с трупом Кахира, весь в крови.

Все зубы во рту были сломаны, как и все пальцы рук.

Встать он не мог, даже встав на колени, падал.

Его лихорадило. Казалось, что сознание его существует отдельно от тела.

В феврале его увезли, осудив на двадцать пять лет.

Сначала он попал в Уфу, затем – в Котлас. Был и в Томске. В Новосибирске в лагере «Тайшет» провел три года.

Потом, когда за участие в бунте в тайшетском лагере его отправили по этапу дальше и он, кочуя по пересылкам, очутился на Чукотке, оказалось, что прошло уже шесть лет. После этого он их, эти года, и не считал. Часть заключенных

увезли с Чукотки.

Он узнал, что, оказывается, за время его заточения началась и окончилась война. Вторая мировая война. Выслали чеченцев, как и некоторые другие народы. Одни говорили – в Казахстан, другие называли Киргизию, а некоторые утверждали, что всех их утопили в море.

Он не верил, что выслали весь народ. Это не могло быть правдой. Как можно выслать целый народ, опустошив весь их край?!

Самым трудным оказался Магадан. Люди умирали там в великом множестве, умирали в основном от голода, больше всего зимой, в морозы.

Морозы там стояли долгие, почти круглый год была зима.

Их привезли туда на верную смерть.

Он не помнил, сколько дней они провели в пути.

Бесконечный голод косил людей.

На человека доставалась одна ложка супа, каши не давали совсем.

Попали в переполненный пересылочный лагерь. Мертвых уносили сотнями. Все были сильно истощены.

С ним оказалось три чеченца.

Лагерь был огромным, каждый день людей приводили и выводили.

Некоторых заключенных не трогали. Весь лагерь находился в их руках, их слово было законом для всех.

Голод подточил все силы.

Царили суровые законы, которые возможны лишь в мире людей, но не знакомы даже диким зверям.

Победители были очень жестокими, побежденные – покорны, не являясь уже хозяевами ни своего тела, ни души.

Как-то ночью привели двух-трех новых заключенных. Один был очень высокий, под два метра, со здоровенными руками и ногами. Зайдя в барак, он сразу устроился на нарах в углу, согнав оттуда какого-то русского:

– Уступи, парень!

Он был таким огромным, что еле помещался на нарах. Весь осунувшийся от голода, с выступающими большими костями, он неподвижно пролежал на нарах двое суток, как труп, так что не слышно было его дыхания, он лишь произносил время от времени:

– Воды!

На третье утро он сел, опустив ноги, ссутулившись, голова его упиралась о доски верхних нар.

– Ну как? – спросил он. – Как тюрьма?

Все зеки смотрели в его сторону.

– Как везде, – ответил Керим. – Тюрьма как тюрьма.

– Да, конечно, – затем окинул себя взглядом, посмотрел на свои босые ноги и произнес на чеченском языке: – Да будь оно неладно, истощал-то я как!

– Ты чеченец?

– Чеченец. А ты кто? Откуда?

Керим назвал и спросил в свою очередь:

– А ты откуда?

– Я с Малхисты.

– Ты не Бисолт, сын Видаша?

– Да, это я.

Керим сперва не поверил, потом очень удивился, что видит Бисолта, о котором много слышал.

Судя по тому, что про него рассказывали, его должны были убить, а не арестовать. Это был враг советской власти, такой же, как Идрис, сын Бая, Иби, сын Алхаста, Хасан, сын Исраила.

– Как же это они тебя в живых оставили? – спросил он.

– Срок, значит, не подошел еще... Другой причины нет, – ответил Бисолт. – Когда нас троих – меня, Бексолта и Тойсолта – арестовали, я, чтобы выгородить братьев, все, что следователи пытались повесить на нас, взял на себя, но им

дали по двадцать пять лет, а мне десять... Уже девять месяцев меня кидают с места на место... Обессилел я от постоянных переездов... Ну, а вы как?

Керим ответил что-то неопределенное, не в силах описать страдания словами.

– Ладно тогда. Отдохну я еще немного, – Бисолт, выпив кружку воды, вновь растянулся на нарах.

В полдень, когда принесли обед, он проснулся. Увидев огромного, полного заключенного, который проходил вдоль нар, накладывая в подставляемые чашки по ложечке кашицы, Бисолт воскликнул:

– Вот это бугай, да съест он голову своего отца!

– Этот русский морит нас голодом, Бисолт, не отдавая положенного... Как-то мы втроем набросились на него, но он разбросал нас, словно щепки... А потом и охранники избили... После этого никак не подвернется случай, да и обессилели мы... – проговорил он.

– Ничего, ничего... Недели через две, когда я немного приду в себя, посмотрим, – Бисолт окинул взглядом с головы до ног заключенного с кастрюлей.

Однажды вечером, когда зек зашел со своей кастрюлей и шумовкой, Бисолт окликнул его:

– Эй мужик, поставь-ка свой казан!

– Чего?! – тот надвинулся на Бисолта. – Я тя щас поставлю, урод! – и замахнулся шумовкой.

– Держи дверь, Керим! – крикнул Бисолт и, бросившись на амбала, обхватил его руками чуть ниже груди.

Оба упали на пол. Через какое-то время Бисолт схватил его левой рукой за горло, а сам, вытянувшись, сел на его колени, чтобы он не дергался. Тот извивался, размахивая руками, пытался освободить свое горло. Бисолт время от времени обрушивал на его грудь свой огромный, как кувалда, кулачище.

Наконец, тот захрипел, тело его судорожно задрожало.

– Да съешь ты голову своего отца, пузо! – не успел Бисолт встать, как на умирающего набросился весь барак, скоро под ним растеклись целые лужи крови, как под зарезанным быком. Голова превратилась в сплошное кровавое месиво. Заключенные словно сошли с ума: они орали, пинали лежащего, прыгали на него.

Забегали охранники и начали избивать заключенных.

– Кто убил?

– Я убил! – Бисолт встал у стены, окинув взглядом барак.

Его увели, не дав даже попрощаться, увели, чтобы забить до смерти. На рассвете он неожиданно вернулся, неся булку хлеба, головку сахара и масло.

– Начальником лагеря оказался грузин, – рассказал Бисолт. – Узнав, что моя фамилия Махаури, он решил, что я тоже грузин. Я сказал ему, что чеченец, и он отпустил меня, дав буханку хлеба и попросив, чтобы я заменил убитого мною зека.

После этого случая заключенные зауважали Бисолта, он стал гордостью барака, и все называли его с почтением Султан. Потом стало легко, словно они находились дома, слово Бисолта теперь было законом для всех зек.

Когда с пересылки отправили по лагерям, они расстались с Бисолтом. Он больше не видел его. С ним остались только его образ, разговоры, слова: « Вот так вот, Керим, вот оно как было... » Воспоминания эти придавали сил, чтобы не отчаиваться.

В лагерях было очень тяжело, работа на золотых рудниках выматывала до предела. Отдыха не было совсем. Были лишь сны. Они снились и днем, и ночью, которые он уже не отличал друг от друга. Его окружали одни доходяги, напоминающие мух ранней весной. Тот, кто утром выходил с тобой на работу, часто вечером уже не возвращался.

В шахту забоя спускали чашку на веревке, в нее клали руду, которую удалось отбить кайлом, ее поднимали и взвешивали. Пайку выдавали сообразно выработке, спуская все так же на веревке. Если товарищ умирал, это скрывали,

чтобы получить и его пайку. Вечером это обнаруживалось, и тогда били.

Люди все время менялись, новые этапы все привозили и привозили, и они так же умирали сотнями. У человека не было имени, имелся только номер, как бирка у скота.

Месяц, год – все забывалось, казалось, что время остановилось. Иногда неожиданно наступала весна, кое-где начинал подтаивать снег. Тогда искали траву, коренья, едва начинающие краснеть ягоды. Ягоды таяли во рту, не оставляя никакого вкуса. Недовольно урчал живот, как корова, оставшаяся без корма.

Сны не оставляли. Когда сон заканчивался, было особенно тяжело. Проснувшись, человек все еще причмокивал, стараясь вспомнить вкус хлеба, который он жевал во сне. Чтобы хоть как-то уменьшить, обмануть чувство голода, туго перетягивали живот веревкой. Когда веревку развязывали, трудно было устоять на ногах. По глазам определяли время, время, которое доходяге осталось жить, и определяли безошибочно. Глаза были единственным живым местом на теле.

Человек умирал без слов, просто оставался лежать.

Ему завидовали, завидовали его «счастью».

Тяжело было перенести смерть знакомого, не оставалось сил, силы таяли, умирала надежда.

Заедали вши, не было сил бороться с ними. Тело зудело, как от чесотки, и покрывалось язвами от почесывания. Язвы никогда не заживали. По лицу проползала вошь, за ней, по брови, вторая. Ночью, выдернув из телогрейки, клали куски ваты подмышку. Утром выкидывали. Кусок ваты шевелился, как живой, от вшей. Они тоже искали теплое место и собирались подмышкой. Все телогрейки были такими, с выдернутыми клочками ваты.

Когда сознание мутилось от бесконечного голода, покусывания вшей, душа устремлялась на далекую родину, Чечню. Он видел горы, острые пики, устремленные в небо, родники с прозрачной водой, белые бугры на склонах, напоминающие издали пасущихся овец, нити тропинок, маленькие хутора, гладкие камни, вершину горы, взметнувшейся вверх, словно чтобы боднуть луну, далекий свет в окне в вечерней мгле, напоминающий спустившуюся на землю звезду, мерцание жемчужин звезд на небе, Малую Медведицу, слышал лай собак в сумерках, стук копыт на каменной дороге, шум реки, доносимый ветром, волчий вой...

Лежа в полусне, слышал голоса, разговоры, потом видел картины, себя в юности, мать, отца, односельчан.....

...беги родной, принеси воды, я замешу тесто... я испеку мягкую лепешку... кого это ты высматриваешь, волк... клянусь, на твоём месте я тоже поступил бы так же.....

... ты что это, парень, каждую минуту водишь коня на водопой... ему одного раза достаточно... или ты решил оспаривать родник с дочерью Малака.....

...ничего, подожди недели две, пока это тело нальется силой.....

...нет, не говори так, Заза, почему это ты должна быть несчастна из-за того, что родилась в ночь затмения луны, ведь я живу, чтобы сделать тебя счастливой.....

... нет, не выйдет из тебя мужчина, я же видел, как ты убегал от петуха...
...бедный мой, бедный, что же с тобой будет, ведь на тебе кровь невинного человека...

Очнувшись, он слышал лишь стоны заключенных и их храп. Ему хотелось умереть, это было единственным желанием, о чем смел мечтать – умереть, и больше ничего. Мысли мешались, сжималось сердце, и только душа, одинокая, изнывающая, которая не отпускала его, напоминала о себе, не давая покоя, смирения, чтобы уже не надеяться на завтра, которого нет и уже не будет, ничего не чувствовать, забыться, сгинуть.

У него уже не было родины, и народа не было в родном краю, его выслали

с земли, на которой он жил испокон веков, оставив могилы, память, выслали с земли, с которой были связаны все радости и печали этого народа, и сны, которыми он теперь жил.

Не было никого, кто бы понимал твой язык, кто бы знал тебя, твоих отцов. Ты жил, сам не понимая и не задумываясь, зачем живешь, ради чего. Вставал каждое утро, не зная, зачем это делаешь, вечером ложился, желая забыться, не думать ни о чем, или молил Всевышнего о смерти.

Как-то вернувшись ночью с работы, они узнали, что умер Сталин. Начальство выглядело растерянным. Они, начальники, сильно изменились, стали более приветливыми по отношению к заключенным, заговаривая с ними, как со своими товарищами. Питание улучшили, на ночь стали выдавать дрова.

Потом неожиданно усилили охрану: говорили, что власть в стране взял Хрущев, а Берию расстреляли. Некоторых, более ненадежных, забрали обратно в тюрьмы. Самыми опасными врагами считались осужденные по пятьдесят восьмой статье. Керима продержали в тюрьме восемь месяцев, затем освободили.

Стояли лютые декабрьские морозы, когда он добрался до Караганды. Ему было уже сорок восемь лет, шестнадцать из которых он провел в заключении. В Караганде он нашел людей своего рода, в основном же тут жили выходцы из Валерика, Урус-Мартана, Шалей. Из родственников не было никого кроме одного троюродного брата. Да и он жил с казашкой, имел от нее уже троих детей.

Голод, оказывается, заставляет забыть о чести и достоинстве: некоторые чеченки, бросив свои умирающие от голода семьи, повыходили замуж за казахов.

Он узнал о смерти матери в пути, тело ее вынесли на какой-то станции, и никто не знал, на какой. Стариков осталось очень мало, были в основном дети, женщины и подросшая за последние годы молодежь.

Зиму он проработал в отделении колхоза «Путь к коммунизму», возя коровам сено. Весной часто отлучался на поиски родных.

Одни, оказывается, попали в Кустанайскую область, другие – в Семипалатинскую, третьи – в Усть-Каменогорск. В Восточно-Казахстанской области оказалась и Заза, она умерла в первую же весну. Некому было показать ее могилу. Умерло в эти годы очень много людей, и хоронили их, где придется.

Один старый казах, дымя трубкой, спросил у него, кого он ищет, кивая на место рядом с собой. Керим сел. Покурив с ним, он спросил про Зазу, называя и ее фамилию. Потом описал ее, не забыв про зуб с щербинкой и родинку на носу с левой стороны.

Казах встал и пошел, затем обернулся и махнул ему рукой: чего, мол, стоишь...

– У нас у каждого рода свое кладбище, – рассказал он. – На нашем кладбище похоронено пять чеченцев: две женщины, трое мужчин. Из двух женщин одна как раз та, которую ты ищешь. Когда ссыльных чеченцев распределили по семьям местных жителей, женщина, которую ты описал, попала к моей свояченице. Очень красивой она была. Еще в пути заболела тифом. Не прожила тут и месяца. Я похоронил ее за кладбищенской оградой, поставив доску с именем не посмел: умерших от тифа приказали отвозить от села далеко, чтобы никто не заразился.

Керим вернулся обратно. Как-то осенью он пошел на вечеринку – чеченцы устраивали вечеринки каждую ночь. Какой-то бригадир из чеченцев встал, сделал круг и подошел к девушкам. Оставив стоять девушку (девушка была в годах и некрасивая), которая встала, думая, что приглашают ее, он вывел в круг другую девушку. Бригадир был высокомерен, с изрядным брюшком. Не обращая внимания на танцующую пару, Керим пригласил девушку, оставшуюся смущенно

стоять. Дотанцевав с ней, он поблагодарил ее и вернулся на свое место.

– Если убить тебя, скажут, что я убил человека, – возмущенно произнес оскорбленный бригадир. – Влепить бы тебе оплеуху, чтобы ты умылся собственной кровью!

– Попробуй, что у тебя получится, требуха, набитая зерном, – Керим спокойно сел. – Твоя нога даже не ступала по дороге, по которой ходил къонах! – и крикнул девушке, чтобы время от времени посматривала в его сторону.

Разгневанный бригадир выскочил из комнаты. И больше не возвращался. Керим станцевал еще раз. Скоро все разошлись.

Через месяц Керим женился на ней, словно назло, назло себе, своей судьбе. Тайбат была горемыкой, оказавшейся в этом аду, оставив на родине все свои надежды. Кроме матери у нее никого не было. У них родился сын, затем близнецы, мальчик и девочка, но оба умерли один за другим. С одним ребенком и вернулись из Казахстана. Сейчас он был с ним, со своим единственным сыном, не усидев дома, когда сын отправился в горы пасти колхозное стадо. Ему нравилось здесь, нравились горы, воспоминания, связанные с ними.

Тайбат умерла через пятнадцать лет после возвращения на родину, в семьдесят втором году, от рака. Теща прожила с ним еще пять лет, моля Всевышнего, чтобы не осталась прикованной к постели. Она и умерла в дороге, когда отправилась на похороны в соседнее село.

Через четырнадцать лет после возвращения он отправился со строительными бригадами в Казахстан, на заработки, поработал четыре месяца, потом отправился на могилу Зазы, вырыл ее останки, уложил в чемодан, обматывая каждую косточку, как большую драгоценность, белой материей, и привез на Кавказ.

Начав раскапывать могилу, Керим десять, сотню раз откладывал в сторону лопату, не в силах смотреть на могилу, представляя прежнюю, живую Зазу. «Что же предстоит мне увидеть?» – мучился он и садился у края могилы, подавленный, смущаясь тела Зазы.

Позже, когда показалась ее череп, увидев, что волосы Зазы, черные, как смоль, приобрели бурый цвет, его душа бросилась вдаль, вобрав в себя вселенскую тоску: «Бедная ты, бедная, тебе суждено было умереть, претерпев голод и лишения, в этом чужом краю, где тебя никто не знал, где никто не знал твоей истиной цены... Ты же была целым миром, целой вселенной, жизнью моей, несчастной и счастливой...» Разговаривая с Зазой, он перебирал сотни ее косточек, на которые рассыпался скелет, чувствуя, что с каждым прикосновением к ним его пальцы обжигает. Он собрал все ее кости, заровнял могилу, воздал хвалу Аллаху и собрался домой навсегда, поблагодарив эту землю, возвращаясь к истоку своего пути, который начался там, когда он держался еще за подол платья матери.

Останки Зазы он захоронил в горах, на родовом кладбище, рядом с могилой отца, сделал ее, таким образом, членом своей семьи.

Тайбат, бедняжка, выглядела несколько растерянной:

– Похороны, Керим, и меня так же, как и ее, на том же кладбище, – сказала она, глядя ему в глаза.

Потом, когда прошло около часа, она произнесла:

– Прости меня... Я всего лишь женщина, все от нечистого, – и, проведя по глазам большим пальцем, стирая слезы, добавила: – Ты заставил меня позавидовать ее смерти, – не называя Зазу по имени, следуя обычаю.

Выходя после обряда поминовения Зазы, сельчане, оказывается, сказали:

– Теперь он, наверное, устроит поминки и по Кахиру!

Эх, как тяжело жить, когда нет человека, который понимал бы тебя, знал, кто ты! Одни имена остались от людей, одни имена, ничего более...

Откуда им знать, что и врага, если он кьонах, нужно уважать?! Они, передающие все свои обиды на божий суд, и не виноваты.

Когда абрек Ахмад, сын Хаматхана, услышал, что его любимая, жившая в Гойтах, погибла от удара молнии, он отправился на похороны, пригнав на поминки большое стадо коров. «Что это ты надумал? Ты в своем уме?» – возмутился отец девушки. «Ты имеешь право только принимать соболезнования, – ответил ему Ахмад, – настоящий же хозяин похорон я». Гойтинцы, узнавшие Ахмада, принесли, говорят, потом соболезнования и ему: «Пусть даст Всевышний Аллах тебе терпения, Ахмад, у отца сегодня умерла всего лишь дочь, а у тебя сегодня опал с сердца цветок, нанеся ему незаживающую рану».

Как тяжело, эх, как тяжело, быть сторонним наблюдателем, смотреть как уходят твои дни, живя одними лишь воспоминаниями, расставшись со всеми родными и знакомыми, не имея близкого человека, которого можно было пригласить к себе в дом, который прожил с тобой одну жизнь, одно время, как тяжело осознавать, что твое время ушло, оставив тебе сны и воспоминания!

Вспоминались все они, эти достойные кьонахи, те, про которых слышал, которых видел сам: Зубайр, сын Ески... Махмад, сын Дунди... Бисолт, сын Видаша... Дада, сын Межига... Мус, сын Боки... Хаза, сын Зоки... Изновр, сын Цези... Вахаб, сын Муса... Хаси, сын Незира – как много их было, настоящих мужей, как много! – Махмад-Хаджи, сын Ига-Хаджи... Иса, сын Боха... Гади, сын Йоти... Муха, сын Кушака... Бацалг, сын Мухи... Сайд-Али, сын Эски... Джарап, сын Точи... Цуохарг, сын Мажи... Керим, сын Бахо... Бахарч-Хаджи, сын Мелика – каждый из них стоил целого мира, они были опорой народа, его столпами. Вряд ли сегодня нашелся бы такой человек, который был бы способен сказать то, что сказал Бехо, сын Амина. К нему как-то пришел человек с ворованным конем и попросил укрыть коня, пока он отправится в свое село и вернется. Но скоро по следу конокрада во двор Бехо пришла милиция вместе с председателем сельсовета и работникам НКВД. Коня вывели из сарая, и председатель обратился к хозяину дома: «Бехо, мы знаем, что коня увел не ты, но ты должен нам назвать имя грабителя». Бехо спокойно ответил: «Я бы назвал вам это имя, будь я рожден от твоего отца, но, что поделаешь, я рожден не от него, чтобы предать гостя». Из-за этих слов его арестовали, и он бесследно сгинул.

Когда убийцу своего брата убили бацбийцы, чтобы забрать оружие, Гама, сын Хаси, отправился в Бацой-Мохк, привез на лошади труп убитого, омыл, обернул саваном и отправил к его родным человека с вестью, чтобы приехали и забрали покойника. Потом, подождав, пока те не убили своего кровника-бацбийца, отомстил за своего убитого брата.

Дудаш, сын Зами, увел из сарая Чоки, сына Вары, быков, но отказывался возвращать их, уверяя, что не виновен и готов принести в этом клятву. Дудаш несколько раз устраивал засаду на Чоку, первый раз он не выстрелил в него, когда тот шел с тестем, второй раз не убил, увидев с сестрой. Третий раз Дудаш шел с женой, и Чока, не выходя из своего укрытия, крикнул ему: «Один раз я оставил тебя потому, что ты был с тестем, зная отношения между тестем и зятем, в другой раз – пожалев твою сестру, сегодня ты с женой. Ну выйди ты хоть раз из дома один, без сопровождающих, не заставляй меня нарушать приличия».

– Нельзя лгать кьонаху, Чока, ты настоящий кьонах! – с этими словами Дудаш вернул украденных быков, приведя от себя еще одного, которого они зарезали, и переночевал у Чоки.

На вторую осень, после жертвоприношения по Зазе, Керим вновь зарезал быка и созвал людей на поминки. Когда у него спросили: «По ком эти поминки, Керим? За кого просить Всевышнего?», он ответил: «По Кахиру, сыну Умхана,

просите за него».

На какое-то время все застыли, Умар, сын Сайди, подавляя смехок, окинул всех взглядом. В прошлый раз, когда Керим справлял поминки по Зазе, именно он, оказывается, сказал: «В следующий раз, он, наверное, справит поминки по Кахиру!» Умар, который до выселения донес властям на своего врага. Умар был родственником человека, который продал властям Керима, и Керим по возвращении из ссылки заставил их отплатить за вероломство.

Когда после поминок люди вышли за ворота, тебе захотелось громко крикнуть вслед: «Умар! Я был врагом для своего врага, но никогда не доносил на него, и я был хозяином для своего гостя!»

Но ты не крикнул и ничего не сказал. Промолчал, глядя вслед удаляющимся гостям, которые, переговариваясь между собой, постепенно скрывались в темноте.

То, что ты видел теперь, было совсем другим: другой мир, другая жизнь и свобода другая – кругом одни только горы, высокие горы и ничего, кроме гор.

Небо, распластанное над головой, солнце, льющее свой свет на землю.

Тонкое золотое полотно, сотканное из лучей солнца, слепило взор, отдаляя гору.

Зеленый покров горы – еле видимый, леса густо-зеленые.

Кладбище обветшало, кажется, оно поникло вместе с тобой, с твоими годами.

Так же и могилы стоят безмолвно, тихие, немые свидетели прошлого.

Вся жизнь с ними, с этими могилами, тишина, застывшая в укорее... Воспоминания твои, радости и печали теперь связаны с ними, с умершими.

Почему они так часто приходят к тебе во сне, перед глазами возникают их образы, прежние, из того времени, с разговорами, начатыми тогда, словно смерти не существует и время не подвластно что-либо менять, как будто нить не прерывалась между прошлым и настоящим, и нет объяснения понятиям «тогда» и «теперь»... Дорога возвратилась к своему началу, жизнь возвратилась к своим истокам, с чего она начиналась, круг замкнулся, все, что было с тобой тогда, в начале твоего пути, предстало пред тобой...

В зеркале застывшие картины, реки времени сменяют одна другую, одно теряешь, другое находишь, то, что нашел, не можешь удержать; а еще вчера вы были вместе, все вместе, и годы ваши на всех одни, все вы как один, как одно целое.

Кричат? Кому? С соседнего пригорка кричал мальчик. Он уже давно кричал. Старик сидел все так же, уйдя глубоко в себя, ничего не замечая вокруг, забыв себя, свои старые кости и весь этот мир. Ведь мир, который он видел, познал, был велик. Горы, сливающиеся с равнинами, равнины – с морями... другие края, чужие земли, народы...

И дороги, протоптанные тобой по этой земле, каждая из которых была новой, последняя, как и в начале, начатая тобой на своей родине, со своего имени, на своем языке, потому что язык, родина, имя – это одно... и когда этот путь, предначертанный еще до рождения души, завершится – теперь-то уже скоро, – он предстанет перед Всевышним и скажет: «О Аллах! Вот он я! А вот и мои дороги!» – с ответом за свои деяния, дорога, начатая до сотворения тебя, сомкнется в круг.

Мальчик стоял рядом со стариком, глядя на него сверху вниз. Он стоял давно. Мальчик, возмущаясь, размахивая руками и вытаращив глаза, что-то рассказывал деду, как будто дед слышал его.

Старик молчал, он был далеко.

– Кай... Ну, Кай, ты слышишь? Я кричал тебе... Мама зовет... А ты не слышишь...

– Кричал?.. Когда?.. А, Джабраил, это ты?

– Да, Кай, я кричал тебе еще оттуда...

– А, да... Ты где...
 – Я же ходил за водой из источника... Видишь, ягоды нарвал...
 – Вижу... Теперь вижу... Вода... А почему она такая теплая?
 – Я же ягоды собирал!
 – Надо было сначала собрать ягод, а потом идти за водой...
 – Ага, за ними же надо спуститься в лошину... на, возьми... ешь ягоды...
 – Ты сплел корзинку... а зачем из этой травы, ягоды же будут теперь горькие...

– А в чем бы я их принес?!
 – Э-э, живи ты долго... Ты мой кьонах, все, что тебя ни настигнет, все перенесешь...

– Нас мама зовет, Кай... Ты не слышал?
 – Ты же мои уши, и глаза дады тоже ты, – отыскивая глазами посох, старик, опираясь на руки, сделал попытку встать.

– Подожди, Кай, я носки... – мальчик взял высохшие на солнце носки, растер их, чтобы сделать мягкими, вывернул и, высунув от усердия язык, надел их на ноги деду.

Помог надеть галоши. Потом протянул посох. Старик произнес:

– Алхамдулиллах, хвала Тебе, Аллах! – одной рукой взял палку, второй оперся о землю и тяжело встал. Мальчик стоял и смотрел. Старик улыбнулся внуку, смотря на его влажные от пота волосы.

– Ну, иди вперед, – сказал он, давая знать, что готов.

– Нет, Кай, ты иди впереди... Ты же никогда не поспеваешь за мной, – мальчик улыбнулся, глядя в глаза деду.

– Нет, ты должен идти впереди, мне же легче за тобой...

Мальчик пошел по тропинке, старик немного задержался, потянулся и, делая маленькие шагжки и раскачиваясь из стороны в сторону, отправился следом, не поднимая опущенных к земле глаз.

Послышался голос:

– Джаби! Идите домой, даьттаг Iа остынет.

Мальчик крикнул в ответ:

– Идем мы, идем! – и оглянулся.

Мальчик был далеко впереди, он часто останавливался и оглядывался, мальчику казалось, что он идет очень медленно, но старик оставался далеко позади.

Старик шел погруженный в свои мысли: «Куда уходит все и что останется... что останется из бывшего... все прошло, словно ничего этого и не было...»

Он напоминал орла, старого орла, который, упав с небесной выси на землю, поднимался в гору, тяжело волоча израненные крылья, или большого паука, или состарившееся, высохшее дерево.

Солнце было в зените. Оно грело старику спину.

Старику было тепло.

1986–2004 гг.

¹ Чурт – надмогильный камень.

² Илли – народная эпическая песня.

³ Кудал (кIудал) – кувшин для воды.

⁴ Даьттаг Iа – каша из муки на масле.

⁵ Решение суда в высокогорном селе Майсты считалось эталоном справедливости.

⁶ Кьонах – молодец, достойный мужчина, наделенный высшими добродетелями.

⁷ Дечиг-пондар – национальный трехструнный музыкальный инструмент.

⁸ Паднар – деревянный топчан.

⁹ На Суьйра-Корте, восточной окраине Грозного, находились нефтедобывающие участки Чермоевых.

Роза Дахаева**Простая истина**

Гореть. Молчать. И снова думать.
 Все отрицать. И вновь творить.
 Десятки раз свой шаг обдумать,
 Чем прежде как-то поступить.

Себя терзать за живость мысли
 И укорять за то, что жил.
 И снова возвращаться к жизни –
 Не зная, без нее кем был.

Отбросить напрочь все сомненья
 И знать, что Истина проста:
 Пусть и полеты, и паденья,
 Ведь жизнь на это и дана!

Осень

Осень. Пора зрелой женщины:
 Строгая свежесть дня,
 Если дождь – не переменчивый,
 Если солнышко – то с утра.

Если ветер – то доверчивый,
 Охлаждающий взлеты ума.
 Осень – пора зрелой женщины,
 И она для меня как сестра.

Сюжи

*Моему дяде
 Доке С.*

Седой туман окутывает горы
 Моей красивой маленькой земли.
 Встречаю утро с братом на задворье
 Земли отцов – селения Сюжи.

Бери себе охапками природу,
 Пей воздух, наслаждайся красотой.
 И сожалей, что не был здесь отроду;
 Не понимая, беден был душой.

Куда б ни уводили нас дороги,
 Какие б там ни ставились кресты –
 Лишь здесь встаешь
 у правды на пороге,
 Созвучье с миром ощущаешь ты.

Седой туман окутывает горы,
 И здесь, где воплотились в явь мечты,
 Пустыми тех считаю разговоры,
 Кто чудо видел лишь со стороны.

Не предавайте землю, люди

*Боль земли и матери познаешь,
 Если проживешь от них вдали.
 То, что сам тогда перестрадаешь,
 Знай, что то же вынесли они.*

Немного музыки, маэстро,
 Немного света и тепла –
 Пусть отдохнет от горя сердце
 И успокоится душа.

Я по земле бродить устала,
 Земные бури обходя.
 Не знаю, кем я в жизни стала,
 Но знаю: крылья обрела.

И эти степи Казахстана,
 Тюльпанов взор и зной песка,
 Ничто тогда не удержало,
 Когда к себе звала Чечня.

А песня гор в душе звучала,
 Просила верности она,
 Когда земля в огне стонала,
 С землею плакала и я.

Ты видишь, плачу я, маэстро,
Но эту песню пропою,
Пусть будет всем под Богом место,
Кто любит Родину свою.

Не предавайтесь, люди, мести,
Оставьте корысть и вражду,
Мы разве можем быть не вместе
В Чечне, в загубленном раю?..

Не предавайте землю, люди,
Любите Родину свою!

Желтые листья

Желтые листья,
Словно шифоном,
Обвили черный ствол.

Это фантазия
Или мистика –
Картина туманит взор.

Как бы то
Ни было,
Простая истина,
Идущая с давних пор:

Это мужчину
С мрачными мыслями
Нежно ласкает
Желтый шифон.

Странно,
Он черен,
Он все же не искренен.

Он явно
Чем-то смущен.

Мне бы хотелось
Быть его листьями
И знать, что думает он.

Тело будет с годами стареть,
Старость будет покоя хотеть,
Только ум, если знаньем питался,
Будет людям для пользы гореть!

Мучительное самоутверждение

Мучительное самоутверждение,
Когда вокруг одна молва
И, как клеймо, сложившееся мнение:
«Наивна слишком, чересчур добра».

И подвергая суд людской сомнению,
Жалея, мучаясь и всех любя,
Я своего придерживаюсь мнения:
«Превыше всяких правил доброта!»

Зима рисует снежными узорами
Немыслимые знаки на стекле.
И не прочесть их человеку взорами,
Природы таинство несет она в себе.

И расстилая одеяла белые,
Закроет все прорехи на земле.
Скует во льды все воды бурно-смелые
И принесет покой моей душе.

Оставьте одну мне тропинку

Оставьте одну мне тропинку,
По ней я пойду сама.
Не под ручку и не в обнимку,
Не сходя от любви с ума.

Я пойду и подумаю трезво,
Взвешу все свои «против» и «за»,
Умножая мысли резвые
На поступки и злобу дня.

Я пройду, мне это полезно,
Хорошо, что сейчас я одна.
Не в свои ли дела я лезла?
Так ли я, как надо, жила?

В скором будущем:
Светлом иль темном,
Страшном мраке ли,
В светлом раю,
В схватке духов
Непокоренная
Я особое место
Займу.

Даудов Асламбек**Беркате хъаша**

Дийцар

Казахстане балха ваханчоьх вевзинера Мохьмадана МартантГера шен хъаша Іарби. Цигаьхь вовшашка хьожуш, мерза хан яккхинера царшимма. Казахстанера цІавирзинчул тІаьхьа и шиь вовшена газа дикка хан яллера. Шен кертахь дан долийна гІуллакх чекх а даьккхина, Мохьмадана дагадеара хІинца ша шен хъаша волчу МартантГе самукъадаккха ваха веза аьлла. Кирандийнахь зудчуьнга шена тІеюхург а кечъяйтина, маж а яьшна жима стаг санна лерина кеч а велла новкъавелира иза.

Автобусаш лаьтгачу станцехьа дІаволавелира иза сихха, шена тІаьхьа араьялла зуда тІаьхьаьоьжуш а йитина. Нийсса 12 сахьт долуш МартантГе йоьду автобус ша хила езачу метте сьахІоьттира. Мохьмад сихвелла автобуса тІе хьалавелира шен меттиг сьхалаца. Автобус шен хан тІе ма кхаьччи дІайолаелира. Цьха сахьт даьлча автобус МартантГе дІакхечира. Мохьмад ша чухууш санна сихвелла аравелира автобус чуьра. Арахь де хаза дара, декхна, стиглахь цьха а марха яцара сьхагуш, гІалахь санна догІа дан кечъел яцара. Охьавоьссича, доккху са а даьккхина, шен хъаша волчу дІатаьІира шегахь долчу адресца. Автобусан станцина гена воцуш Іаш вуй хаьара Мохьмадана шен хъаша. Делаьхь а леха ца леха Мохьмада шена доьхьал вогІу цьха жима стаг сацийра: «Джабраилан кІант Іарби мичаьхь Іаш ву?» – аьлла. Шега оцу кепара леррина саца а вина хаьттича, жимчу стага вуха а вирзина вигна иза дІакхетийра. Мохьмадана Іарби цІаьхь ца карийра. ЦІаьхь кегийчу берашца Іарбин нана йоцург кхин аддам а вацара. Хьеше хьал-де хаьттиначул тІаьхьа Іарбин нана юучунна, молучунна гІайгІабан елира. Шен гІуллакх дешшеьхь йоккхачу стага хьеше са ца гатдайта кест-кеста олура: «Хьенех, аьха самагатде, хІинца Іарби цІакхочур ву хьуна, тІаккха шашшинна самукъадоккхуш Іийр ву шуьшиь». Са ца гатдо ша-м, олий йоккхачу стеган дог оьцура хьешо. Амма тІекхаьчна-кхаьчначоьх муьйлуш лела Іарби хууш дацара цІа маца кхочу. ЦІаьхь Іарбин гІуллакх юучуьнца, молучуьнца чІогІа тиша дара, оьшург эца товаш аьха а дацара. Йоккхачу стагана догІучу 12 туьма пенсина тІехь Іаш бара Іарби а, Іарбин доьзал а. Іарби цьханьха а балхахь а воцуш тІетаьІпина муьйлуш лелаш вара. Берийн нана кхелхичьхана галваьллера иза. МаслаІат хьешана там бан гІерташ хьйзашеьхь веана Іарби цІакхечира, мелла цІацІай кеп а йина. Когаш тІехь а ца латгалуш мелла шен кІант цІа кхаьччи МаслаІатан кийрахь цІе елира. Ма йоккха юьхьІаьржо ю хІара бохуш, ша хІун дер ца хууш ша йолчоьх дІаса хьийзара иза. Ша варах докко хъаша а ваьллера. Делаьхь а дан хІума дацара, шен дагахь дерг а ца хоуьйтуш сатуьйхира Мохьмада. Мохьмада вовза а вевзина: «Хьенех, хьо вац иза! – аьлла, маракхийтира Іарби хьешана. – Хьо ма дика веана со волчу!» – «Хьо ца варах, со веана хьо волчу, сайна хьо оьшун дела», – аьлла сихха жоп делира Мохьмада шега динчу хатгарна доьхьал. «Дера, ма бакь веана хьо, суна чІогІа хазахийти хьо веана», – бехкала вахана хьаьвзира Іарби а. ЦІаьхь долу хьал-де а хаьттина хьеше, охьа ца кхета гІерташ халла чу вахара Іарби, юучунна, молучунна шен нана хІун деш ю хьажа. Хъаша а аьхкенан суьйре

хаза хеташ кертахь заадаьккхинчу стоьмашка бляьрг а тухуш дласа волавелира. Нанас шена тляьхьа чувеанчу шен клантана дов дира, бехк а боккхуш: «Велла вала хьо дела, айхьа лелорг дош хета хьуна, цена йохьляьржо ю-кха хьо волу меттиг, оцу маларо талхийна, пайдабоцчу ваьккхина а ца лаш, хлаллаквеш вукха хьо», – аьлла». Иза дуьхьара дацара. Амма маларца кхоччуш эвхьаза ваьллачу клантана ненан а дацара дан хлума. Шен нана шега бакълоьй хууш ларби а лара, хихкина хлоьттинчу говро санна корта а оллийна, лаьтта бляьра а хьобжуш. «Хьо стенна ла, балда а оллийна, лаьттан бляьра а хьобжуш, же, вало, божлийчуьра ара а баккхий сихха аттана урс хьакха, хьаша меца хир ву, цунна цхьа глайла база долиь вайша», – аьлла Маслалатата човхийра шен цхьаь бен воцу клант. Ларби ткьа цец а ваьлла хьобжура шен нене. Цхьаь бен боцу берашна шурен глаламна латтош болу етт бен а бехь, бераша хлун дийр ду аьлла а хетара ларбина. Хала киртиг яра мискачу Маслалатаний, ларбинний тлехлоьттинарг. Амма дан хлума дацара. Вархле дайшкахь дуьйна схьадоглу хьаша везалараран гиллакх дохо йиш яцара хлуьу хилла лаьтташ делахь а. Кертахь цхьа етт боцург хьешанна ен хлума ца хиларо а дохийнера цхьадерг. Важа дерг керахь ахча цахиларо, иза араваьлла дехча йоккхачу Мартанатлехь муьйлуш лелачу ларбига дала стаг ца хиларо а. Йоккхачу стагана иза а хьара. Хлун дийр ду тлаккха, ойланахь ярах хила гюле яц-кха аьлла, чуьра арavelира ларби нанас бохург дан дагахь. Делахь а коьртера длацайовлуш хьийзачу ойланаша, йоцчу тароно глехьа деглара цлаций кеп длаэццера. Хьешаца цхьа клеззиг кьамел а дина, божли чувахара ларби етт арабаккха. Етт сихха арабаьккхира ларбис урс хьакха дагахь. Ша хлун до ца хоуйтуш лулахой схьа а кхайкхина хлара воллуш, Мохьмад доьхьал велира етт ца боьйтуш. Амма ларбис хьешо делах дуй кхолларх ла ца дуглуш охьа а тоьхна накъосташца кьилбехьа а берзийна кхузза «Аллохлу акбар!» – олуш, сихха урс хьаькхира шура лучу аттана. Етт тилийна баларга ца хьобжуш, цхьана меженах кледачуьра схьахадийна иттех кила сов жижиг шена юххехь лаьттачу шен нене дладелира ларбис, жижиг-гала де аьлла. И шега схьаделла жижиг а эцца Маслалатата сихха чу яхара хьешана шен кланта ма-аллара жижиг-гала дан дагахь. Чохьха яьлча чохь бераш карийра Маслалатана доьлхуш-тийжаш. Бабин уьш доьлхуш дайча сатоха а ца делла бляьргех хиш хьаьвдира, кьахетта царех. Амма дан хлума дацара. Бераш доьлхуш арахь цахазийта, уьш доьлхучуьра тебан, Бабас хлоранна а коьртах куьг а хьокхуш хьаьстира. Бабас шайш леррина хьаьстича уьш доьлхучуьра халла длатийра Маслалат яхана сихха шен бод хьакхон юьйлира. Цхьа хан яьлча юург а схьаелира Хьешана Маслалатата шенна стол хлоттийра. Ткьа бераш сехьачохь шайнна охьаховшийра. Оцу буса дикка хан яьллалц шен дууш, молуш а лийна самукьа а даккхина, шозлаглчу луйьрана новкьавелира Мохьмад, ларбис иза цхьана маршрутни йоцчу автобуса а хаййна длахьажийра. Ткьа ларбин нанас говр-ворданахь лулахо а ваьккхина, аьтта дисина жижиг а эцна базара а яхана, иза дла а доьхкина, цу тле шен пелгах йоллу дашон члуг а йохькина берашна боккха, нисбелла, 20 литр гергга шура луш болу етт а эцна цлаеара. Ларби шен нана базарара эцна етт а балош цлакхьача, цунах цецваьлла а ца волура, цо иза стенах эцна ца хууш. Уьйтлахь бежаш етт а гина аралилхинчу бераша и Бабас шайна эцна балийна буй а хиьна, хаза хетта: «Вайна Бабас етт эцна!» – бохуш, гонаха хьийзара аттана.

Оццул хьекьал а, собар а кхьачна, амал бацара, таро яцара аьлла ца лаш, йоха ца юхуш, ша юьхьляьржа ца хлотнош хьешана хьалха шена динчу доккха накъосталлийна, цкьа а ша дуьтур доцу малар шен ненан мискала дуьхьа дита а дитина, ша хаза шен доьзална да а хила, ваха охьахира ларби.

Голоса друзей**Жанна Аппаева**

Кабардино-Балкария

Родилась в 1990 году. Учится КБГУ на факультете декоративно-прикладного искусства. Художник по металлу. Пишет стихи с пятнадцати лет. Публикации в журнале «Минги тау» («Эльбрус»), в газетах «Заман», «Черекские вести», «Трудовая слава».

Переселением израненные души

Холодные зимние ветры
Разрушают каменные скалы.
А вода родниковая
Льет слезы по тебе.

Не может забыть,
Как ты приходила каждый день,
Твой стройный стан
И серебряный кувшин
с тонким горлышком.

Память родника хранит
Воспоминания о горянке.
В нем все меньше воды
И моря от него все дальше.

Тропинка, ведущая к ручью,
Летом заросла сорняком.
А зима вслед за летом
Превратила все в холодную сказку.

Родник все течет и не хочет верить,
Что она не придет,
Не увидит красоту вокруг
И не улыбнется, как прежде.

Годы шли друг за другом,
Долго тянулось время.
Много дней позади осталось,
День протяженностью в века.

Колокольный звон волны родниковой
Потерял былое звучание,
Проливая по девушке слезы,
Не находя искомого.

Больше десяти лет
Родник в ожиданиях провел.

И некогда горный нарзан
Пропитался тоской и стал ядом.

Наступило утро нового дня,
Солнце теплом пропитало округу,
Заросшая травой тропа
Озарилась небесным светом.

Испытавшим горести
Бог дарует силу.
Вдалеке показалась женщина,
И шла она к роднику.

В руках серебряный кувшин,
Голова обвязана платком гюлменди*.
Красота ее несла с собой
Ароматы летних цветов.

Оглянулась вокруг,
Немного растерявшись.
Увидела в густой траве родник,
Лицо ее озарилось.

Расчистила тропинку,
Потянулась за водой,
Серебряный кувшин
Поставила на холодные камни.

Родник был рад своей гостье,
Не пожалел воды,
По шуму воды было ясно,
Что кувшин наполнился очень быстро.

Женщина взяла его,
Отложила в сторону.

Потянулась умыться,
С тоской и трепетом взирая
на холодный источник.

Казалось, не веря своим ощущениям,
Струи воды потекли по ладоням.
Сколько лет прошло, сколько?
Родник ласкал знакомые руки.

Да, это были руки той самой девушки,
И если бы родник умел говорить,
сказал бы:

«Я увидел тебя, горянка.
Встретились, пока жива моя душа.

Знала ли ты, красавица,
Что я ждал тебя все это время?
Мне невыносимо было жить,
Я бил себя о камни,
чтобы заглушить тоску.

Девушка, будто услышав это,
Начала разговаривать,
Вглядываясь в бурлящие потоки,
Перебивая их шум.

– Пусть воды твои не вскипают,
Будь терпимее, послушай меня,
Не было ни единого дня,
Чтобы я не вспомнила родные земли.

Вымаливала судьбу ежедневно
О возвращении на родину.
Часто, находясь
на пустынных равнинах,
О твоей прохладной воде вспоминала.

Меня мучила сильная жажда,
А пить приходилось воду,
Которой в шахтах промыли уголь.
Погнавший нас в те края

Нам не то что еды не дал,
Ни единого глотка питья
мы не видели.

Вот бы он разделил с нами муки,
Пока в теле душа живая.

Я много видела зла и страданий –
Нет конца и края моему рассказу.
Начинаю говорить – сердце
Разрывается, как от выстрелов...

Из глаз девушки потекли слезы
По щекам и в родник упали.
О, сколько горечи было в них!
Воду в кровь превратили.

И для тех, кто страдал, на рассвете
Восходит новое солнце.
Родничок, каждым утром
Снова будет к тебе приходить
Любимая!

В каждом народе
Есть старики и дети,
Среди них –
Хорошие и плохие.

В дороге научишься их различать,
В пути жизненном
Доведется встречать
Разных людей.

Есть различия в речи
Сварливой и мягкой.
По тому, как с тобой
Он беседу ведет.

Если лисий лукавый
Взгляд у него –
Можно даже к словам
Не прислушиваться.

Зло – оно где угодно
Найдет союзников.
Даже честных людей
Поработит, обманув.

Тех, кто зло причиняет,
Встречай добром.
И станет оно доспехами,
Которые не пробить.

Сокол пестрый, рябой,
С клювом острым,
Когтями цепкими,
Не выстоял бой.
С пулями меткими
В груди под перьями,
Под сердцем.

Лежит, не шевелится.
Так измеряется
Жизнь.
В два выстрела.

Глазки влажные,
Губки морщатся,
Бровки подняты
На лице твоём...

Вырвать хочется
Сердце жаркое,
Окатить водой
Да из проруби,

Но, увы и ах,
Зритель мнительный
И бездушный я.
Успокоить? Брось...
Пожалеть? Отстань...
Все забудется.
Ноги целы – встань!

Толпа – все серые
И все прыгают...
Бегают по головам.
Упавший растоптан.
Вмятина в теле –
Душа раздавлена.
Свалены в груды
Мечты и надежды,
Кликни мышью,
Весь мусор... в корзину...
Нажми «очистить».
Начни заново.
Вставай и иди давай.
Живи для нового –
На зависть старому.

Жаркими волнами
Солнце июльское
Льется на плечи.
Спрятаться негде,
Укрыться нечем.
Пламя высокое,
Танцы красивые,
Танцы жестокие
Болью пронизаны.
Обнажая изящные
Бедра и стан
Деревьев,
Отплясывает огонь
Канкан.

Слава

Холостыми стреляя
Словами и фразами,
Едва ли не сразу
Больно ранила
Души,
Прошитые слабо
Гнилыми нитками.
Такая она –
Слава.

Нелепая ошибка
Стоит жизни.
Но говорят:
Умей прощать
И принимай как есть
Людскую немощь.
В оказании помощи
Другим
Их право – ошибаться.
И войди в их шкуру –
Халат. Накрахмаленный.
Белый.

* Гюлменди (балк.) – платок из тонкого шелка.

Милена Тедеева

Северная Осетия-Алания

Живет в Северной Осетии (г. Владикавказ). Окончила факультет иностранных языков Юго-Осетинского госуниверситета. Участница Форумов молодых писателей России (Липки-2010, 2011), Советаний молодых писателей республик Северного Кавказа (Майкоп-2009, Карачаево-Черкесия - 2010, Цей - 2011).

Публикации: в газетах «Народы Кавказа», «Владикавказ», в интернет-изданиях «Осетинское радио», «Алонстон», «Дарьял» и др.

Это если

Это если забыть
уже не стремишься
в отместку за то, что тебя забыли,
ощущая себя то своей, то пришлой,
и глазами сверля в сером небе дыры,
и в словах из уст не найдя отрады,
или сделав вид, что тебе все рады.
Это румяные скулы и острый профиль,
и ресниц тесьма, как обрывки заплаты,
это склеенный слюной корабельный киль
и ненужность вздохов и срубленность крыл.
Это если молчишь, опять слыша грубость,
и видишь сквозь тонкую кожу кость,
и легко, не страшась, идешь к палачу...
Это если пояс часами верчу
в пальцах сонной руки под дубовым столом,
это если уже не иду напролом,
если я от тебя ничего не хочу,
если вместо рыданий всегда хохочу...
Это тоже забьется сереющей пылью,
как и вежи одной несуразной были.
Это то, о чем пел нелюбимый певец,
это карточный домик или дворец...
Мне б со дна дернуть карту
и встретить конец!

Спящая девочка

Сумерки, постель пахнет сном и жасмином,
на стуле небрежно скомканный бант,
на полу крошки булочки с тмином,
из-под подушки торчит фолиант.

Ронья, Пеппи, Карлсон, Эмиль –
друзья спящей крепко девочки.
На книжке никогда не собирается пыль,
на ней лишь парафиновые слезы свечки.

Страницы пахнут озорством и радостью,
 страницы дышат ванилью и чудом,
 так обычно переедают сладости,
 но горечи не будет ни сейчас, ни потом.

Бабушка не раз запрещала в темноте читать,
 но с шалостями внученькахватила лишку,
 и с книгой под мышкой опять-опять
 ныряла в истории про булочного воришку.

Долго входила девочка в храм непослушанья
 Щедро в нем смех расточали, радости не жалея
 Каждую ночь – игра, и каждую ночь свидания,
 Каждую – в храме молилась бабушка-фея:

«Да будет с тобой всегда любимая твоя сказка,
 да будет наглухо заперт ящик гефестов,
 ходи на ходулях Эмиля и мчись на салазках,
 не верь никому, кто скажет, что ты из другого теста!»

Опять за окном шумит неугомонная речка,
 сумерки, одеяло-кокон, в нем кто-то живой.
 Может, это все та же спящая девочка?
 Нет, скорее всего, человек другой.

Живой нимб

пернатый вестник мира
 в разгаре хлебного пира
 под каждый фотощелчок
 размахисто крыльями бьет,
 и нервный птичий трепет,
 и дрожь голубиных перьев
 служат отличным фоном
 красавицам – королевам.
 Красотки идут по подиуму
 в пятнах пометных,
 как нотки изящные
 в нотных
 тетрадках
 пляшут,
 а голуби крыльями машут
 и ловят игривый ветер
 в птичьи свои объятья...
 И каждое девичье платье
 в едином ритме
 с пернатым
 будет заснято,
 и трепет сей, отраженный
 светом в пасмурных лицах,
 Богом дарованный птице
 в нимб превратится...

*На площади,
 загаженной пометом,
 всегда удаются фото*

Ок

В твоём взгляде на меня –
 труха:
 осыпаются словечки...
 Пузырьки, сердечки –
 дыма колечки
 лопнули – чпок!
 Вышел срок.
 Бабочки,
 искорки,
 огоньки...
 Ты погас – вот дымок...
 Догорела и я – пепелок...
 ок...

Аутсайд

Глаза и руки ищут убежища,
 как вода потопа – щели в ковчеге.
 Но убежища всегда заняты,
 а ковчег сделан на совесть.
 Некоторым предписано быть вне,
 Вспомни:
 и Ною велено
 не каждого спасать.

Марта Саитова

Родилась в 1989 г. в ст. Старогладовской Шелковского района. В 2006 году окончила Старогладовскую СОШ на золотую медаль и поступила на филологический факультет ЧГУ (очное отделение, специальность «Журналистика»), который успешно окончила в этом году. Работает редактором службы радиовещания ГТРК «Вайнах». Пишет рассказы, стихи.

Миниатюры**Дождь**

Дождь. Я люблю его капли. То состояние, когда ты идешь по улице, а холодная прохлада ласкает лицо... Тебе щекотно и приятно, на душе легко и спокойно. Хочется снять обувь и пойти босиком, но твоя ментальность помогает удержаться перед искушением. Люди вокруг прячутся под зонтиками, а ты в недоумении смотришь на их кислые лица и улыбаешься, поравнявшись с ними взглядами. Кто-то улыбнется в ответ, а другой лишь удивленно посмотрит на девушку. Не обойдется и без шуточных реплик в ее адрес. Но ей все равно... Она счастлива! Счастлива от того, что после жары и духоты, долгого изнурительного дня ее встречает на улице прохлада. Ведь это капли, дарящие жизнь. Хочется петь и танцевать. Девушка сдерживает эмоции, что удается ей с великим трудом. Косые взгляды скучных прохожих заставляют ее на миг задуматься над тем, в здравом ли она уме. Но только лишь на миг. Через мгновение девушка уже думает о том, как все-таки замечательно жить на этой прекрасной Земле. Как много чудесных и милых людей вокруг. Как она любит этот дождь, воду. Ведь именно благодаря воде человек может очиститься духовно, совершая омовение перед молитвой, и физически, искупавшись в реке или под душем. Вода – начало всех начал. Без нее человек не в состоянии прожить. Ее дефицит – проблема, которую многим очень трудно решить. Крестьяне, трудящиеся на земле, ждут дождя. Ведь если не будет воды, погибнет урожай. Оставшийся год придется провести в голоде и лишениях, а все потому, что вовремя не пошел дождь. А он идет тогда, когда захочется Ему. Когда на то будет воля Всевышнего...

В городе же дождь не ценят. Он приносит его жителям и коммунальным службам дополнительные проблемы. Люди прячутся в бетонных зданиях, надевают плащи, раскрывают зонты. Они не знают, что упускают возможность очиститься, быть может, не от грехов, но от мыслей, терзающих душу. Возможность на некоторое время побыть наедине с природой, с самим собой, побыть счастливым.

Все. Пора. Вы оставайтесь в офисе. Я же не могу так просто отказаться от счастья. Скорее на улицу, скорее под дождь!..

Маршрутка

Весна. Маршрутный микроавтобус. Час пик. В небольшом, но людном городе Грозном на дорогах в это время пробки. Она села на предыдущей остановке. Еще не успев расположиться как следует на свободном месте, обвела взглядом всю маршрутку... Убедившись в том, что знакомых нет, достала из кармана

мобильный телефон и наушники. А из них звучит последний хит «Чумачечая весна» Потапа и Насти. Да, действительно, подумала девушка, весна выдалась «чумачечая»: экзамены, дипломная, работа, дела, дела... Вот и сейчас она очень торопится в университет. На такси у девушки не хватило денег, пришлось сесть на новенький маршрутный «Форд», водители этих машин славятся своей лихостью при езде. Но ни умение шофера быстро ездить, ни марка автомобиля в данном случае не помогли. Образовался затор. Впереди произошла авария. Пассажиры занервничали. Кто-то выражал свое недовольство. Любопытство девушки взяло верх. Нажав на стоп проигрывателя, она стала прислушиваться к тому, что говорят. Пожилая женщина жаловалась на молодежь, которая, не умея водить машины, садится за руль. Мужчина средних лет обвинял чиновников, которые должны отвечать за качество дорог и порядок на них. Кто-то вспомнил про коррупцию. Любой «круглый стол» позавидовал бы такому насыщенному обсуждению. Девушка слушала и не вмешивалась в разговор. У нее никак не выходили из головы те люди, что попали в аварию. В тот момент, когда пассажиры маршрутки выражали недовольство пробкой, кому-то очень больно и плохо. А кто-то ушел из этого мира, забрав частичку жизни своих родных. Мысли девушки прервало движение маршрутки. Все облегченно вздохнули, и воцарилось молчание, только гул мотора, и «Чумачечая весна» слышалась из наушников. Добравшись до места происшествия, водитель, выглянув в окошко, узнал, что в аварии никто не умер, все отделались легкими ранениями. Обрадовавшись этому факту, вся маршрутка повеселела. Теперь мысли девушки стали намного приятней. Она думала о своем молодом человеке, об их последней встрече, о том, как хорошо, что он у нее есть. Невольно улыбаясь, она погрузилась в свои мысли. Женщина, сидевшая напротив, посмотрела на девушку и улыбнулась в ответ. Наверное, тоже вспоминала свою молодость, свою первую любовь. Через сиденье у молодой мамочки на руках малыш, он тоже стал улыбаться. Светило яркое весеннее солнце. В открытое окно залетал тополиный пух. Конец мая, в воздухе пахло летом. Остановка «Баня», пора выходить. За этот короткий промежуток времени пассажиры маршрутки стали немного родными. Выйдя на улицу, на мгновение девушка почувствовала одиночество. Но только лишь на миг – людской муравейник подхватил ее и унес по тротуару навстречу новым впечатлениям и мыслям. «Чумачечая весна! Чумачечая!...»

Один день из жизни студентки

Очерк

*Чтобы понять человека,
надо поставить себя на его место,
а чтобы понять студента, надо быть им.*

«Дилинь-дилинь! Вставай! Просыпайся! Хватит спать!»

– Айна, выруби свой будильник! Сколько? Опять проспал! Подъем!!!

Вот такими словами начнется обычное утро в съемной квартире по улице Киевской. В комнате 4 на 4 обитают студентки-подружки, приехавшие в Грозный с разных районов погрызть гранит науки. Из мебели у них имеется 3 пружинные кровати, старый комод и стол. Окна здесь по какой-то причине нет. И по той же причине в комнате всегда темно. Условия, конечно, не барские, но жить можно. Вся стипендия уходит на оплату этих «апартаментов». Житие-бытие обеспечивают родители и они сами, подрабатывая в косметической фирме, кафе, сотрудничая с редакциями. Во время сессии пишут однокурсникам курсовые за деньги.

За полчаса до занятий девчонкам нужно умыться, одеться, застелить постели, навести марафет (без него нельзя появляться на улице – засмеют) и, если успеют, а точнее, если есть что закинуть в рот и уже на ходу дожевывать

и рассказывать сны. На повороте девушки расстаются: кто в ЧГУ, кто в ЧГПИ.

Хотя университетский корпус совсем близко, без опоздания не обойтись. У входа тебя встречают «приветливые» охранники, которые «заботливо» приказывают надеть платок с золотой аббревиатурой. А у дверей факультета ждет «папа-декан», от которого ты непременно получишь порцию лекций. Удивительно, но, несмотря на опоздание, ты вовремя успеваешь на лекцию, т.к. она не начинается сразу. На паре ты пишешь, а сама клюешь носом, успевая обмениваться смсками, а иногда, если получается, даже разговариваешь по телефону; еще скидываешь пару последних хитов и приколов – в общем, справляешься не хуже Цезаря, нетерпеливо поглядывая на часы. Остается одна минута, и ты в предвкушении считаешь секунды. Настроение, испорченное охранниками, появляется снова. Звенит звонок, и ты пулей летишь в столфак купить что-нибудь пожевать, а иначе твой желудок начнет громко и протяжно петь песни. Вторая пара проходит еще мучительнее, чем первая. Ведь это практическое занятие. А ты не готова. Хорошо, что твоя фамилия в конце списка и у тебя есть время подготовиться, пока остальным летят двойки. Успев один раз просмотреть лекции, ты гордо встаешь и начинаешь молотить чушь. Благо, память хорошая, язык подвешенный и преподаватель молодой. Он довольно симпатичный и нравится студенткам. Уверенный в своей популярности и незабываемой репутации, он с такой же уверенностью задает тебе вопросы и грузит тебя, играя на публику (женскую). Но ты тоже не лыком шита и легко парируешь вопросы. Он пристально смотрит на тебя, а ты краснеешь. Нет, не от его взгляда, а от злости на себя, на тупую ситуацию, в которой ты оказалась. К твоему удивлению, преподаватель ставит тебе «отлично». И ты, шокированная и довольная собой, садишься за парту. Заходит зам. декана и объявляет, что всех студентов забирают на «добровольный» митинг. Добрая половина однокурсников, фамилии которых следовали за твоей, не скрывают радости и ликования. Однокурсницы кучкуются и решают, в какую кафешку сходить. А ты думаешь, как бы незаметно слинять с митинга. Ты редко сбегашь и поэтому дилетант в этой области. Пока же ты думаешь, пришло время погрузки студентов в автобусы. Забитые до отказа ПАЗики больше напоминают банки со шпротами. Причем с очень веселыми шпротами. Добрались до места, ты теряешься в студенческом муравейнике и убегаешь. Куда? Конечно же, на свидание. Вам некуда пойти и на улице холодно. Остается ближайшее кафе. Оно переполнено такими же студентами, как и ты. Ты голодная, но есть в полную силу неудобно. Время в его компании проходит незаметно, а у тебя еще куча дел. Надо забежать в редакцию сдать материал, зайти в oGiflame, забрать заказы. На обратную дорогу у тебя не хватает денег, и ты идешь с центра до Олимпийского проезда пешком. Ты не раз это делала, и поэтому твои обувь и ноги приспособлены. На квартиру ты добираться ближе к вечеру, уставшая, но довольная собой. Во время ужина звонишь маме и говоришь, что ешь. Иногда придумываешь, чтоб не волновать маму, «накрывая» стол разными вкусностями, а на самом деле – жуешь «Ролтон». Отужинав, надо идти на работу. У твоей хозяйки есть кафе, в котором ты убираешься после закрытия, чтобы никто не видел. Ты получаешь за это денежку, которую кладешь на телефон и покупаешь что-нибудь сладкое. Сил ни на что практически не остается. Сидя за столом, ты засыпаешь. Проснувшись, делаешь ночной намаз и просишь прощения у Всевышнего. Переписывание лекций и их прочтение ты откладываешь на воскресенье. Спишь только до часу, потому что в час начинаются «белые ночи» и тебе позвонит твой парень. Ты проговоришь с ним шепотом под одеялом до утреннего намаза. И, довольная собой и жизнью, крепко спишь до половины девятого. А дальше?.. Новый день и новая история...

Шамсадов Муса**Дуьненан лазам**
(Поэми тIера дакъа)**1**

Ас тховса сайн дагах кхерч бина,
 ХIусам сайн хьешашна кечийна,
 Чувола дарцо дегI шелдинарг,
 Балано,цхьалло са гIелдинарг.
 Ницкъ кхочург дийр ду
 ас хьан дуьхьа.
 Некъ гайта вогIур ву со дуьхьал,
 Хьо виснехь тилвелла бодашлахь,
 Хьагвеллехь хи лур ду шовданан.
 Ас хьобца доькьур ду сискал,хи.
 Бокьур бу хьан лазам,сингаттам.
 Йиш яц-кха вайн вовшийн ца хилча –
 Цхьаллехь вайн са лозу сахиллалц,
 Цхьанне тIех хала ду кьовсамехь.

2

Къу-берзан буйса ю тховса ерг.
 Дарц хьобкху бIаргаш чу ло детташ,
 Дуьненан лазамо ов детта.
 Ма чIогIа IаьIна-кха баланаш.
 Херца вайн обздаллин гIаланаш.
 Адамийн синошна ша бина,
 Адамаш къизалло бIарздина.
 Гуо бина бодано, са лаьцна,
 Кхерамо вайн дегнаш дIалаьцна.
 Iехийна дуьненан бахамо,
 Тилийна хьеречу дахаро,
 Дицдина сийлахьниг, дезаниг,
 ВорхIий дайн дегнашкахь лезнадерг,
 Деха вай серлоне сатесна,
 Лаьмнаш а, бIаьвнаш а дIатесна.
 Цхьацца вуьйш дойуш ду денна вай.
 Иштта Iахь гIур дац дIа гена вай.
 Стаг маьрша вацахь – и дахар дац.
 ХIун до вай беама, бахама,
 Герз делахь тIелаьцна некха тIе?
 Гур бобгIна цхьаь велахь
 некъа тIехь?

3

Ас тховса сайн дагах кхерч бина,
 Харцонца лата герз кечдина.
 Чувола диканах дог тешнарг,
 Кьовсаман некъа тIехь гIо эшнарг,
 Чувола кхерамо са лаьцнарг,
 Цхьаний вай, юьстах а ца лаьтгаш,
 Эшор бу дуьненан баланаш,
 Йийр ю вай Лаьтта тIехь гIаланаш
 Харцонех, герзех а цIанийна,
 Маьлхан нур-зIаьнаршца хазийна.

Цу аьрзун оьмар хилла тIех йоца.
 Леш ду и тийна, узарш а доцуш,
 БIаргаш чохь цуьнан –
 стигал бос сийна,
 БIаргаш чохь – лазам, беама, ийна.

Цкъа-м цуо а хIаваэхь
 тIам биттинера,
 Маршонах дехна, ца бевзаш кхерам,
 Кьоначу дахарах самукьадолуш,
 Ериг а стигал йолуш шен долахь.

Ткъа хIинца дац аьрзун
 тIемашкахь гIора.
 Леш ду и. Амма ца доьжна гуора.
 Хала ду къаста дахарах цунна
 Маршо а, марзо а евзиначунна.

Ирс

Меллаша ког ловзуш, тийна
 ХьошалгIа деара ирс.
 Ийзалуш, зудберах тера
 НеIарехь сецира и.

Чохь серляьккхира нуьро.
 БIаьсте а хIоьгтира дIа.
 Олхазарш декара зевне.
 Догура чохь стелаIад.

Зазадаьлла беш яра арахь.
 Сингаттам байра сан дIа.

Амма ирс ца 1ийра деха –
Юха т1едеара 1а.

Ирс цкъа а хуьлуш дац деха.
Цо даим хъегаво шех.
Дахаро со хьалххе ваьккхи
Доттаг1ех, ненах, дех.

Меллаша ког ловзуш, тийна
Хьошалг1а деара ирс.
И соьца ца 1ийра деха
Шех хъегош д1адаха и.

Д1аоьху сихделла кьоналлин шераш.
Моьнаш ду дисина –
хиллачийн лераш.
Тахана хъегамца хьобжу со юха,
Д1аяхна мерза хан ган лууш юха.

Де-дийне дег1ан ницкъ бог1у
сан эшна,
Хьалхачух ойланаш ца юьйлу т1ома.
Амма дог ду даим диканах тешна.
Дахаран х1ора сахьт ду сунна хьоме.

Къан ца луш,
сийначу б1аьстенах тера,
Даим а соьца ду сан кьона шераш.
Моьнаш ду дисина –
хиллачийн лераш,
Ирсе сатийсам а, сан берахьлера.

Тхан лулахь вехаш ву
Цхьа кеставаларг,
Шен сил а дукха дезаш малар,
Ненан цхьаь бен воцуш,
Х1уманна пайде а воцуш,
К1ант аьлча а, к1ентан бахьана,
Хилча къаьркъа маларрий,
Мелча ненах латаррий
Бен (доцуш цхьа а бахьана),
Кхин беш болх боцуш.

Ма ваха иштта к1ант сахиллалц
Г1оли ю хуьлучул ца хилар.
Делан кхел хилла иштта к1ант хилахь
Вадалахь цунах, вада ницкъ хилахь.

Даш т1едетташ дог1а санна
Т1елетира мостаг1 боьха
Ц1ийлахь лийчош, ягош ц1арца,
Къиза йохош, Нохчийчов, хьо.
Яйа г1ертташ лаьтта т1ера
Ка йиттира цо хьох дера.
Амма ц1ергахь хьо ца еги.
Ц1ий д1аихна хьо ца ели.
Са ч1аг1делла, болат санна,
Дуьхьальтели мостаг1ашна,
Дикчу к1ентех г1опаш йина,
Мехкарех хьайн б1аьхой бина.
Ахь баланаш, хало лайра
Хьуна доьхна денош дайра.
Хьо чекхьели т1амах, ц1арах
Сий ца дожош, маршо ларьеш.
Гайти ахь хьайн ницкъ, хьайн амал
Гайти ахь дуьненна масал.
Нохчийчов, хьо еха маьрша,
Ч1екх а девлла денош 1аьржа.
Хьо гор х1отто, хьан ц1е яйа
Цхьа а мостаг1 вац кху лаьттахь.
Дукха бара хьобца леттарш.
Церан сий а, лар а яйна,
Хьо-м ю Пхьармат санна лаьтташ.

К1ант, лакха ма ваьллахь,
Лакхе ю кхераме.
Ойла, са кхийдар ду
Даим синкьераме.
Ахчано, жималло
Хьовзор бу корта хьан,
Гай т1е мохь юьллур ю,
Стамлур ю ворта а.
Хьан даг т1е куралла,
Сонталла йог1ур ю.
К1ант, лакха ма ваьллахь –
Вовр ву хьо, вогур ву.
Хуур дац хьуна
Саца шен хенахь.
Лакхара чувужу,
Хаалахь стаг гена.
Чувожар хуьлуш ду
Лазаме,кхераме.
К1ант, лакха ма ваьллахь
Доттаг1ий, т1емаш а
Дацахь хьайн тешаме!

Беттасе буйса.
Бералле тховса ас тийна г1улч туйсу.
Дог дуйлу т1ома
Б1аьрхьалха сурт х1уьттуш
сан дагна хьоме.

Со когаш1уйра
Идийна тог1и,
цкьа диц ца лун туйра-
Со х1инца хьобца.
Бераллин доттаг1а, маршалла хьобга!

Г1айг1ане лаьтта.
Генара аьзнаш ду сан лерехь лаьтташ,
Сан даг чохь х1инца
Денлуш ду д1адахнарг
шех хилла цинцаш.

Шераш д1аихарх,
Дахаран некьаша идаварах сиха
Со-м хьалха хилларг.
Даим а даг чохь ду аганан илли.

Беттасе буйса.
Тховса ас бералле тийна г1улч туйсу.
Дог дуйлу т1ома
Б1аьрхьалха сурт х1уьттуш
сан дагна хьоме.

Олура воккхачу стага:
Ма хетта х1ара дуьне диьна
Стаг хила вац,
Ма хетта х1ара дуьне дууш
Стаг хир а вац.
Б1ешарахь ваьхначу цунна
Бевзара дахаран мах,
Девзара цунна дуьне,
Бевзара нах.

Дуьненахь вайн оьмар яхлахь,
Халачу зиерех чекхдевлла,
Халонаш, вонаш а лайна,
Со теша, ч1аг1дийр ду вай а:
Ма хетта х1ара дуьне диьна
Стаг хилла вац,
Ма хетта х1ара дуьне дууш
Стаг хир а вац.

Машар хьуна, х1усам!

Хастам хьуна, кхерчо йохьен х1усам!
Д1а чукхойкхуш арахь виснарг буса,
Меца, шийла, некьах тилла вог1ург,
Кхин д1аваха дег1ехь г1ора доцург,
Ахь ло цунна йовхо, туха-сискал,
Вижа мотт а. Хир дац адам миска,
Хьо мел лаьтта
г1ортор хилла Лаьттан,
Хьан тхов к1елахь
кхуьуш мел ду бераш,
Дахар довза, т1ома довла 1емаш.

Хастам хьуна, кхерчо йохьен х1усам!
Машар хьуна, машар даиманна!

1а чекхдаьлла б1аьсте ели,
Ястаели г1ура.
Бай т1ехь ховха зезаг дели,
Малхо дуьне хьаьсти.
Ткьа хьо-м лаьцна цхьаллин гуру
Йиси синтем байна.
Яц хьан даг чохь йовхо, б1аьсте,
Б1аьргийн ц1е а яйна.

Хьо цхьаь ю-кха цунна бехке
Деган не1арш ч1аьг1на,
Арахь буьтуш лазам, безам,
Атта яха лиьна.
Хьо ца кхийти: дог кхойича
Хилац мерза уьйраш.
Дог кхойича, ша бо кийрахь,
Лей д1адолу туйра.

Олхазарша эшарш локкху,
Можа, сийна мехаш хьоккху,
Аре хазьеш зезаг даьлла,
Бошмаш лепош заа даьлла.

Даг чохь иллин аьзнаш г1уьттуш,
Сарахь шовдан йисте х1уьтту.
Х1ора йоле безам боьдий,
Т1емаш довлий со ц1а вьоду.

Умар Якиев**Жизнь – это стих**

Помнишь, в синем небе я парил?
Звезды в шутку и всерьез тебе дарил?
И читал тебе я не один сонет,
Хоть пишу я прозу, но в душе поэт.

В принципе, и жизнь ведь наша –
тоже стих:

То родник забьется, то утих.
И порою рифму и слова в куплет
Подбираешь быстро,
И проблемы нет.

Временами сложно – не идут стихи.
Значит, были в жизни и твои грехи.

Почему порой молчат кумузы*
И соседи колят взглядом злым?
Неужели нашей дружбы узы
Отцвели, «как с белых яблонь дым»?

Почему мы спешим
И при этом всегда
Преспокойно грешим
И идем не туда?

Пожалеет потом,
Что нельзя вновь создать
Свой очаг и свой дом
И продолжим страдать.

И порою, жизнь любя,
Станем слезы мы лить.
И, зубами скрепя,
Будем молча скулить.

И судьбу проклинать
В беспокойной стране,
Забывая опять
Все о нашей вине.

Легче, ясно как день,
Волоча жизни нить,
На других бросить тень
И за все их винить.

В этом мире, непонятном, сложном,
Можно зло добром лишь победить.
Только им согреть себя возможно
И свое величье возродить.

Полевые цветы

Письма ты не пишешь
и не шлешь их мне.
Я забыт тобою, может, и во сне.

А друзья мне пишут, что тоскуешь ты
И хранишь на память милые цветы.

Эти полевые нежные цветы
Были так похожи на глаза твои.

Я рвал их, собирая для тебя в букет.
Проводник вдогонку:
«Не успеешь, нет!»

Пассажиры добро улыбались мне.
Я твой образ видел словно бы во сне.
...Вот вокзал знакомый,
все мои друзья.
Суета и шутки – радость, как всегда.

На перроне молча, чуточку вдали,
Ты одна стояла, слезы лишь текли
Из уставших, милых,
карих твоих глаз.
И в душе вдруг что-то
оборвалось враз.

Я ухожу

Я ухожу безвозвратно,
И след мой в глубокой ночи
Исчезнет со мною навеки:
Не плачь. Не зови. Не кори.

Я к тебе возвращаться не стану,
Теребить нашу старую боль
Не хочу, не могу, не желаю.
И себя ты забыть мне позволь.

Нашей юности стежки-дорожки
Не сойдутся теперь уже вновь.
Между нами на вечные веки
Наша первая... любовь.

С ней встретились мы случайно.
А после – мечтал я о ней.
И долго заветную тайну
Хранил я в печали своей.

Но как-то, улучив мгновенье,
Я выдал ей тайну свою –
И вдруг на лице, от смущенья,
Румянец, который люблю!

И встретились вдруг наши взоры,
Дыханье и губы в одно
Слились, как в картинках узоры,
И жить мне стало легко.

И вечно, любовь опекая,
Друг друга любя и храня,
Ту встречу всегда вспоминая,
Мы жили, разлуки кляня.

Затем пожелтевшие письма
Читали мы с нею взахлеб.
В них жизни и проза, и рифма
Сплелись в единый комок.

И дети уже повзрослели,
На наших висках седина.
Мы, значит, с тобой поседели,
Но сказка любви – никогда!

Она бьется ключом на рассвете,
Под себя заметая года.
И в финале, и даже в закате
Нежна ты, ранима всегда...

Очерствели наши души.
Заросли травой.
Значит, точно жизнь пошла
Где-то по кривой.

Обошли мы стороною
Чью-то боль, беду.
И не спится потому нам –
Корчимся в бреду.

Иль дорогу старику мы
Перешли не там.
Посмотрел он молча вслед нам.

Иль соседку добрую –
Женщину в летах –
Не заметив, проскочили
В черных мы очках?

Мимо друга в тяжкий час мы,
Позабыв, прошли?
Он вдогонку: «Струсил!
Как же вы могли?»

Или песню журавля ли
Выстрелом одним
Вдруг при нас же оборвали –
Мы опять молчим?

Дом родительский забыв свой,
По миру пошли.
И гордимся за кордоном:
«Мы уют нашли!»

Тут же отчий дом. И нана.
И седой отец.
Нас так часто вспоминают,
Чувствуя конец.

Так черствеют наши души,
Зарастают мхом.
Мы родительский забыли
Почему-то дом...

* Кумуз – трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Элина Литаяева**Затонувшая любовь**

Порою мы любовь свою находим,
Но не умеем ею дорожить.
Когда же годы юности проходят,
Хотим напрасно жизнь остановить...

Мы думаем: «Куда же подевалась,
В каких морях
 ко дну пошла любовь?!»
Но ту любовь,
 что нам предназначалась,
Чужие сети выловили вновь.

Пепел

Любить любила, но простила ль?
Ты, правда, хочешь это знать?
Не у меня проси ответа –
Спроси сгоревшую тетрадь!

Тетрадь, которая хранила
Наивные мечты в себе,
В которой я похоронила
Любовь и память о тебе!

Ты у огня спроси, он знает!
Он плакал над моей судьбой,
Скорбя и нехотя сжигая
Страницы с высохшей слезой.

Спроси у пепла, что остался,
Досаду горькую храня,
О том, что ты со мной расстался
И что с тобой рассталась я!

Или спроси про то у дыма,
В нем задыхалась боль моя!
Он знает, как невыносимо –
Любить и потерять тебя!

Нам не сложить стихов из пепла!
Не склеить счастья из огня!
Не возродить любви из дыма –
Пусть даже и простила б я.

Чужие

Да, он тебя любил, наверное.
Любви ты изменила первая.
Ты никогда не будешь прежнею,
Слова давно забыты нежные.

С другим вдыхаешь жизни прелести,
Сама не зная, в счастье веришь ли...
И сколько б ты теперь ни каялась,
Любовь как первый снег растаяла.

Не позволяй словам отчаянным
Срываться с губ твоих нечаянно.
И без того излишне сказано,
За что судьбой навек наказана.

Но жизнь, ты знаешь, штука сложная,
Бывает в жизни невозможное...
Пусть для него чужой останется
Мечта, с которой он расстанется...

Иначе уже нельзя

Сколько раз обрывались канаты!
Истерично цепляясь за них,
Я, сорвавшись, неслась куда-то,
Но летела не в пропасть, а ввысь!..
И не мог дать тому объясненья
Ни один толкователь снов.
Я кружилась, как ветер осенний,
Предвещающий плен снегов!

Сколько взлетов таких к поднебесью!
 Невесомость пугала меня!
 Но судьба не дарила мне лестниц,
 Лишь падение вниз без конца...
 Сожжены все мосты, и напрасно
 Грудю пепла сгребаю я.
 Каждый раз, сознавая опасность!
 Но иначе уже нельзя!!!

Не жди

Не жди, когда не просят ждать!
 Не заставляй весну страдать,
 Не позволяй мечтам любить
 И запрети надежде жить!

Нельзя обманывать мечту,
 Нельзя переписать судьбу!
 Нельзя нарисовать пути,
 Которых не дано пройти!

Слабость

С каждым днем, надеясь на счастье,
 И, увы, предчувствуя боль,
 Я не в силах с тобой расстаться –
 Мне любовь сохранить позволь!
 Без тебя она остывает,
 Но я нежно ее храню.
 Ты не просишь – я возвращаю,
 Забываешь..., а я люблю.
 Я смирилась со всем, ты знаешь!
 И разлука не так страшит!
 Лишь любовь звездой одинокой
 У меня в ладонях горит!

Ревность

Что тебе до моих извинений?! –
 Бесплезно прощенья просить!
 Я пожара твоих подозрений
 Никогда не смогу потушить!

В том пожаре пустых обвинений
 Догорел оправданий порыв!
 Ты по ветру как пепел развеял
 Тень от счастья и призрака любви!

Мне осталось одно лишь спасенье –
 Навсегда о тебе позабыть,
 И по небу летящие тени
 В бесконечную даль отпустить!

Время

Ты не думай, что время лечит –
 Время лишь заглушает боль!
 Не клянись, что не будет встречи,
 Не пытайся убить любовь!

Уверяю, что будет встреча.
 И когда увидите вновь,
 Разобьется о вечность время,
 Проведенное вами врозь!

Ничего не изменит время –
 Боль заносит так же в груди!
 Но любовь, забытую всеми,
 Не удастся тебе спасти!

Время слепо к твоим мученьям,
 Время глухо к твоим мольбам.
 Безучастно оно к надеждам,
 Беспощадно оно к мечтам!

Судьба

Дожди в душе не прекращались.
 На счастье не было надежд.
 Судьбе безмолвно покоряясь,
 Старалась что-то уберечь.

Вся, растворяясь без остатка,
 Не требуя любви взамен,
 В душе, не радуясь, не плача,
 Не ожидая перемен,

Жила, сама того не зная,
 Что уготовила судьба.
 Полос цветных не замечая,
 По черной полосе все шла.

Увидев свет в конце тоннеля,
 Пытаюсь вырваться из тьмы.
 Знать – что же ждет меня на воле? –
 Все, что прошу я у судьбы.

Лариса Бадаева**Прощание с осенью**

Бушует, мечется ненастная погода,
 Последняя листва кружится на ветру.
 Допета осени торжественная ода,
 Дождем прощальным
 отзвучав в бору.

О, как мелодия дождя однообразна!
 Выстукивает дробь
 разжиженный свинец.
 И кажется,
 что жизнь теперь напрасна.
 Хранит лишь память золотой венец.

В нем были солнца
 краски всех оттенков
 И пламя необузданных страстей,
 Что вырвались весной из застенков,
 Дотла сгорая без лукавства и затей.

Ах, осень, осень!
 Безотчетное томленье
 Из недр твоих
 золотоносных рудников,
 Подобно струйке лунного свеченья,
 Мерцает тускло горстью медяков.

Томится, верно, дух неутоленный –
 В нем силы нерастроченной заряд.
 Да, вышел летний срок,
 И цвет зеленый
 Сменило время на оранжевый наряд.

Но снова времени
 заскрежетали спицы,
 И желтых листьев увяданье жаль.
 Допиты осени медовые крыницы,
 Косматый иней уж окутывает даль.

Ты сказал, что я буду счастливой
 Только подле тебя.
 Ну, а я не была прозорливой –
 И гнала от себя.
 Ты ушел, не сказав ни слова, –
 Вот и весь роман.

Охватили меня стыд и злоба
 За такой обман.
 А потом улетели отсюда
 Птицы на юг.
 На куски расколосось то блюдо,
 Что мы звали «Союз».
 В нем осталось беспечное детство,
 Точно звездная пыль.
 Началось на земле людоедство –
 Наша новая быль.
 Ничего уж не склеить от прежнего –
 Всюду грусть.
 Не вернуть нам времени вешнего...
 Ну и пусть.

Тебе

Сожгу мосты, задую свечи,
 Огни желаний погашу,
 И этой безотрадной встречи
 Итог тоскливый предreshу.

Да, я приду. Да, я готова
 Услышать все и все принять,
 И мне давно уже не нова
 Привычка изошренно лгать.

Я буду лгать, что, мол, на свете
 Нежней и лучше нет тебя,
 В твоём напыщенном ответе
 Достигнет цели ложь моя.

Еще солгу, что безраздельно
 Отныне в сердце – только ты.
 И возмущусь – мол, ежедневно
 Зачем ты носишь мне цветы?

Коробит желтизна мимозы,
 Несносно пахнет розмарин,
 И больно колют шипы розы,
 И злит надменный георгин.

Что это? Женские капризы
 Или отчаянье души?
 Не выдаются в счастье визы,
 Хоть все границы сокруши.

Мир без любви – чернее галки –
Простой у мудрости секрет.
Ты светишь мне от зажигалки,
Закрасив солнце в темный цвет.

От грустных этих размышлений
Впадаю в беспокойный сон –
И там, в плену своих видений
Молю, чтоб дольше длился он.

Но я проснусь. И на рассвете
В венке из солнечных лучей
Закружит в плавном менуэте
Меня певец любви Орфей.

На это чудо уповая,
Расстанусь, глупая, с тобой.
И вновь себя не понимая,
Помчусь за призрачной мечтой.

О вечном и главном

Ты плачешь?
Скажи, отчего
Ты так горестно плачешь?
Что? Больше не значишь
Ты для него ничего
И все? Глупая,
Какая ты все-таки глупая.
Разве не помнишь?
Разве не знаешь?
В жизни не сможешь
И не поймает
Всего! Гулкая
Вокруг тебя тишина.
Гулкая, слышишь?

Или ты теперь лишена
Способности слышать?
Дышишь,
Как же надрывно ты дышишь,
Слезы замучили, да?
Пишешь
На мерзлом стекле его имя,
А в небе луна, точно дыня,
Кругла и глядит свысока, да?
Ищешь,
Конечно, ты ищешь причину,
Повод, уловку, обмана лощину.
Увидеть, услышать его,
Чтобы тем самым горе-кручину
Унять на плече у него.
Выводишь,
Старательно буквы выводишь,
Одну красивее другой.
Душу себе ты изводишь,
А он давно уже с той –
Ее, не тебя, называет
Любимой, хорошей, родной...
Лишь сердце понять не желает
И точно в бреду заклинает:
«Останься, останься со мной!»
Глупышка, опомнись, постой!
Ну, сядь, успокойся, уймись.
С тобою ведь главное – жизнь.
Ты вдумайся в эти слова,
Слезы смахни и, возможно, тогда
Уляжется грусть, унесется беда
И новая встреча развеет тебя.
По-твоему, я неправа?
Что? Не знаешь пока?
Счастливая. Это всего лишь пока.

Муса Ахмадов

**Сын Барзанака Барза и другие,
или Ушедший за саваном**

Трагикомедия в 2-х частях и 9-ти картинах

Окончание. Начало в № 10

II часть

7-ая картина

Штаб женской группы. Рыскавшие в поисках «добычи» революционерки к вечеру вернулись. Выставив их в ряд, Забурхан проводит с ними беседу.

ЗАБУРХАН. Революционные волчицы! Родившиеся в ночь, когда у львицы прервалась беременность, расскажите, как ваши дела?

1 ЖЕНЩИНА. Выявила украденное масло в магазине №15. Масло забрали, продавщицу уволили.

ЗАБУРХАН. Где масло?

1 ЖЕНЩИНА. Отнесли, куда следует.

ЗАБУРХАН. Хорошо. Что еще?

2 ЖЕНЩИНА. Провели ревизию ресторана «Орга». Забрали украденную водку... десять ящиков...

ЗАБУРХАН. И где же водка?

2 ЖЕНЩИНА. Продали, точнее, раздали воинам революции.

ЗАБУРХАН. Хорошо. Далее.

3 ЖЕНЩИНА. Я была на химзаводе с двумя гвардейцами. Директор, тварь такая, против революции, да еще и терпеть не может горцев. Я его уволила, дала 24 часа, чтоб покинул пределы республики. На его место поставила одного гвардейца.

ЗАБУРХАН. Справится ли?

3 ЖЕНЩИНА. Справится, приткий парень. Пригнал из Германии краденую машину...

ЗАБУРХАН. Как зовут нового директора химзавода?

3 ЖЕНЩИНА. Валлах!и, не знаю. С такой рыжей бородой, наглыми глазами.

ЗАБУРХАН. Ладно. Далее...

КУРПАТУ (*С обидой и угрозой*). Ну-ка, подожди. Оставь свое «дали». Как тебя там, Шубурхан?

ЗАБУРХАН. Сколько тебе повторять? Меня зовут Забурхан!

КУРПАТУ. Как бы тебя ни звали! Я тут хожу, улицы подметаю, а этих ты в столовые, рестораны и магазины отправляешь...

ЗАБУРХАН. Твое дело выполнить поручение.

КУРПАТУ. Чу-уч!и, этих всех отправляешь в рыбные места. А меня зазря гоняешь! Этот концерт дальше продолжаться не будет!

ЗАБУРХАН. (*Не обращая на нее внимания*). Волчицы! Есть вопросы?

ЖЕНЩИНЫ. Нет! Нет!

ЗАБУРХАН. Тогда идите по своим делам, не слушайте контрреволюционные речи этой женщины.

КУРПАТУ. Ну-ка, стой, как тебя там, Шубурхан... Шибиршайтан...

ЗАБУРХАН. Некогда мне тебя слушать, мне надо в штаб.

1 ЖЕНЩИНА. Эй, женщина. Не мучь нашу предводительницу, возвращайся

домой, у тебя же там семья, живность...

КУРПАТУ. Вагга, что вам за дело до моей семьи и живности?! Сама знаю, что делать.

2 ЖЕНЩИНА. Да, не приставай к нашей предводительнице, ей нужно в штаб.

ЖЕНЩИНЫ (*Смеясь*).

– В штаб?

– Хорош штаб!

– Иди, Забурхан, опоздаешь в штаб.

Смеясь, уходят. Забурхан направляется в другую сторону. Курпату остается на сцене.

КУРПАТУ. А с чего это они так смеялись? При упоминании штаба им стало так весело. В какой это штаб Забурхан бегает каждый вечер? Валлах1, надо посмотреть, что там такое. В какую она сторону пошла? А-а, вон идет. Пойду, таясь, следом.

8-ая картина

Курпату, прячась, идет за Забурхан. Через какое-то время Забурхан доходит до 1-го подъезда. Стучит в дверь.

ГОЛОС ИЗ ДОМА. Кто там?

ЗАБУРХАН. Я.

ГОЛОС ИЗ ДОМА. Пароль?

ЗАБУРХАН. Свобода или смерть.

ГОЛОС ИЗ ДОМА. Когда придет смерть, укутают в саван... Ха-ха-ха.

Открыв дверь, запускает Забурхан. Забурхан ставит угощение, которое она принесла, на стол. Барза с настроением приступает к пище. В этот момент заходит Курпату.

КУРПАТУ. Ва, Всевышний, приди на помощь. Что я вижу?

Сникает на месте.

ЗАБУРХАН. Что ты видишь? Заседание штаба. Нечего притворяться!

БАРЗА. Ей правда плохо. Неси воды.

Прыснув водой, приводит в чувство.

КУРПАТУ. О Всевышний, есть ли на свете столь же бесстыжая женщина, как эта? Ты не знаешь, в чем дело?

ЗАБУРХАН. Я зашла по делу, по революционному делу.

КУРПАТУ. Будьте вы оба прокляты! Если бы у меня было оружие, я бы вам показала...

ЗАБУРХАН. Не имеешь права, если ничего не видела.

КУРПАТУ. Тьфу, будь проклята! Думаешь, раз не видела, трудно понять, чем вы тут занимаетесь! Ведьма! Уйди с глаз моих!

БАРЗА. И мне уйти?!

КУРПАТУ. Скройтесь оба, пока я вас не передушила!

БАРЗА. Ладно. Как бы не пожалела после! Я-то терпел из-за детей... (*Начинает собирать свои вещи. Тишина. Барза и Забурхан направляются к двери*).

КУРПАТУ. Стойте...

БАРЗА. Кому ты это говоришь?

КУРПАТУ. Тебе... Ты не виноват. Мужчина – несчастное существо, женщины его легко обводят. Эта ведьма снесла тебе крышу. Дай ей пинка под зад, выкинь на улицу и закрой дверь!

ЗАБУРХАН. Еще чего! Этого ты не дожدهшься. Ну-ка, подожди, ты вообще в мусульманском браке с ним?

КУРПАТУ. Конечно. Думаешь, я через ЗАГС ему двоих родила?

ЗАБУРХАН. И кто вас венчал?

КУРПАТУ. Твое какое дело, нахалка? Тапа – мулла из Гачармов.

ЗАБУРХАН. Фи-и... Просто мулла! А нас венчал трехкратный хаджа!

КУРПАТУ (*С еще большим удивлением*) Что значит – нас?

ЗАБУРХАН. Нас – Забурхан, дочь Зебиата, и Барзу, сына Барзанака. Да, да, хочешь – падай без чувств, хочешь – ложись, умирай. Я такая же жена этого мужчины, как и ты, с теми же правами.

КУРПАТУ. Это правда?

БАРЗА. Понимаешь, Курпату, мужчина есть мужчина. Два месяца – это очень много, без жены...

КУРПАТУ. Ладно, коль так. Больше ни на день одного не оставлю. А сейчас: саван или смерть – я или она.

БАРЗА. Ну и выбор! Тоже мне выбор: саван или смерть! Ты – саван, она – смерть.

КУРПАТУ. Давай быстрее: либо меня оставь, либо ее.

ЗАБУРХАН. Если и бросит, то тебя. Думаешь, меня оставит, мы всего-то две недели, как вместе.

КУРПАТУ. Быстрее давай развод этой ведьме или мне. Но сначала вспомни 2-х своих детей... Я клянусь Богом, ты их больше не увидишь. Ногой не ступишь в наш двор в Гачармах!

ЗАБУРХАН. Эш-ш, купим квартиру с горячей водой, дети будут. Дай развод этой обезьяне, назови девять имен¹.

Тишина.

Или оставь меня... Но прежде, чем это сделать, вспомни нашу революцию, не забывай нашу борьбу за свободу.

БАРЗА. Останусь с той, кто меня больше любит.

ЗАБУРХАН. Я люблю, я!

КУРПАТУ. Я мать твоих детей. Если б не любила, жила б с тобой столько?

БАРЗА. Это правда, но иногда ты скандалила...

ЗАБУРХАН. Хай-хай! Если б любила, не ругалась бы!

ПОЕТ:

Я любила тебя
На площади Свободы,
Где творится революция,
Люблю я днем и ночью.

КУРПАТУ (*Поет*).

Схвати ее за крыло
И выкинь ведьму вон.
Вспомни детей,
Урожай, что нужно собрать!

БАРЗА (*Хлопая*). Обе хорошо поете. Может быть, все вместе будем жить.

¹ Имеется в виду процедура мусульманского развода.

По исламу можно иметь четырех жен. Вы бы создали семейный ансамбль, зарабатывали пением.

КУРПАТУ. Нет-нет, об этом и не мечтай.

БАРЗА. Одна будет занята дома, другая – во дворе... Так бы и жили в согласии. Вместе бы пололи кукурузу.

КУРПАТУ. Там, где ступит ее нога, кукуруза не уродится.

ЗАБУРХАН. Никогда не соглашусь жить с этой обезьяной в одном дворе.

БАРЗА (*Поет*).

Что же мне с вами делать?
Как быть со своим сердцем?
Не хочу терять обеих,
Люблю обеих.

ЗАБУРХАН (*Хлопает*). Какой голос, душу вынимает!

КУРПАТУ. Двух арбузов в одной руке не удержать.

ЗАБУРХАН. Такая обезьяна, как ты, и три удержит. Оставь ее!

КУРПАТУ. Я тебе устрою обезьяну! Сатана в человеческом обличье! Ведьма! Старая колдунья! (*Забурхан бросается на Курпату*).

БАРЗА. Стой... Стойте! Не шумите, дайте мне подумать.

Устанавливается тишина. Барза, закрыв глаза, думает. Начинает говорить, не открывая глаз.

Забурхан... живи долго... у тебя есть дети?

ЗАБУРХАН. Откуда у меня дети, если я только что за тебя замуж вышла?

БАРЗА. Вот, когда появятся, будешь знать, как любят своих детей. Поэтому не могу расстаться со своими двумя детьми. Ты шустрая, при делах, стоишь во главе женской группы, сама, словно тесто, замешанное на молоке, любой мужчина остановит на тебе взгляд, крепенькая вдовушка. Вокруг полно слоняющихся гвардейцев. Одного из них окрути, ему и тарелки супа будет достаточно...

ЗАБУРХАН. А как же наша революция? Наша борьба за свободу?

БАРЗА. Революции – жить счастливо, борьба пусть разгорается сильнее! Называю девять имен, все, теперь я тебе не муж!

ЗАБУРХАН. Пирдател революции! Изменник, чтоб твой язык стал дырявым. Чтоб глаза твои полезли на затылок! Чтоб заразился и ты, и твоя жена-обезьяна! Чтобы еж в твоём чреве лопнул!

КУРПАТУ. Чтоб это все случилось с тобой!

ЗАБУРХАН. Клади шапку, которую я тебе купила за 500 долларов. Снимай кожаную куртку, я за нее 100 долларов отдала... Борода! А ну-ка, давай бороду. Я за нее столько выложила!

КУРПАТУ. Эшш... Носи на своем горбу свои прогнившие тряпки! Без них он краше!

ЗАБУРХАН. Чтоб дым из трубы не шел в вашем доме! Какая подлость! Чтоб Всевышний оплатил тебе тем же! Отправляйся ко всем, кто у тебя умер! Чтоб ты не успевал хоронить своих покойников! Чтоб горел и ты, и твоя жена синим пламенем! Ва-а-а...

Стеная, уходит. На какое-то время в доме устанавливается тишина.

КУРПАТУ. Сейчас увидишь, что я с тобой сделаю!.. (*Надвигается на мужа*).

БАРЗА. Эй, ты чего это, эй! Стой! Остановись! Ты нас опозоришь!

Гаснет свет.

9-ая картина.

Приемная Хакима. В ней один охранник-революционер.

РЕВОЛЮЦИОНЕР. В ночь, когда щенилась волчица ...
 Если продать вагон муки...
 Мы явились на свет...
 1 вагон муки – 500 мешков по 500 тысяч рублей. Утром, когда ревел лев...
 Нечего ждать утра, ночью же продам... Дали наши имена... Каша, простоявшая до утра, научилась говорить². А тот вагон цемента...

В тот момент появляется Барза.

БАРЗА. Ассалам алайкум!
 РЕВОЛЮЦИОНЕР. Ва алайкум салам... Ты сбил меня с мысли.
 БАРЗА. Эти мысли будешь думать, когда я уйду
 РЕВОЛЮЦИОНЕР. Если пришел просить работу, знай, что все места уже заняты. Ни одной вакансии, даже уборщика.
 БАРЗА. Мне не работа нужна, мне нужно встретиться с Хакимом.
 РЕВОЛЮЦИОНЕР. Он сказал никого не пускать!
 БАРЗА. Меня он не имел в виду. Доложи, что я пришел.
 РЕВОЛЮЦИОНЕР. А ты кто такой?
 БАРЗА. Барза, сын Барзанака.

Революционер нажимает на одну из своих пуговиц.

ГОЛОС ХАКИМА. Слушаю!
 РЕВОЛЮЦИОНЕР. Извини, Большой Хаким, сюда пришел Барза, сын Барзанака.
 ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Все они волки!³ Что ему нужно?
 РЕВОЛЮЦИОНЕР. Хочет с тобой поговорить.
 ГОЛОС ХАКИМА. Пусть говорит!
 БАРЗА. Извини за беспокойство, Большой Хаким. Хотел бы с тобой увидеться. Тебе самому...
 ГОЛОС ХАКИМА. Не могу тебя принять. Говори так... У меня гости из Африки...
 БАРЗА. Думая, что делаю что-то важное, я три с лишним месяца охранял этот дворец.
 ГОЛОС ХАКИМА. Люди стояли, как и ты, даже еще больше.
 БАРЗА. Говорили, министром назначат. Я-то понимал, что этого не будет.
 ГОЛОС ХАКИМА. Правильно понимал!
 БАРЗА. Мне нужен трактор «ДТ-75». Дай хотя бы его!
 ГОЛОС ХАКИМА. Трактора нет. Здесь тебе не тракторный завод! Откроем через пару лет. Дальше...
 БАРЗА. Хорошо. Прежде чем уйти, хотел кое-что рассказать. Как-то лиса, петух и собака вышли, чтобы основать село. Проголодавшись, лиса набросилась на петуха и оторвала ему хвост. Разозлившись на это, собака кинулась на лису и оторвала ей хвост...
 ГОЛОС ХАКИМА. Что за сказки ты мне рассказываешь?
 БАРЗА. Подожди. Эта сказка к месту. Тогда лиса взобралась на горку и закричала: «Отрывая друг другу хвосты, село построить не получится. Подобно этому, можно ли, воруя, уничтожая все, что имеем, презирая других, творя зло, построить государство?»
 ГОЛОС ХАКИМА. Это не речь волка! Это речь зайца! Гони его! Гони!

² Чеченская пословица.

³ Борз (чеч.) – волк.

Революционер, толкая, выводит Барзу.

10-ая картина

Дворец Большого Хакима. Перед ним на площади Свободы на лавке сидит Курпату, беспокойно смотрит на дверь. Качая головой, думает о чем-то. Подходит Барза. Неуверенны его походка, взгляд. Глубоко вздохнув, садится рядом с Курпату.

КУРПАТУ. Ну, что ты узнал? Что молчишь, муж?

БАРЗА. А о чем говорить?

КУРПАТУ. Не получилось?

БАРЗА. Какой там! Обещали назначить министром, а сейчас и завскладом не ставят. Много, говорят, вас.

В тот момент к ним подходит Странник.

СТРАННИК. Подайте! Ради Всевышнего!

КУРПАТУ. Иди подальше! И так сердце разбито, ты еще соль сыплешь...

СТРАННИК. Милостыня – лекарство для разбитого сердца и тревожных мыслей.

БАРЗА. Подожди! Стой!

КУРПАТУ. Оставь его! Надо было, как другие, занять себе кабинет...

БАРЗА. Ой, я-то думал, будет какая-никакая польза. Мне казалось неправильным взламывать дверь и садиться в кабинет.

КУРПАТУ. Да, ты же очень культурный, каждый торопится сделать свое дело, а ты пытаешься сохранить лицо, быть культурным.

БАРЗА. Да, я такой.

КУРПАТУ. Кому нужна твоя культура? Это же революция...

БАРЗА. Не собираюсь из-за революции забывать о своем воспитании.

КУРПАТУ. Эш-ш! Смеси людей и дальше своей нищетой.

БАРЗА. Клянусь Богом, я не был беден, если б ты меня оставила дома.

КУРПАТУ. А я тебя зачем сюда отправила? Чтоб ты развлекался с Шубурхан?

БАРЗА. До скончания своих дней не произноси ее имя!

КУРПАТУ. Это еще почему?

БАРЗА. Это ошибка моей молодости.

КУРПАТУ. По-моему, это ты ошибка природы.

БАРЗА. Нет, это ты, жадная до денег.

КУРПАТУ. А тебе не нужны деньги?

БАРЗА. До такой степени – не нужны.

КУРПАТУ. А что, я ради себя стараюсь? Дочка такая же твоя, как и моя. И ей, как другим, нужны платья, туфли, замуж нужно выдавать...

БАРЗА. Ты за меня вышла в одном платье, другого у тебя и не было.

КУРПАТУ. Ты меня попрекаешь?! Вот я и хотела, чтоб мою дочь так не упрекали!

БАРЗА. Женщина, что ты от меня хочешь? Я сидел дома, занимался своим посевом, живностью...

КУРПАТУ. Нужно было вернуться с деньгами из банка...

БАРЗА. А кто мне их даст? Все банки закрыты, все люди на улице...

КУРПАТУ. Тогда без денег вернулся бы...

БАРЗА. Посмел бы я без них явиться пред тобой...

КУРПАТУ. Эш-ш... Брехня...

БАРЗА. Конечно, брехня... Думаешь, я тебя боюсь? Я мюрид революции, гвардеец, воин газавата, генералиссимус из чеченцев, Барза Барзанакович аш Шайха Гачарминский бен Талал.

КУРПАТУ. Спаси Аллах, бредит, с ума сходит...

БАРЗА (*Кричит*). Это ты меня сводишь с ума!

КУРПАТУ (*Кричит*). Как это я?!

БАРЗА (*Еще громче*). А так! Отправила меня в этот город, точнее, на этот базар джиннов... И вот, как крутящуюся соломинку, затянул меня этот водоворот...

КУРПАТУ. Да, ты же совсем зеленый! Только что пятнадцать стукнуло, поэтому Шубурхан голову и...

БАРЗА (*С криком*). Я же сказал не упоминать ее имя!

КУРПАТУ. Захочу – буду!

БАРЗА. Не будешь!

КУРПАТУ. Буду!

БАРЗА. А ну-ка, попробуй!

КУРПАТУ. А ты заставь!

БАРЗА. Только сделай!

КУРПАТУ. Что сделай!

БАРЗА (*Приготовившийся, было, крикнуть, застыл*). Что сделай? О чем это я? Революцию сделай!

КУРПАТУ. Ее и без твоего разрешения сделали!

БАРЗА (*Кричит*). Этот базар джиннов со мной не пройдет!

КУРПАТУ. Какой еще базар?

БАРЗА. Тебе меня не надуть!

КУРПАТУ. Так я и не пытаюсь!

БАРЗА (*Надрывно вопит*). Больше мне не перечь!!

Присаживаются на скамейку.

Дай-ка эту газету. Может, здесь найдем что-то полезное для себя. Ой, клуб «Сватовство». Этим только чеченцы не занимались! Свагать через газету! Послушай, что пишут: «Мне 16... Живу в селе. Замуж выйду за состоятельного. (*Тьфу, будь проклята, совсем стыд потеряла. Весь свет должен знать о ее потребностях!*)... ему не должно быть больше 27-ми, у него должен быть выдвинутый вперед подбородок, как у Виктора Цоя, усы, как у Гириханова Ихвана, он должен быть участником революции. Не революционеров и не патриотов прошу меня не беспокоить своими письмами (*Будь прокляты те, кто тебе напишут!*) Мой адрес: Горный район, с. Гачармы...» Ой, что это? Барзанакаева Бикату. Ой, это же наша Бикату.

КУРПАТУ. Бросай свои глупые шутки! Наша дочь никогда не напишет такое.

БАРЗА. Я тоже так думал до сих пор. А знаешь, что случилось? Беда случилась. От моей крови уродилась эта бесстыдница!

КУРПАТУ. Это действительно наша Бикату написала?

БАРЗА. Ва, написала. На – читай!

КУРПАТУ (*Глядя в газету*). Ватга, мой Бог, и вправду она! О Всевышний, что это? Какой стыд, какой срам! Горит мой дом, горит! Пошли, мужчина, на автостанцию. Наши дела столь плохи, что не до рассиживания здесь. Быстрее, быстрее! Дом горит!

Уходят.

11-ая картина

Городской митинг. Вечер.

БАРД. Слова-то ты написал правильные, но на них трудно положить музыку.

ПОЭТ. Почему трудно?

БАРД. Потому что они не звучат.

ПОЭТ. Как это не звучат? Ну-ка, слушай...

Партократан лаца кьамкьарг,
 Д1а ма хеца дийццалц бакъдерг!
 Къовса! Къовса! Д1асахъовза шовкъе!
 Д1а ма хеца кьамкьарг стигал къовкьарх!⁴

ПЕВЕЦ. Къа... къи... къу... это что за дагестанский язык!

ПОЭТ. Это чеченский язык.

ПЕВЕЦ. В чеченском много других звуков... ма... му... ла... ли... га... гу...

Появляется цыган со своим табором.

ЦЫГАН. Песни надо петь, как мы...

ПЕВЕЦ. Здесь много людей, которые умеют петь... Шуруй отсюда со своим табором.

ЦЫГАН. «Шуруй», я же только что пришел.

ПОЭТ. Стой-ка, если ты цыган, откуда знаешь чеченский язык?

ЦЫГАН. Ай, я же фактически нохчи. В четыре года меня украли цыгане, и я вырос в их таборе. Но я не забыл наш язык. Более того, я знаю цыганский, румынский, немецкий, русский, хохлятский, ногайский, ингушский... Ну, на всех языках могу просить подаяние...

ПОЭТ. Вот ты нам и нужен! Наш митинг засыпает. Ты со своим табором его немножко растормошишь...

Цыган со своим табором поднимается на трибуну.

ЦЫГАН. Чавелла ромалэ! Нохчи! В четыре года меня украли цыгане, но я не забыл своей родины, своего языка. Наши народы очень похожи по двум признакам: нохчи любят свободу, и цыгане любят свободу! Цыгане очень любят деньги, и нохчи очень любят деньги! Поэтому, как только я услышал, что Чечня стала свободной, я пересек шесть границ и со своей Кармелитой пришел сюда. Настало время вернуть долг земле своих отцов. Нохчи! Я могу быть министром двух министерств: хотите, министром культуры, пожелаете – министром иностранных дел! Для министра иностранных дел у меня есть связи, я же обошел со своей Кармелитой всю Азию, всю Европу. Там у меня везде блат. Ну а если меня назначат министром культуры, я всех научу цыганским песням и танцам.

ЦЫГАНКА. Ой, много базаришь, Яшка, а результат никакой.

Цыганка начинает петь и танцевать.

ЗАБУРХАН. Ты зачем сюда явилась?

ЦЫГАНКА. Я свободна и могу ехать, куда захочу.

ЗАБУРХАН. Это мое место!

ЦЫГАНКА. Такое же мое, как и твое!

ЗАБУРХАН. Это моя родина!

ЦЫГАНКА. Весь мир – моя родина!

ЗАБУРХАН. Я умею готовить галушки с крапивой.

ЦЫГАНКА. Я знаю, что было и что будет.

ЦЫГАН. Не спорьте! Не ссорьтесь! «Под солнцем места всем хватит», – сказал Лермонтов.

ЗАБУРХАН. Ничего ты не знаешь, брехло!

ЦЫГАН. Оберегая обычаи, я бросаю меж вами платок...

ЦЫГАНКА. Я знаю, что будет с тобой.

⁴ Хватай за горло партократа,
 Не отпускай, пока не скажет правду!
 Спорьте, спорьте! Кружитесь в экстазе!
 Не отпускайте горло, даже если в небе гремит гром.

ЗАБУРХАН. Что будет?

ЦЫГАНКА. То, что и не ожидаешь.

ЗАБУРХАН. Радость!

ЦЫГАНКА. Чтуч! Беда! Радость еще заслужить надо...

РЕВОЛЮЦИОНЕР. Подожди, Забурхан, дай и я спрошу. (*Цыганке*). А что будет с нашим делом? С нашей революцией?

ЦЫГАНКА. Дай подумать! (*Думает*).

Дорогу вижу, дорогу...

Если так и дальше пойдет, разбредетесь по всему свету, как и мы! Готовьте телеги, телеги готовьте!

ВЫКРИКИ.

– Долой!

– Она ничего не знает!

– Нам некогда бродить по свету!

– Мы установим независимость!

– Чечня! Чечня! Нохчийчо!

– Свобода или смерть!

12-ая картина

Возвращающиеся из города Барза и Курпату доходят до окраины своего села. Там шлагбаум, которого никогда не было. Их останавливает гвардеец в форме цвета хаки.

ГВАРДЕЕЦ. Стоять! Не переступать!

БАРЗА. Ой, это еще что? Мы, что, в родное село вернуться не можем, домой?

ГВАРДЕЕЦ. Это иностранная граница! Не переступать!

БАРЗА. Ой, как это может быть иностранная граница? Это же наши родимые Гачармы.

ГВАРДЕЕЦ. Это служба таможенной безопасности Чеченской Республики.

БАРЗА. Не знаю, что это за безопасность. А нам-то что делать?

КУРПАТУ. Ватта, Цоки, ты ли это?

БАРЗА. Что это ты болтаешь, собака?

ЦОКБОЛАТ. Я не собака! Я – вице-префект таможенной службы безопасности Гачарминского региона. Если приму участие в газавате и погибну, дадут полковника!

БАРЗА. Регион-то ты, может, и регион! Кто тебя сюда-то поставил?

ЦОКБОЛАТ. Это государственная тайна. Не могу сказать.

КУРПАТУ. Ватта, вот это да! Хочешь скрыть от отца с матерью?

ЦОКБОЛАТ. Анонимность гарантирована клятвой на Коране!

БАРЗА. Коран хотя бы не упоминай на этом базаре шайтанов!

ЦОКБОЛАТ. Не подходи!

Наводит на Барзу ружье.

КУРПАТУ. Ватта, убери эту палку, если кто увидит, стыда не оберешься!

ЦОКБОЛАТ. Ничего стыдного! Поклясться должны президент, вице-премьер, Джордж Буш, Маргарет Тэтчер, Фидель Кастро, Саддам Хусейн, парламентарии, депутаты, директора, завсклады, учителя, уборщики, первоклассники, лысые, бородатые – все должны поклясться!

БАРЗА. Что ты несешь, щенок? Клясться так нельзя! Если так клясться на Коране, и народ, и вся эта земля улетят в тартарары.

ЦОКБОЛАТ. Не улетят! Исполком ПУЖКХ знает лучше, чем ты! Нужно написать клятву и вывесить везде! Чтоб все видели. Там, где портрет Ленина висел!

КУРПАТУ. Всевышний, приди на помощь! Приди! Бес в него вселился!

ЦОКБОЛАТ. Что вы делали до революции?
 КУРПАТУ. Ватта, ну и ну! Ты что не знаешь?
 ЦОКБОЛАТ. Я на государственной службе! Здесь вопросы задаю я!
 КУРПАТУ. Делали то же, что и всегда.
 ЦОКБОЛАТ. А конкретно?
 КУРПАТУ. То же, что и все люди.
 ЦОКБОЛАТ. Оставь людей. За себя отвечай! Чем вы занимались?
 КУРПАТУ. Чем занимались? Кукурузу, фасоль, тыкву выращивали, скот...
 ЦОКБОЛАТ. Я не об этом спрашиваю. Вы не были партократами?
 БАРЗА. Что за вопрос эта собака нам устроила? Я тебя прибую! Ты что, не знаешь, что мы никогда не были в партии?
 ЦОКБОЛАТ. Я при исполнении, не подходи!

Направляет ружье!

КУРПАТУ. Мужчина, отступи. Не видишь, он не в себе.
 ЦОКБОЛАТ. Стоять! Что в ваших сумках?
 КУРПАТУ. Вай, да умри твоя мать, что там может быть? Не бомбы же. Две булки хлеба, два килограмма мяса, деньги, что заняла у родителей, марля на случай несчастья.
 ЦОКБОЛАТ. Эту булку хлеба конфискую в счет революции, проголодался я.
 КУРПАТУ. Бедный мой, желудок испортишь, если не будешь теплую пищу есть. Вернись домой, я сварю мясо.
 ЦОКБОЛАТ. Не могу! Я на посту! Иди, иди! Некогда мне с тобой говорить.

Родители уходят.

Появляется Странник.

СТРАННИК. Я-то переживу как-нибудь, питаюсь дикими лесными фруктами и орешками... Мой хлеб насущный в руках Всевышнего... Думают, я ради себя хожу... Нет, конечно... Ради них же хожу...

13-ая картина

Возвращающиеся из города Барза и Курпату пришли в свой двор.

КУРПАТУ. Ватта, ватта! Ворота открыты! Чужой скот по двору разгуливает.
 БАРЗА. Чужие-то ходят, а вот нашего не видать: ни скота, ни кур, ни дочки.
 КУРПАТУ. Скот-то наш пасется, наверное, а вот где куры?
 БАРЗА. И они, наверно, пасутся.
 КУРПАТУ. Как они могут пастись, если со двора никогда не выходили.
 БАРЗА. Я тоже никогда со двора не выходил, однако отправился в город и почти три месяца пасся.
 КУРПАТУ. Дочь хотя бы куда подевалась?
 БАРЗА. Она тоже где-нибудь пасется.
 КУРПАТУ. Нам, знаешь, не до шуток... Посмотри на сапетку.
 БАРЗА (*Удивленно свистит*). Ну и дела! Была полная сапетка, а сейчас только половина. Где же кукуруза?
 КУРПАТУ. Посмотри на дно сапетки. Мыши сгрызли.
 БАРЗА. Ой, как они туда залезли? Я же ее металлической сеткой укреплял.
 КУРПАТУ. Этого я не знаю.

Раздается мычание коровы.

БАРЗА. Одна вернулась.
 КУРПАТУ (*Бросает веник, бежит навстречу корове*). Добро пожаловать,

Деба! А где же Чама, Торгал, Белка? Смотри-ка, теленок с ней. Отелилась на днях.

БАРЗА. И то дело, хоть отелившаяся корова вернулась.

КУРПАТУ. Сколько их еще? Три коровы, два бычка, две телочки.

БАРЗА. О них можешь забыть. Гвардейцы, скорее всего, забрали. Когда ел на митинге, один кусок по вкусу напомнил мне наших коров.

В двери появляется Бикату.

БИКАТУ. Вы вернулись?

На некоторое время устанавливается тишина.

Я думала, вы никогда не вернетесь.

КУРПАТУ. Думала, мы умерли, и расслабилась.

БИКАТУ. Нет, думала, в городе остались, получили от власти работу, квартиру...

КУРПАТУ. Нет-нет, ты подумала именно это... А я тебе и твоему брату что наказала, когда уходила? Что ухожу навсегда, сказала?

БИКАТУ. Ты сказала, что быстро вернешься. А прошла неделя, другая... Цоки пошел за вами, и его город затянул... странный этот город, как тот дракон из сказки, что ты мне рассказывала: всех, кто идет к нему, поедает... А что мне было делать, когда вы все исчезли?

КУРПАТУ. Бедняжка, да умри твоя мать, боялась одна?

Обнимает свою дочь.

Барза, до этого момента ремонтировавший сапентку и слушавший их разговор, надвигается на них, взяв в руки валявшуюся на земле веревку.

БАРЗА. Ничего себе боялась! Валлах1, не боялась. Написать письмо в газету и опозорить нас – не боялась! Что ты с ней разговариваешь? Вотогрею ее веревкой хорошенько, все поймет! Это та самая веревка, которую вы у меня просили.

КУРПАТУ. Не бей, не бей! Не идет отцу дочь бить! Я сама. Сама. Сейчас. Дай эту веревку... А ты, дьявол, быстро в дом! Быстро!

Заходит с дочерью в дом.

БАРЗА. Валлах1, не ударит. Как же, побьет она...

Из дома раздаются голоса.

ГОЛОС КУРПАТУ. Громко: «Я убью тебя!» – тихо: «Хоть притворись, что ты плачешь».

БАРЗА. Хватит, женщина, зря не старайся. Ты ее и пальцем не тронешь. Если б я частенько поколачивал тебя, а ты – их, до этого бы не дошло. (*Задумавшись, устало садится*). А чем эта девочка виновата? Что, я в городе лучшим чем-то занимался? Или жена, которая явилась за мной? Если я, повидавший жизнь, людей, так себя вел, то что взять с молодых, неопытных? Выходи, жена! Нечего притворяться, лучше позаботься о еде.

Странник проходит мимо их двора.

БАРЗА. Эй! Подожди-ка! Иди сюда! Возьми вот, это все деньги...

СТРАННИК. Все не надо...

БАРЗА. Я же милостыню подаю.

СТРАННИК. Пусть Всевышний примет твою милостыню! Пусть бережет тебя и твою семью от несчастья, разора!

Уходит.

БАРЗА. Несчастья, разора...

В этот момент раздается сильный сигнал и у ворот резко тормозит, словно пытаясь встать на передние колеса, «Вольво». Из нее выходят Старик и поезжане. У одного из них автомат.

СТАРИК. Ассаламу 1алайкум.

БАРЗА. Алайкум салам, что стало с тем ковром?

СТАРИК. С каким ковром? О чем это ты?..

1 ПОЕЗЖАНИН. Здесь живет Барзанакаева Бикату?

Некоторое время Барза и Курпату стоят молча, застыв.

2 ПОЕЗЖАНИН. Что молчим?

3 ПОЕЗЖАНИН. Вы, наверное, родители Бикату?

БАРЗА. Да. Вы с каким-то делом?

1 ПОЕЗЖАНИН (*Указывая пальцем на товарища*). Это ваш зять.

3 ПОЕЗЖАНИН. Где Бикату?

БИКАТУ (*Выходя из дома*). Я, я Бикату...

2 ПОЕЗЖАНИН. Нормально!

3 ПОЕЗЖАНИН. Ее за границу надо толкнуть. (*Кивая на товарища*). Если этот согласится...

1 ПОЕЗЖАНИН. Я согласен, я таких вагон достану.

СТАРИК. Ты писала в газету?

БИКАТУ. Да, но я же пошутила...

3 ПОЕЗЖАНИН. Такие шутки с нами не проходят.

БАРЗА. Ублюдки, будьте вы прокляты! Что за суд вы тут устроили в моем дворе? Я, что, умер, по-вашему?

3 ПОЕЗЖАНИН. Если будешь себя так вести, умрешь.

Взводит автомат и стреляет поперек головы Барзы.

КУРПАТУ. О Боже, помоги!

БАРЗА. Не шути так со мной!

В этот момент появляется Цокболат.

ЦОКБОЛАТ (*Наводит на них автомат*). Бросайте оружие, твари!

1 ПОЕЗЖАНИН. А ты кто такой?

ЦОКБОЛАТ. Если ты еще хоть слово скажешь, изрещечу! С вами говорит вице-префект таможенной службы безопасности Гачарминского региона. Сложить оружие!

СТАРИК. Опустите, опустите оружие. Что это за улица? А-а-а, мы не туда попали... Извините, извините... (*Садятся в машину и уезжают*).

2 ПОЕЗЖАНИН. Мы вам так это не оставим!

БАРЗА. Сын, да ты не так плох, как мне казалось. Если не оступишься опять...

КУРПАТУ. Цокболат, да не умри твоя мать, если б не ты, что бы мы делали?

БАРЗА. Оставь свои причитания и позаботься о еде.

КУРПАТУ. Сейчас... сейчас... приготовлю

Курпату, Цокболат заходят в дом. Странник играет на скрипке.

БАРЗА. Что это за люди?! Кто их отец, мать? Неужели родители не сказали им, что дозволено, а что нет? Не указали им на границы добра и зла, черного и белого? Это бесчестное, дьявольское семя с каждым днем прорастает все больше. Сегодня они в мой дом ворвались, завтра – в другой. Ни одну семью не оставят в покое, не совершив против нее зла. О Всевышний! Дай мне сил уберечь свою семью от этого дьявольского хаоса, творящегося на нашей земле. Как сорвавшееся в пропасть колесо телеги, катится наша чеченская жизнь под откос. И пока она не упала в эту пропасть, нам нужен герой, нам нужен устаз. О Всевышний, будь милостив к нам! Дай настоящих мужчин! Дай нам духовных наставников! Дай тех, кто стоит на стороне правды и справедливости! Амин!

Барза подходит к Страннику.

БАРЗА. Если бы раньше подал я милостыню... может, и не случилось бы этого. Пойдем со мной.

Барза и Странник заходят в дом.

Занавес.

Перевод с чеченского Лидии Довлеткиреевой.

Елена Сердюкова

Хочешь что-то изменить в жизни? Измени себя!

Рассказ

Она вышла замуж в третий раз. Реакция родственников и знакомых была самой разнообразной – от тихого неодобрения и осуждения соседней до яростного сопротивления со стороны матери. С первым и вторым мужьями браки распались из-за их пристрастия к спиртному. На этот раз все, вроде бы, было нормально: муж производил впечатление хорошо воспитанного и спокойного человека, любил пошутить, много читал.

Несчастье подкралось неожиданно и коварно, когда ничто не предвещало беды, напротив, обычный день – солнечный и полный приятной домашней суеты, безмятежно подходил к концу. За ужином она почувствовала еле уловимый запах спиртного, встревожено посмотрела на мужа. Он, как ни в чем не бывало, спокойно пил чай, краем глаза поглядывая в телевизор. «Надо же такому почудиться», – подумала она и тут же отмахнулась от этой глупой, как ей тогда показалось, мысли. Как потом оказалось – зря ...

Она не сразу поверила в происходящее, ведь до замужества знала его несколько месяцев, но никогда не видела в нетрезвом состоянии. Не хотелось верить в то, что вот так, в одночасье, может рухнуть счастье, к которому она так стремилась, и которое, как ей казалось, навсегда поселилось в ее семье. Ей не хотелось с ним расходиться, ведь, по сути, он был добрым, отзывчивым человеком и, когда выпьет, не дрался и даже не ругался, но перед людьми было стыдно. В сотый раз задавая себе один и тот же вопрос: «Ну почему мне так не везет?», смахивая слезы и пытаясь отвлечься домашними заботами, в надежде на лучшее будущее провожала она очередной день.

Обратиться к психологу ей посоветовала подруга. Она долго колебалась, откладывала, объясняя свою нерешительность самой себе тем, что неправильно «выносить сор из избы», как-то совестно признаваться в своих домашних неприятностях чужому человеку, пока, наконец, не решилась. Каково же было ее удивление, когда располагающая и очень доброжелательная женщина, внимательно выслушав ее, вдруг перестала быть мягкой и приветливой и довольно жестко сказала: «Вы сами виноваты в том, что с Вами происходит».

От такой несправедливости она растерялась и даже обиделась. Еще бы! Ведь она обратилась за помощью! Неужели мало обвинений в свой адрес она выслушивает от свекрови, мужа и даже от своей мамы. Да что может знать эта спокойная и благополучная женщина о ее жизни! И как смеет она так ее обвинять! Ведь это не она, а свекровь, жалея своего сына, дает ему деньги, а он напивается и начинает ко всем придирается. Потом протрезвеет, просит прощения. И так каждый раз. Нет сил с этим бороться, но уйти некуда – у родителей теснота, да и детей жалко.

Возвращаясь домой, долго шла пешком – не хотелось, чтобы пассажиры в маршрутке видели ее растерянное, заплаканное лицо. Ее хлестал встречный ветер, а сзади, как будто по пятам, гнался за ней твердый голос психолога: «Что-то менять в себе – это всегда больно. Вы к этому готовы?»

После беседы с психологом прошло несколько дней. Все это время она думала над тем, что от нее услышала, об удивительном явлении – треугольнике Карпмана, участники которого постоянно меняются ролями, играя то Жертву, то Преследователя, то Простока, то Подстрекателя; и этому театру нет конца. И чем больше она об этом думала, тем настойчивее и убедительнее звучал в ее голове уверенный и твердый голос психолога: «Вам не место в этом треугольнике! Ни

при каких условиях, ни в какой бы то ни было роли – не место!». Постепенно исчезала обида и на ее месте появлялась твердая уверенность в том, что она преодолеет влияние этого ненавистного треугольника, она вырвется из него, и в ее семье вновь воцарятся покой и благополучие. Она достала из кармана телефон и решительно набрала нужный номер: «Здравствуйте, я могу к Вам сегодня подъехать?»

Она возвращалась домой в твердой уверенности перестроить себя и всю свою жизнь, представляла, каких результатов достигнет, как говорила психолог, визуализировала... Еще на пороге дома поняла, как это будет непросто ... Свекровь встретила ее извечными причитаниями о том, как не повезло ее сыну с женой, которая... шляется неизвестно где, когда мужу так плохо. Поэтому и дела у него не складываются, и нервы расшатаны, и позволяет он себе выпить с горя, что жизнь не удалась, и еще много чего, в чем она, по ее словам, виновата... Очень хотелось расплакаться и по привычке пойти мыть посуду (ею постоянно заставлен стол и завалена раковина) или подметать во дворе, плакать и сквозь слезы жалеть себя и ругать ненавистную свекровь и подвыпившего мужа... Но сегодня почему-то все было иначе ... это так странно ... она увидела перед собой жалкую, несчастную женщину, подумала, а что она видела в жизни, кроме мужа, который ее всю жизнь бил, и этого великовозрастного детины, ее сына, который был для нее единственным светом в окошке ...

Она вдруг ясно поняла, что у нее все будет иначе. И еще – коварно подкралось щемящее чувство жалости к этой старой, больной женщине, которое тут же сменилось осознанием полной ответственности за нее. «Не знаю пока как, но у меня все будет иначе», – подумала она. Какая-то неведомая сила вела ее, руководила ею. Она вдруг почувствовала себя сильной, уверенной в себе женщиной, от которой зависит благополучие всей ее семьи. Подойдя к свекрови, она мягко, но твердо взяла из ее рук веник, поставила его тут же у стола, обняла ее за плечи, улыбнулась и приветливо сказала: «Мама, а пойдём, попьём чаю!» Свекровь удивленно посмотрела на нее и, неожиданно, как-то беззвучно расплакавшись, покорно, как ребенок, пошла за ней на кухню.

Удивительно, но правда – все хорошее, равно как и плохое, вокруг себя создаем мы сами своими мыслями, своим отношением к происходящему, своим участием в жизни других людей. Вот только осознать это самостоятельно не всегда получается. И менять в себе что-то человек, к сожалению, начинает только тогда, когда происходит нечто, делающее эти изменения жизненно необходимыми.

Да, это правда – меняться больно, потому что связано это с частичным, а иногда и полным разрушением привычного уклада жизни, пусть не всегда благополучного, но зато понятного и предсказуемого. Вот и живем по инерции, боясь заглядывать в будущее, успокаивая себя тем, что вон у кого-то все еще хуже; получаем свою порцию жалости и высокомерного сочувствия от тех, кто более благополучен, давая им, таким образом, возможность лишний раз утвердиться в своем высокомерии.

Чаще всего мы живем, как умеем, как получается, не задумываясь над тем, что если и можно что-то изменить, то делать это нужно сейчас, а не тогда, когда вырастут дети, достроится дом, решатся (сами собой) какие-то бытовые проблемы, изменят отношение к нам наши родственники, знакомые, коллеги ...

А самое главное – рядом с нами живут наши дети, усваивая на всю жизнь демонстрируемую нами модель поведения, формируя неосознанно (а точнее – просто запоминая) свой будущий жизненный сценарий, выйти из которого, став взрослыми, без помощи специалиста они не смогут. Вот и давайте зададим себе всего один вопрос: «Какой судьбы я хочу для своих детей?», при этом честно оценив свою собственную...

Мухмет Амиров

Горские были Огонь над могилой

В конце 30-х годов прошлого столетия в ауле Люнки, расположенном на северной окраине высокогорного села Хильдехарой, умерла одна женщина.

Той же ночью произошло таинственное событие: могила этой женщины вспыхнула огнем и стала гореть. Эта страшная весть мгновенно облетела многие горные аулы. Встревоженные этим жутким зрелищем, большое количество жителей этих аулов вышли из домов, чтобы наблюдать за этой картиной. А географическое расположение Люнки позволяло такое наблюдение, так как он лежал на склоне большой горы и был хорошо виден со стороны многих населенных пунктов, расположенных на дальних и ближних горных склонах. По утверждениям очевидцев, которые не ложились спать в ту ночь, пламя было небольшое и горело оно до утра. На рассвете следующего дня, когда пламя перестало гореть, взору собравшихся предстал надмогильный камень, который был полностью покрыт черной гарью. Стоял и соответствующий запах. В числе тех, кто из аула Кхуре наблюдал за этим огненным зрелищем, был и мой отец Чапанов Асланбек. А пламя и надмогильный камень видела моя мать Амирова Хеди, жившая в ауле Люнки. Причину этого странного явления немногие богословы того времени объяснили тем, что при жизни эта женщина тайно занималась греховными делами – колдовством.

Рука из могилы

Это было в первой половине 19-го века. Человек по имени Абдулла из горного аула Бечиг, расположенного в 2-3-х километрах к северу от села Хильдехарой, направился в горную Грузию за добычей. «Мужчины познаются в бою» – таков был девиз тогдашних горцев. А лишить сильных и добродушных грузин их собственности – домашнего имущества и скота – у чеченцев юга Чечни, исповедующих ислам, не считалось греховным деянием, поскольку речь шла о материальных ценностях, принадлежавших неверным – христианам. Впрочем, и грузины нередко совершали набеги на горную Чечню. На спине у Абдуллы висел ляжг – самодельный мешок из козьей шкуры белого цвета. Ляжг в то время горцы надевали на спину, как рюкзак наши современники, и использовали его в тех целях, что и рюкзак сегодня: для транспортировки продуктов питания, запасной одежды и т.д. Абдулла был не один. Его товарищами были жители из села Хильдехарой с многолетним опытом вооруженных набегов на соседей. Все были вооружены стрелковым и холодным оружием и как следует экипированы. Но белый ляжг был только у Абдуллы. Когда они двигались по территории Грузии, их через бинокль заметили два хевсурских охотника, внимание которых, прежде всего, привлек белый ляжг Абдуллы. Как потом выяснилось, между ними возник спор, кто из них с такого расстояния мог бы поразить этот ляжг из ружья. Один из них сказал другому: «Если ты попадешь в него из своего ружья, то я дам тебе свою корову». Тот согласился. Охотник долго прицеливался и выстрелил. Выстрел оказался роковым для Абдуллы: он был смертельно ранен. Пуля охотника вошла в его спину, насквозь пробив ляжг. Вскоре он умер. Товарищи привезли тело Абдуллы в Бечиг. Здесь его похоронили. В ту же ночь, согласно мусульманскому обычаю, два муллы из

Хильдехароя – Чилли Магомед и Дати Ахмед – с фонарем пошли на могилу Абдуллы, чтобы читать аяты из священного Корана. В то время было принято после похорон человека читать у его могильного холма священную книгу от трех до семи суток. Чтобы облегчить участь умершего, освободив его от суровых допросов ангелов за его земные грехи. Когда Магомед и Ахмед приступили к чтению Корана при свете фонаря, внезапно поднялся ветер, настолько сильный, что повалил и опрокинул сооруженный ими небольшой шалаш для ночлежки и потушил фонарь. Когда ветер немного стих, они попытались вновь зажечь фонарь, чтобы продолжить чтение. Однако эта попытка также была сорвана – к их ужасу, из могильного холмика вертикально вверх с таинственными звуками высунулась огромная волосатая рука. Произошло это в полночь. От увиденной картины оба муллы невольно вздрогнули. «Здесь что-то не так», – сказал Магомед Ахмеду. Не возобновляя чтения священного Корана, они второпях покинули это место. Каждый направился к себе домой – Дати Ахмад в аул Люнки, он лежал рядом через реку Аргун, а Чили Магомед – в аул Бечиг. Будучи родом из аула Хангихой, что на юго-востоке Хильдехароя, он с недавних пор, купив в Бечиге земельный участок, жил здесь. И еще говорили, что Магомед обладает даром предсказания. Прежде чем расстаться, Чили Магомед, будучи старшим по возрасту, сказал своему товарищу, чтобы утром он пошел к известному знатоку ислама – мулле-дагестанцу Адрахману, который проживал в ауле Цацах, и все ему рассказал. «Больше об увиденном никому ни слова», – предупредил Магомед Ахмеда. После утренней молитвы, когда еще полностью не рассвело, мулла Ахмед, выполняя поручение муллы Магомеда, отправился пешком в аул Цацах к мулле Адрахману. Аул Цацах располагался в ущелье на северо-востоке, на расстоянии четырех-пяти километров от аула Бечиг. Когда Адрахман еще издали увидел приближающегося Ахмеда, хорошо ему знакомого, то он покачал головой и обратился нему с такими словами: «О Ахмед! Если бы вы вчера ночью не покинули свое место, то не миновали бы гнева Всевышнего!» – «Почему?!» – дважды спросил удивленный Ахмед. «Да потому, – ответил Адрахман, – что умерший Абдулла за всю свою жизнь не совершил ни одного намаза, но успел совершить много тяжких грехов. И в эту ночь Божий гнев обрушился на него». Вернувшись обратно в Бечиг, где находился Магомед, Ахмед все ему рассказал, тот внимательно слушал и кивал головой. Находясь под сильным впечатлением, с именем Всевышнего на устах, они вновь направились к могиле Абдуллы. В середине могильного холмика была видна глубокая конусообразная воронка. Сейчас здесь стояла тишина. Читая молитвы, они руками выровняли разрушенный холмик. Потом они вернулись в аул. Магомед остался здесь, в Бечиге, Ахмед направился в Хильдехарой, в аул Люнки. Перед прощанием Магомед сказал: «Есть люди, которые все еще не верят, что настанет этот день. Поэтому они совершают грехи. Но этот день настанет, и это такая же правда, как и то, что мы все умрем».

Пашаев Абу**Сатийсам**

Ма хилалахь г1айг1ане,
 ма х1ийтта холча: гуттар а
 Ца лаьтта шийла,
 гуттар а ца лаьтта буйса.
 Йог1ур ю исбаьхьа б1аьсте,
 доккхур ду б1аьрг бузуш заза
 цу бешахь лаьтгачу 1ожо.
 Ма хилахьа г1айг1ане,
 Ма х1ийтта холча,
 сан дегайовхо,
 сан хьоме нана...

Куьйган кераюкьаца
 ас лаьцна бецан тхи,
 маьлхан з1аьнаршца, 1аьнарца,
 г1ап ца олуш, дай.

Ас ца гатдо са, селхана малхаца
 чубуьзинчу балина а,
 сингаттамана а,
 ца гатдо ас са кхана г1отту болчу
 балина а, сингаттамана а.

Стигала хьалахьобжу со!
 Чатакхийна Тачина юккьера
 седа д1абоввий-те сан?..

Дег1ан т1ехь йина кьизалла

Дег1а т1ехь еш йолу
 кьизалла ца ловш,
 кийрахь даго детта ц1ог1а,
 и ца лалуш б1аьргара хи дедда,
 дала орца доцуш...
 Чекхдели-кх дахар.

Гочдарш

(японийн поэзера)

Одзава Роан

Стенца дуста ас, хьан дахар,
 дег1, х1ай адам?
 Баца т1едиллина тхи санна,
 маьлхан з1аьнарш кхетталц...

Вайн дахар баца т1едиллана
 тхи санна бен дацахь а,
 вайн дахар дахар-м ду...

Исса Кобаяси

Охьатоха кечдинчу дитта т1ехь,
 цхьа а сингаттам боцуш,
 олхазарш ду-кха бен беш...

Мацуо Басё

Ма ч1ог1а балхабо цаьпцалго
 шен бала, сингаттам а
 ша цхьалха йисарца:
 цициго лаьцна цуьнан накьост.

Даханчу дахарехь сан
 йиша хилла-те хьо,
 г1айг1ане йолу атьокх...

Г1араг1улеш д1аяха,
 1одика ца еш, цу пана махка,
 б1аьстенца доккхучу
 зазане сатуьйсущ.

Фокудо Тио

Аьттамаь1иго ши-кхо
 г1улч яькххи,
 бешахь де даьгна дели,
 1ожалла герга г1оьрти...

Дарц д1адели, базар д1ах1оьгти,
 меллаша схьавеа ясакь лахьошверг.

Волахьа со волчу,
 ма цхьалха виси со:
 1уьйренца г1а доьжна дели.

Музейп Висенгереев

Антропоморфная пластика Кавказа – удивительные сведения о наших предках

Кто бы из нас не пожелал получить достоверную информацию о том, как одевались наши далекие предки около трех тысяч лет до н.э., какие носили прически, как выглядело их оружие и др.? Оказывается, увидеть все это вполне реально. В бронзовом веке совершенствование гончарного ремесла и металлообработки на Кавказе привело к серьезным изменениям в материальной культуре, хозяйственной и социальной жизни людей. Усовершенствовалось оружие: кроме лука и стрел, появились копья с бронзовыми наконечниками, мечи и кинжалы, пращи, боевые топоры, застёжки поясов, удила из того же металла. Изготовление утвари, оружия и орудий труда привело к началу специализации ремесла металлообработки. Основными видами занятия населения Северного Кавказа были скотоводство и земледелие (с использованием быков в качестве тягловой силы), хотя свое значение сохраняли охота и собирательство. В хозяйственной деятельности была четко выражена половая специализация: мужчины занимались скотоводством, земледелием, металлургией и военным делом, а женщины – гончарным и ткацким ремеслом, ведением домашнего хозяйства. Развитие металлургии дало мощный толчок в развитии хозяйства и военного дела. Металлические изделия изготавливались на месте из кавказской мышьяковистой бронзы. Обладая более совершенными металлическими орудиями, имея высокую организованность и мобильность, связанные с наличием конницы, кавказские племена стали проникать сначала в степи Предкавказья, а затем – совершать дальние походы в Азию. Начиная с III тысячелетия до н.э. древнее население Кавказа, с легкой руки греческих и римских историков названное скелотами (скифами), трижды совершали успешные завоевательные походы в древние государства: Египет, Вавилон и Ассирию. На Кавказе, одновременно с развитием гончарного дела и металлургии, стали делать каменные, глиняные, а затем и металлические изображения людей. Постепенно сформировался общекавказский феномен антропоморфной металлопластики, который является ярким показателем общности исторического пути, культурных и экономических связей, единого праязыка, древнего населения всего Кавказа. Использование каменных и металлических фигурок (антропоморфной пластики) в качестве археологического источника для реконструкции истории эпохи поздней бронзы и раннего железа является особенно интересным для дописьменного периода истории Кавказа. Количество экземпляров антропоморфной металлопластики Кавказа, хранящихся в различных музеях, составляет около 800 единиц. Эти удивительные предметы нашей истории хранятся в Государственном историческом музее, Эрмитаже, Государственном музее искусства народов Востока, Северо-Осетинском государственном объединенном музее истории, архитектуры и литературы, Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее, Ставропольском государственном краеведческом музее имени Г.К. Прозрителева и Г.Н. Пправе, Национальном музее истории Украины, Национальном историческом музее Армении, Музее Института искусства и науки Армении, Музее Грузии им. С. Джанашия, Кутаисском историко-этнографическом музее, Абхазском государственном музее, Ханларском историко-краеведческом музее, а также в дальнем зарубежье – в Историческом музее Вены (Австрия), в Британском национальном музее (Великобритания).

Бронзовая антропоморфная пластика Кавказа привлекала к себе внимание российских ученых с конца XIX столетия. Изучение началось вслед за ее первыми находками. В 1867 г. А.П. Ипполитову горцы Шароевского общества принесли множество металлических фигурок. Чеченцы считали их «христианскими богами». В начале 70-х гг. XIX в. при строительстве дорог в Дагестане было разрушено несколько могильников, среди инвентаря которых были найдены бронзовые фигурки. В 1877 г. у с. Казбеги в Северной Осетии был найден клад, получивший название «Казбекский». Большая часть клада представлена антропоморфными скульптурами. Яркие образы и композиции клада привлекли внимание ученых всего мира (Г.Д. Филимонова, А.П. Ипполитова, П.И. Головинского, Ф.С. Байерна, Ж. Мурье, И.И. Пантюхова, А.С. и П.С. Уваровых).

В советские годы в ходе археологических раскопок могильников, святилищ, курганов на Кавказе также было найдено большое количество металлических предметов,

в том числе и изображения людей. Обнаружением и последующим изучением антропоморфной пластики занимались кавказоведы: А.А. Захаров, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, В.И. Марковин, Ш.Я. Амираншвили, И.В. Мегрелидзе, О.М. Давудов, М.С. Гаджиев, В.Б. Виноградов, Е.Е. Кузьмина.

Появление бронзовой антропоморфной пластики на Кавказе ученые относят к началу эпохи ранней бронзы. В то же время существуют свидетельства этнографов, фиксирующие антропоморфные образы в различных культурах конца XIX в. Так, по свидетельству Б.К. Далгата, «женщины Исатовского общества в Чечне молят медную статуэтку, изображающую мужчину, чтобы она даровала им сына» (Далгат, 2004. С. 150; Сагитова, 2004. С. 175–177).

В.И. Марковин в статье «Культовая пластика Кавказа» за 1986 г. подчеркнул, что рассматривает антропоморфную пластику как сугубо культовое явление, отражающее эпохальные верования Кавказа. Автор сгруппировал статуэтки по позам, выделив «адорантов» – фигурки с распростертыми руками; «фертов» – фигурки, изображающие воинов; беременных женщин и человеческие головы. Еще одну группу антропоморфной пластики он отнес к «уникальным фигуркам»: «побратимы из Шали», «винопийца» из Бамборского клада, «три грации» из Сержень-Юрта и другие.

А.А. Захаров в работе «Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes» впервые классифицировал известную ему антропоморфную пластику Кавказа (Zakharov, 1933. P. 65–118). Он разделил статуэтки, исходя из общих деталей, и выделил 8 основных категорий: итифаллические статуэтки в шлемах, стоящие на подставке; плоские статуэтки с поднятыми вверх руками, прижатыми к голове или с руками, лежащими на поясе; статуэтки, близкие к античным; круглые итифаллические статуэтки с короткими руками, расширенной талией и короткими ногами; статуэтки Казбекского типа; статуэтки северокавказского типа; статуэтки с зооморфными чертами.

Молодой ученый археолог Брилева О.А. в своей научной работе «Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа» впервые собрала и классифицировала весь доступный для обработки массив бронзовой антропоморфной пластики Кавказа, включающий 740 фигурок. Длительные переговоры автора этой статьи с Ольгой Александровной о предоставлении ею базы данных изображений фигурок на электронных носителях для ознакомления с ними жителей Чеченской Республики, к сожалению, не увенчались успехом. Несмотря на это, мы остаемся благодарными автору очень полезной работы. Брилевой была выработана система описания антропоморфных изображений, проанализированная при помощи компьютерных технологий. Ею были предложены критерии хронологического определения статуэток. Результаты исследования автора могут быть использованы при написании обобщающих работ по древней истории, идеологии и искусству Кавказа. Новая система классификации и описания статуэток дает ключ к систематизации музейных собраний пластики. Результаты работы дополняют и конкретизируют представления о характере религиозных культов Кавказа. Они могут быть использованы в научных трудах, связанных с исследованием различных аспектов истории и культуры не только кавказских, но и других народов Евразии. Важным аспектом работы Брилевой О.А., на мой взгляд, является возможность использования деталей одежды и украшений, выделенных на персонажах антропоморфной пластики, для реконструкции древнего кавказского костюма. География появления и характер распространения статуэток на территории Кавказа свидетельствует о нарастающем развитии здесь, с глубокой древности, металлообработки. Можно предположить, что антропоморфная металлопластика получила свое развитие, как побочный промысел. В свободное от основного труда время плавильщики металла отображали в фигурках свои представления связанные с верованиями, плодородием, здоровьем и др. Антропоморфная пластика отображала бытовые предметы и их детали. Так, в ходжалы-кедабегской находке – конская узда и повозки, статуэтки с изображениями вооруженных (копьем и щитом) мужчин, в восточнокавказской – танцующих с поднятыми вверх руками, в самтавской – стоящих с протянутыми вперед руками.

О.А. Брилева утверждает, что в центральном варианте кобанской культуры популярен образ агрессивного мужчины и пассивной женщины. Изображения мужчин более активны и динамичны: они едут, совершают военные действия, заняты едой и питьем. На восток от этой культуры характер героев не меняется. В восточном варианте кобанской и зандакской культур главный герой – всадник и воин.

Из исследованных отрядом В.И. Марковина в 1960-х годах в Чечне памятников эпохи поздней бронзы и раннежелезного века следует отметить, прежде всего, могильник у с. Зандак в Ножай-Юртовском районе. Здесь было раскопано около 60 погребений в ямах и каменных ящиках, включая захоронения лошадей и могилы-кенотафы. Зандакский могильник является достаточно своеобразным

памятником в системе древностей Северо-Восточного Кавказа конца II – первой половины I тысячелетия до н.э., сочетающим в себе признаки как кобанской, так преимущественно и каякентско-хорочоевской культур. Металлическое (бронзовое) оружие, бабочковидные пояса воинов, захороненных вместе с боевыми конями, и другие бесценные находки, обнаруженные археологическим отрядом В.И. Марковина, были вывезены с территории Чеченской Республики, и они хранятся в запасниках российских музеев. Как результат участия в указанной экспедиции остался небольшой труд нашего известного земляка, ученого-археолога М.Х. Багаева, где им были описаны «бабочковидные» пояса воинов, обнаруженных при раскопках Зандакского могильника. Ученый-археолог из Дагестана О.М. Давудов написал большой труд, описывающий результаты исследования Зандакского могильника. Пропагандируя удивительные находки, обнаруженные экспедицией В.И. Марковина, О.М. Давудов инициировал перед научной общественностью предложение о признании Зандакской культуры как самостоятельной и уникальной культуры, наравне с Харачоевской и Каякентской культурами древности. Для современных жителей Чеченской Республики имеет исключительно важное значение наличие профессиональной информации о деталях костюма и украшений на человеческих фигурках эпохи поздней бронзы и раннего железа, вывезенных с территории республики. Из трудов А.А. Захарова, В.И. Марковина и О.А. Брилевой следует, что металлические фигурки почти во всех случаях изображались с деталями одежды, украшениями, головными уборами, изображаемыми в виде шлемов, колпаков, платков и шапок.

О.А. Брилева пишет, что в изученных ею металлических фигурках «мужских изображений больше, поэтому мужской костюм представлен полнее. Для женского костюма выделено 9 вариантов головных уборов и 3 варианта поясов. В мужском костюме зафиксировано 23 варианта головного убора, 3 варианта пояса. Только в мужском костюме встречаются перевязи и штаны. Известны также головные уборы и пояса, которые представлены как на мужских, так и на женских изображениях. Чаще всего на антропоморфной пластике можно встретить шейные украшения, реже – украшения на руках и лишь изредка – на голове. Украшения различаются по половому признаку. На изображениях мужчин не бывает головных украшений, зато встречаются различные варианты шейных и наручных украшений. Женские украшения представлены богаче. Шейные украшения на антропоморфной пластике в два раза чаще сочетаются с браслетами (6 раз), чем с головными украшениями (3 раза). Браслеты встречаются в сочетании с гривнами (6 раз) и с головными украшениями (1 раз). Чаще всего волосы на фигурках не показаны. Лишь изредка в бронзовой антропоморфной пластике Кавказа можно встретить изображения различных причесок. Они встречаются в IX – IV вв. до н.э.

Мужские и женские прически состояли из волос примерно одинаковой длины. Прически мужчин представлены различными вариантами собранного сзади пучка волос. Женщины чаще всего изображены с распущенными волосами». Вывоз предметов Средневековья, обнаруженных при случайном вскрытии захоронений, продолжаются и в наши дни. Так, в ходе земляных работ на территории Итум-Калинского пограничного отряда военными был обнаружен шлем, металлическая сетка-панцирь и другие предметы воина. Вместо сдачиклада ценных вещей в музей Грозного они были вывезены и стали экспонатами Ставропольского краеведческого музея. Общественность Чеченской Республики имеет достаточную информацию об огромных усилиях, прилагаемых руководством Чеченской Республики к возрождению республиканской музейной деятельности. Прекрасное здание музея, строительство которого завершается в центре города Грозный, активная подвижническая деятельность дирекции музея дает надежду неравнодушным к истории своего народа жителям республики на то, что будут предприняты меры, направленные на возвращение хотя бы части предметов антропоморфной пластики из музеев Российской Федерации для постоянного экспонирования в Чеченской Республике.

Литература:

1. В.И. Марковин. Культурная пластика Кавказа, 1986 г.
2. А.А. Захаров. Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. Здесь он впервые классифицировал известную ему антропоморфную пластику Кавказа (Zakharov, 1933 г.).
3. О.А. Брилева. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. – Москва, 2008 г.

Арби Бечуркаев

Кто такие мелардой?

До сегодняшних дней история тайпа мелардой была мало изучена, и сведения о нем были весьма скудными. Благодаря Интернету и публикациям известных историков, занимающихся этими вопросами, был получен богатый материал. Опираясь на достоверные источники, постараемся раскрыть суть данной проблемы.

Мелардоевцев чеченцы полушутя называли: «Шу-м суylieй дара», – мол, вы аварцы. И это несмотря на то, что они не говорили на аварском языке и, так же, как и чеченцы, были высланы в Среднюю Азию и Казахстан 23 февраля 1944 года.

Начало фамилии Турловых (Мелардо) было положено в XVI веке, когда родственник аварского правителя Хунзахского ханства – Тураров – перешел в общество Гумбет (Кунбет), находившееся там же в Дагестане, и стал его правителем. Главное селение общества называлось Мехельта. Сами чеченцы называют это общество Меларда. Поэтому все выходцы из Гумбета, переселившиеся в Чечню, назывались мелардой.

«Шейх Кунта-хаджи-великомученик... Отсутствие рядом товарищей, болезнь и нужда принудили его к написанию письма на родину, адресованного генерал-майору князю Туманову, князю Турлову (Турлау-Беку), наibaм и кадиям Чечни. Естественно, письмо написано на арабском языке. Он сообщает, что не знает, сколько пробудет в ссылке, но ему объяснили – два года... Обращаясь к родственникам, он призывает беречь известную им поляну, поскольку она еще пригодна для посева. Просит князя Турлова проявить благосклонность к своему семейству...» (В. Акаев, газета «Голос Чечено-Ингушетии», 1991, 2 марта).

Ряд феодалов, стоявших во главе чеченских обществ, считались одновременно подданными российской короны. Такими владельцами были князья Айдамировы (мелардо), Чапаловы (мелардо), Хасбулатовы (мелардо), Черкасские. Айдамировы были князьями чеченского происхождения – чеченский владетель Айдемир (Алибеков) начал получать российское жалование не позднее 1735 г., а возможно, что и в 1733 или даже в 1722 гг. (Ткачев Г. «Несколько слов о прошлой истории чеченцев. Записки Терского общества любителей казачьей старины». – Владикавказ, 1914, Н 7. Ц. 69).

«Чапаловы, Хасбулатовы, по всей вероятности, были кумыками по происхождению и происходили – первые из Эндери-аула, вторые – из Аксая. Турловы, как уже указывалось, – аварская княжеская фамилия, приглашенная чеченцами на княжение еще в XVII веке», – эта информация взята из книги И. Сигаури «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен».

...Князья Черкасские, Турловы и другие имели родственные связи со многими князьями Северного Кавказа, Крыма, Грузии – особенно через брачные связи наследников и правителей, поэтому, видимо, трудно сказать, когда и откуда произошел тот первый князь Черкасский. (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, т.1, с. 254 – 256; Р. Хасбулатов «Чужие»).

Возможно, этими обстоятельствами и объяснялось то, что в XVI – XVIII вв. на равнину переселялись чеченские князья. Они строили здесь города и населенные пункты для своих воинов и приближенных, обеспечивали защиту тем хлебопашцам, которые приходили к ним, наделяли их землей.

Наиболее известными в те времена были князья Турловы (линия Бековичей-Черкасских). Они были чеченского происхождения, хотя многие ученые-историки выводят их из аварского (хунзахского) аристократического рода Туруров, который являлся наследником основателя династии князя Каракиши. Некоторые исследователи необоснованно утверждают, что они стали править Чечней в 20–40 годах XVII века (а кто правил до XVII века?). Другие исследователи говорят о кумыкском происхождении этого рода. Третьи – о черкесском...

На самом деле появились они, как и другие князья, не позднее чем в VIII – IX вв., но, по сравнению с дагестанскими князьями, в Чечне князья уже в XV – XVII вв. имели довольно ограниченную власть.

«...Все пространство между правым берегом Сунжи и Черными горами принадлежало

раньше князьям Турловым, которые живут ныне среди покорных чеченцев, напротив Наура.

Два века назад чеченцы спустились с гор вследствие внутренних распрей и многочисленности населения.

Спустившись, они обосновались в перечисленных ранее долинах, платя дань князьям Турловым, но постепенно они освободились от уплаты дани и стали совершенно независимыми.

В то время они были язычниками, а Оттоманская Порта употребила все средства, чтобы обратить их в мусульманство, в чем она со временем преуспела» («Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа»). Рукопись написана в 1834 году офицером Генерального штаба Российской империи Иоганном Бларамбергом. По распоряжению царя Николая I была сдана в военный архив, где хранилась под грифом «совершенно секретно» на протяжении 160 лет).

В мае 1588 года отступавшие из Персии войска крымского хана Махмуд-Гирея были окончательно разгромлены гребенскими казаками. Небольшая уцелевшая часть войск царевича Алды-Гирея, не успевшая переправиться через Сунжу, ушла в лес и поселилась в семи верстах к югу от переправы через реку, у двух сарматских курганов. Поселение свое воины эти назвали Алды. Где-то к концу XVII века аулом Алды завладела княжеская фамилия Турловых, выходцев из аварского княжества. Находясь на службе у царской администрации на Тереке, князья пользовались многими привилегиями. Первоначально Турловы жили в ауле со своими узденями и зависимыми людьми. Но к концу XVII века здесь, по договору с князьями Турловыми, появились первые переселенцы – семьи с гор Чечни. Постепенно их количество росло: князья выделяли им земли, обещали защиту от набегов кабардинских, кумыкских, калмыцких князей и ханов, а также от репрессий со стороны русской царской администрации. Со своей стороны чеченцы-переселенцы обещали свою поддержку князьям, обязались выплачивать им определенную подать – ясак. Первыми поселенцами с гор в Алдах считаются представители чеченских обществ Дишний, Гуной и Беной. Население Алдов росло, и вскоре чеченцы стали тяготиться зависимостью от князей. В XVIII веке резко возрастает политическая мощь Чечни, в которой постоянно происходят социальные потрясения. Непокойно и в Алдах. Напряжение во взаимоотношениях князей Турловых и алдинцев растет. Жители селения были лично свободны от князей. Зависимость их выражалась лишь в выплачиваемой князю подати за землю за охрану жителей и имущества от внешних врагов. В случае необходимости жители Алдов оказывали владельцу вооруженную поддержку или, по просьбе князя, устраивали коллективную помощь по хозяйству (белхи). Заставлять крестьян силой что-либо делать без согласия старейшин, а также против согласия собрания аульского общества князья не имели права. В своем правлении князья опирались на старшин – влиятельных людей зрелого возраста, а также на узденей, являющихся основной вооруженной силой. Жалование узденям, да и самим князьям, выплачивала царская администрация.

В XVIII веке происходит усиление и консолидация плоскостных чеченцев. Политическая мощь и единство селений особенно проверяются во время угрозы внешнего вторжения. В 1735 году алдинцы совместно с ополченцами из других чеченских селений участвуют в разгроме превосходящих сил 80-тысячного войска крымского хана. Около 10 тысяч врагов навечно остались лежать в Ханкальском ущелье. В середине XVIII века князь Турлов постепенно теряет свое влияние. Особенно шатким его положение становится после восстания в Чечне 1757–1758 гг. Авторитетом в ауле в то время пользовались такие влиятельные люди, как Ассак и Лулла (из общества Дишний), Ада, Бата и Биба (из беноевского рода) и другие. В 1762 году отношения между князем Чапаном Турловым и алдинцами накаляются до предела.

Князь просит царские власти разрешить ему переселиться ближе к реке Сунже. Алдинцы же, считавшие эти земли своими, входящими в границы их территории, вступают в конфликт с Турловым. С 1785 по 1791 гг. аул Алды – в самом центре антифеодального и антиколониального движения на Северном Кавказе под предводительством жителя Алдов – Ушурмы (Шейха Мансура).

6-го июля 1785 года алдинцы разгромили двухтысячный царский карательный отряд полковника де Пиери. Был взят в плен раненый и отдан русским без выкупа за храбрость его 20-летний адъютант, князь Петр Багратион – в будущем знаменитый русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. Кстати, другой герой Отечественной войны 12-го года, генерал Александр Чеченский, пятилетним мальчиком

тоже был взят в плен царскими войсками в одной из карательных экспедиций в село Алды и впоследствии воспитан Н.Н. Раевским. После подавления восстания в Чечне и ряда репрессивных мер против Алдов со стороны царских властей жители аула в 1787 году, под давлением царской администрации, переселились ближе к реке Сунже (район поселка Черноречье), основав селение Новые Алды (Бухлан-Юрт). В 1913 году жители селения Новые Алды сдали в аренду сроком на 20 лет участок земли, расположенный в Новых Промыслах города Грозного. Со стороны алдинцев договор подписали Бисултан Тагиров и его двоюродный брат Эламирза, получив в качестве аванса достаточно крупную сумму денег.

В дальнейшем они должны были получать за каждый пуд выкачанной нефти определенную сумму. Договор хранился в Республиканском краеведческом музее. Такая возможность появилась, вероятно, после прокламации к чеченскому народу от имени государя Александра II, воздавшего должное его стремлению к независимости и любви к свободе.

Прокламация предоставляла горцам определенную свободу, давала возможность жить по внутреннему самоуправлению. Официально было подтверждено, что «земли ваши – неотъемлемое владение ваше». Возможно, по этой причине алдинцы не участвовали в революционном движении 1917 года и не боролись за Советскую власть. За такое упрямство Грозненский военно-революционный совет решил сжечь Новые Алды. Только вмешательство чрезвычайного комиссара Юга России Серго Орджоникидзе заставило отменить это решение.

Однако, возвращаясь к теме нашей статьи, к сожалению, приходится отмечать, что среди части нашего народа существует одна пагубная закономерность: обывателю свойственно все чеченские тайпы, не известные ему лично или не живущие в селении, приписывать к тайпам дагестанского происхождения (суьлийн тайп), и даже слова-диалектизмы, не известные в его собственном наречии, также приписываются дагестанцам.

К примеру, княжеский род Турловых, правивший в определенной части Чечни до прихода русских, согласно письменным источникам последних, свойственно было приписывать к аварскому роду. Под влиянием этих источников в среде нохчи также распространилось мнение о Турловых как об аварском княжеском роде. Но, насколько я осведомлен, среди самих аварцев такой род неизвестен.

Вот, к примеру, один из таких источников – о призвании князей Турловых: «Долго страдали чеченцы, не умея принять мер для своей защиты; богатство их привлекало хищников, слабость и беспорядок не давали им возможности отражать успешного нападения; наконец, они положили призвать к себе сильного и храброго князя и поручить ему восстановить порядок и защитить их от врагов. Таким образом поселилась в Чечне славная семья Турловых (мелардо), призванных из Гумбега. Турловы пришли с гор с многочисленной дружиною, всегда готовой идти за ними в битву и по первому приказанию затушить семена бунтов и неповиновения, могущие возникать в самой Чечне. Власть Турловых, основанная на выгодах самого народа, скоро окрепла и принесла свои благодатные плоды. Плоскостные чеченцы, все равно подчиненные одному княжескому дому, получили впервые понятие о своем народном единстве; подлежа все одинаковой службе, неся одинаковые обязанности, перестали чуждаться друг друга и начали составлять нечто целое, одноплеменное. Выезжал ли князь на тревогу, жители окрестных деревень должны были следовать за ним, не ограничиваясь как было прежде, одною защитой своей частной собственности. Чечня разбогатела и отдохнула под управлением своих князей. Удалые наездники, кумыкские и кабардинские, встречая в своих набегах сильный отпор, перестали гнаться за трудной добычей; чеченцы стали в свою очередь страшилищем для своих соседей; воинственный дух их развился с сознанием своей силы, и толпы смельчаков их начали спускаться за добычей на кумыкскую плоскость за Терек.

Имя Турловых (мелардо) пользовалось большим уважением в Чечне; влияние их много способствовало к учреждению некоторого порядка внутреннего, но вся власть опиралась лишь на добровольном согласии и на уважении к ним народа; она не имела законного основания, упроченного с силою. Чеченцы признавали Турловых в эпоху бедствий и слабости; трудно было полагать, чтобы шаткая власть их могла сохраниться по прошествии этой эпохи, чтобы чувство признательности могло побороть в обществе враждебное отношение к подчиненности и любовь к необузданной личной свободе.

Так и сбылось: народонаселение в Чечне быстро возросло, благосостояние жителей

увеличивалось ежедневно, дух воинственный достигал своего полного развития. В это время соседние племена постепенно ослабевали. Распри между сильными княжескими семьями, успехи русского оружия на Кавказе, изнеженность и порча нравов низводили на второстепенную роль первенствовавшие племена кумыков и кабардинцев. Лучшие наездники их, самые уважаемые старики, оставались на поле битвы или, покидая дело народное, переходили к русским.

Чеченцы перестали с ними считаться, время слабости для них прошло. Наступила эпоха могущества и с нею вместе опять возник дух необузданной вольницы, временно укрощенный перенесенными несчастьями. Власть княжеская, которой они добровольно подчинялись несколько десятилетий тому назад, показалась им тяжелым ярмом, когда они почувствовали себя в силах с успехом противиться своим врагам. Нужда миновала, с нею вместе исчезли подчиненность и повиновение, оказываемые князьям, и Турловы, не находя более в Чечне ни уважения, ни послушания, к которому привыкли, покинули обжитые места и поселились в надсунженские и теречные деревни, «где долгое еще время пользовались правами, принадлежащими их роду» (М. Мамакаев. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный, 1917).

Уже во второй половине XIX века мы имеем в Чечне крупных землевладельцев-помещиков и довольно солидный слой неродовитых князей в своеобразном кумыкско-чеченском варианте. Они широко использовали сохранившиеся родовые институты чеченцев в своих политических и экономических интересах. Таковы, например, Алхазовы и Чуликовы, Чермоевы и Турлоевы, Саралиевы и Мустапиновы, Дубаевы и Эльмурзаевы, успевшие захватить в свои руки большие земельные участки и нажить крупное состояние.

Многочисленные источники подтверждают, и сами мелардой полагают, что их тайп не имеет дагестанское происхождение. Они, мелардой, вообще-то, считают себя потомками арабов-завоевателей. Мелардой были князьями в Горном Дагестане, потом их пригласили в Чечню.

Они правили в Кабарде и в Дагестане. У них была наемная армия, состоявшая из самых храбрых чеченских воинов. Мелардой платили им деньги, и тем самым удерживали власть над кабардинцами и горными дагестанцами. И только с приходом к власти Шамиля их влиянию пришел конец.

В настоящее время мелардой проживают в следующих населенных пунктах: Гехи, Курчалой, Дачу-Барзой, Зандак, Шали, Дишни-Ведено, Махкеты, Малые Атаги, Аргун (Устраду-Эвл), Г1оййист, Урус-Мартан, Шалажи, Нижний Наур, Толстой-Юрт (Девлитгир-Эвла), Ч1улга-Юрт, Новые Меларды (недалеко от Хасав-Юрта), Михельты (Гумбековский район, Дагестан, в селах и городах Кабардино-Балкарии).

Достопочтенный Кати Сайдахмедов, из рода курайшитов, проживавший в селе Старые Атаги, хорошо знал историю тайпа мелардой. В советский период большое количество людей собралось в селе Алхазурово, где происходило примирение враждующих сторон. Там в это время находился и уважаемый Кати. Примирение состоялось благодаря его авторитету и почитанию чеченцами. Ему был задан вопрос о происхождении тайпа мелардой. Он ответил, что их происхождение из Саудовской Аравии, из очень знатного рода. Свидетелями этого разговора были жители села Дачу-Барзой Джабраилов Султан и Дамазов Муса. Первый из этих двух свидетелей до сих пор проживает в селе Дачу-Барзой.

Думаю, что эта небольшая статья внесла некоторую ясность в происхождение тайпа мелардой.

Исмаил Мунаев

Баллады в чеченской народной поэзии

Баллада в чеченском фольклоре до настоящего времени еще не стала предметом специальных исследований. Соответственно, не определена ее национальная жанровая специфика, ее генетические и типологические связи с другими жанрами как внутри национальной эстетической системы чеченского фольклора, так и за ее пределами.

Все это побуждает нас охарактеризовать сам термин «баллада», который стал общепринятым в фольклористике. Ученые отмечают провансальские (романские) корни этого термина. Так, в окситанском (провансальском) фольклоре на юге Франции балладой называли плясовую песню, обычно сопровождаемую припевом. В средневековой Англии и Шотландии баллады представляли собой исторические песни с трагическим сюжетом. К подобным песням близки южнославянские, румынские, молдавские и русские баллады, которые в целом отражали сложные социально-бытовые и общественные отношения в XIII–XIV веках и в последующем, когда в фокусе художественного внимания в устном народном поэтическом творчестве оказалась личность и ее переживания.

В русской фольклористике развитие жанра баллады связывают с постепенным угасанием былин – эпических песен о могучих богатырях и особенном внимании народных сказителей к личностным переживаниям, что влечет к усилению лирических элементов в эпической поэзии, и на трагических конфликтах семейно-бытового характера. Соответственно, если в былинах и исторических песнях сюжетные повествования связаны с историческими и патриотическими идеями, то в балладах основное внимание сосредоточено на моральных оценках действий героев, вызванных семейно-бытовыми причинами или личностными побуждениями частного характера.

Исследователи фольклора (В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский, Б.Н. Путилов, В.М. Гацак, С.Г. Лазутин, Н.И. Кравцов, Б.М. Кирдан, А.В. Кулагина, Ю.И. Смирнов, А.А. Ахлаков) указывают на связь баллады с лирической и эпической поэзией, а в русском фольклоре с былиной и исторической песней. Ученые отмечают «балладность» былин и исторических песен. Она проявляется в наличии балладных (то есть трагических) эпизодов в произведениях указанных жанров.

Жанровой приметой баллады является ее своеобразная художественная форма – это эпическое произведение с развитым трагическим сюжетом, но с лирической и драматической окраской.

В.М. Жирмунский писал, что баллады не отражают настроения индивидуального автора, а передают отношение к жизни и духовные интересы всего народа.

В отличие от обстоятельного описательного стиля эпоса, балладное повествование ведется от лица рассказчика с минимумом объяснений и дополнений, рассказ начинается с описания действия без предыстории. В балладе развит диалог. Он нацелен на развитие действия и усиление драматизма повествования.

Если в эпосе создаются масштабные образы и герой успешно решает проблемы, имеющие общенародное значение, то в балладе этот оптимизм исчезает. Здесь значительно менее используется гипербола и другие традиционные эпические средства идеализации героя. Действие баллады обычно разворачивается вокруг одного эпизода или конфликта, а внимание сосредоточивается на частной судьбе, часто имеющей трагический исход.

В лирической песне присутствует оценка событий действующим лицом – лирическим героем. Соответственно, в лирической песне мы находим эмоциональный характер изображения внутренних переживаний героя и описаний его взаимодействия с окружающим миром. В отличие от лирической песни, всего этого в балладе значительно меньше. Для чеченской баллады характерна эпическая повествовательность, стремительность развития песенных событий и трагическая завершенность сюжета.

После определения самых общих признаков жанра баллады (отличающихся в зависимости от языка и географии расположения европейских и азиатских народов), выявленных в исследованиях перечисленных выше отечественных фольклористов, мы приступим к анализу сюжетов чеченской баллады.

Отметим, что только в последних фольклорных томах на языке оригинала, опубликованных в 2010-ом году, чеченская народная баллада выделена как

самостоятельный жанр¹.

В IV и V томах «Чеченского фольклора» также были опубликованы семь баллад, но они не были выделены по жанровому признаку («Ишхо Гелин илли», «Пешхо Гелин илли», «Лечанан илли», «Езаро марненан корта баккхаран илли», «Дестечун илли», «Бос Хазчу Тахун илли», «Элла Къахъармин илли»).

Всего в 4-ом, 5-ом и 6-ом томах «Чеченского фольклора» опубликовано более десяти оригинальных текстов баллад, записанных в прошлом веке от разных сказителей илли (**илланча**, **иллиалархо**). Последние не отделяли баллады от основного состава героико-исторических песен и также называли их **илли**.

Если в большей части баллад на разных уровнях выразительных и изобразительных средств, в сюжетах и мотивах прослеживаются связи с героико-историческими илли, то баллада под названием «Зарась» (VI том, с. 47–50) выделяется из этого числа. Эта баллада определялась исполнительницей как **йиш** (множественное число – **эшарш**) – лирическая песня. Баллада была записана самой Табарик Жанхоевой в 1983 году. Табарик родилась в Макажое (бывший Чеберлоевский район) в 1921 году. Она знала большое количество народных песен и исполняла их.

Песня «Зарась» посвящена запретной любви и трагической судьбе чеченской девушки, которая ослушалась родных и вышла замуж за любимого. У нее родился сын. Но для полного счастья ей не хватает общения с родными. Мать Зарась переживает за свою дочь и настойчиво просит брата девушки простить ее и разрешить ей погостить дома вместе со своим сыном. Брат девушки дает согласие, но потом уводит сестру в лес и убивает ее. Он оставляет труп сестры в лесу и возвращается домой. Перед нами типичная баллада, сюжет которой встречается у многих народов.

Трагическая судьба девушки, пострадавшей за свою любовь, вызывает горечь и сострадание слушателей, а действия брата Зарась вызывают порицание. Причем, если само наказание воспринимается слушателями как неизбежность, то особое осуждение вызывает непоседливость брата. Он вначале разрешает сестре приехать домой вместе с сыном. Это разрешение расценивалось матерью, сестрой и зятем как прощение. Поэтому сестра привезла подарки от супруга своему брату, которые были приняты.

Упреки матери, подспудно выражающей общественное мнение, также вызваны жестокосердием брата, который, убив несчастную, оставил ее тело в лесу.

Помимо опубликованного варианта баллады «Зарась» (обозначим его **З-1**), в нашем архиве есть еще два варианта этой баллады. Одна из них записана от Алхастовой Альбики Мумаевны, 1953 года рождения, из селения Алхазурово Урус-Мартановского района. Запись произведена племянницей информатора – студенткой ЧГПИ Х.Алхастовой в январе 2011 года (**З-2**). Другой вариант баллады (**З-3**) записан в ноябре 2010 года студенткой 1-го курса ЧГПИ М. Ахаевой в станице Наурская от Марем Тимбулатовой, которая является уроженкой горного селения Махкеты Веденского района, 1929 года рождения.

География распространения балладного сюжета (от горных селений до затерченных станиц) говорит о популярности данной баллады. В вариантах баллады события локализуются на берегу Терека. В дополнение к устойчивому собственному имени героини (**Зарась**) появляется имя героя (**Шура**). Последний ухаживает за девушкой на берегу Терека, и в варианте **З-2** он назван моряком. Общим во всех вариантах баллады является трагическая гибель чеченской девушки, которая, вопреки запретам матери и брата, вышла замуж за любимого человека.

Если баллада «Зарась» генетически связана с лирическими песнями **эшарш** и исполняется женщиной, то другие баллады связаны с героико-историческими песнями илли, представляющими собой поздний в стадийном отношении песенный эпос чеченского народа. Эти баллады определяются сказителями как **илли**. В них используются все традиционные для жанра героико-исторических песен изобразительно-выразительные средства: поэтические формулы, постоянные эпитеты, сравнения, гиперболы, общие места и др.

Вместе с тем в балладе происходит ломка системы традиционных представлений о поздних эпических героях. Так, в жанре героико-исторических песен илли центральное место занимает мать героя. Обычно она является вдовой и самостоятельно воспитывает своего сына, который становится героем. Его подвиги функционально имеют большее значение, ибо он (Сын Вдовы, Сын Вдовой старухи) является одиноким и в силу этого обездоленным героем. Мать вдохновляет сына на подвиги, советует ему, как поступать, приходит к нему на помощь, когда он брошен на поле боя дружиной военного предводителя (бячча), вылечивает раненого сына, собирая лучших врачей. Она устраивает семейную жизнь героя, сватая для него красавицу, и является опорой героя и его надежным тылом.

В балладе же мы наблюдаем трансформацию образа матери героя. Так, в I-ом томе «Чеченского фольклора» («Нохчийн иллеш, эшарш», т. I Грозный: 1959) опубликована баллада «Илли о сыне Вдовы и Тарковском молодце». Главным действующим лицом в илли является Тарковский молодец, который вынужден покинуть Тарки и искать друга покровителя в чеченском селе Гехи. Кумыкский молодец получает поддержку и приют у известного чеченского молодца сына Вдовы, проживающего в селинии Гехи.

Все эти события и действия протекают в рамках традиций жанра героико-исторических илли и встречаются в виде устойчивых мотивов и общих мест в целом ряде песен илли. Но в нашем примере внимание привлекает поведение матери чеченского героя, которая домогается любви друга своего сына. Получив отпор, мать оговаривает гостя, обвиняя последнего в нарушении традиций гостеприимства. Мать героя провоцирует конфликт между друзьями-побратимами в виде поединка с очевидным исходом для Тарковского молодца, ибо он намеренно стрелял холостым зарядом. Но перед смертью он поведал правду своему другу. Этот рассказ со своей стороны подтверждает и супруга героя. В итоге сын Вдовы наказывает свою мать. Но он не может успокоиться. Слишком велико его чувство вины перед другом. Герой возвращается к нему и закалывает себя кинжалом. Друзья вместе умирают в объятиях. Подобный финал характерен не для позднего эпоса илли, а для народных баллад.

Трансформацию другого ключевого образа жанра героико-исторических илли – жены героя – мы наблюдаем в балладной песне илли «Езаро марненан корта баккхар («О том, как жена обезглавила свекровь»), которая опубликована в V-ом томе «Чеченского фольклора». Баллада была записана замечательным поэтом и врачом М. Сулаевым со слов Дебишева Юсупа из села Гойты в июле 1961 года.

Для жанра илли характерно, что герой очень уважительно относится к девушке, которая ему понравилась. Именно ее желание является законом и определяющим фактором в строительстве дальнейших взаимоотношений между героем и его невестой, которые в идеале видятся сказителям илли гармоничными и уважительными.

В упомянутой выше песне герой отправляется к роднику вместе со своим конем. Он увидел красавицу – сестру семи братьев, влюбился и предлагает ей выйти за него замуж без сватовства и других традиционных процедур, предшествующих женитьбе. Девушка отвечает отказом, ссылаясь на свое особое положение – она сестра семи братьев. Герой начинает плетью подгонять девушку, он решил насильно жениться на ней. С точки зрения традиций жанра героико-исторических илли, подобное поведение героя является совершенно недопустимым. Мнение девушки всегда является определяющим для сватовства героя. Супруга героя определяется не иначе как «мерза езар» («сладкая любовь»). Но в балладе, в отличие от героико-исторических илли, становится возможным подобное поведение героя.

Впрочем, ответные действия родственников девушки (семерых братьев и их отца) и самой девушки также не укладываются в традиции позднего эпоса илли. Отец девушки и братья не решаются вступить в открытое столкновение с сыном Вдовы. Они делают вид, что смирились с женитьбой героя на своей дочери и сестре, но готовят убийство своего зятя. В этом деле участвует и жена героя, которая решила действовать самостоятельно, она убивает свекровь. Сын Вдовы раскрывает их заговор. Он вначале убивает отца девушки, как главного виновника, но не трогает братьев. Вернувшись, он находит обезглавленный труп своей матери.

Не дожидаясь утра, герой решает похоронить свою мать. Но вероломные братья нападают на героя, когда он в могиле укладывал труп матери. Они одновременно стреляют в него и оставляют в могиле матери, но он выживает и возвращается домой.

Братья узнают, что герой жив, и присылают к нему свою сестру под видом чужестранца. Они поручают ей убить героя. Но сын Вдовы узнает переодетую девушку, и убивает ее. Подобная участь постигает и семерых братьев.

Драматический семейно-бытовой конфликт описывается и в балладе «Дестечун илли» («Илли о мачехе»), записанной фольклористом С. Эльмурзаевым у известного сказителя илли Насухи Орцуева из с. Шали в 1962 году и опубликованной в IV-ом томе «Чеченского фольклора».

Мать героя перед своей смертью заготавливает лучшее воинское снаряжение для своего единственного сына. После смерти жены отец героя женится на молодой дочери богатого Дады.

Мачеха оговаривает пасынка и притворяется больной. Вместо лекарства она требует у супруга кровь пасынка, который якобы оскорбил ее домогательствами. Отец поручает двум племянникам убить своего сына и принести его кровь для молодой жены. Племянники подменяют жертву и приносят кровь дикого животного, которого они подстрелили. Молодая мачеха «вылечивается» после того, как выпивает кровь

животного. Но она не знает о подмене. Это вызывает подозрение двух племянников. Они находят своего кузена и узнают истину о вероломстве мачехи. Племянники рассказывают дяде правду и просят его прогнать мачеху. Но отец героя никак не согласен расстаться с молодой женой, хотя она и признается ему, что вышла за него замуж из корыстных целей завладеть его богатством. С согласия сына племянники убивают своего дядю и тайно хоронят его. Они прогоняют мачеху и предупреждают ее под угрозой смерти о необходимости сохранения тайны.

Наиболее разработанным балладным сюжетом в чеченском народном поэтическом творчестве является трагическая история молодой девушки. Она не имеет братьев и сестер и живет вместе со своей старой матерью. Поэтому героиня (Хантоти, Цветом красивая Таху или Кабеха) вынуждена одна заниматься уборкой урожая. Она присела отдохнуть в тени и заснула. На нее натывается герой, который гонит свою отару овец в горы на летнее пастбище. Он не будит героиню, но уносит ее украшения. Из текста песен выясняется, что герои симпатизировали и имели чувства друг к другу, но их отношения еще не были оформлены традиционным предварительным сговором или устным договором между молодыми, когда девушка **дает слово** («дош далар») выйти замуж, и **назначает срок** («хан йиллар»). После этого соглашения в знак подтверждения серьезности своих намерений девушка традиционно дает в руки молодцу какой-либо предмет из своего туалета (платок, кольцо, сережку). Этот обычай называется **дать в руки предмет** («кара хIума ялар»). После этого сговора между молодыми жених по обычному праву чеченцев может в любое время потребовать свою невесту и защищать свои права. Его действия находят понимание и поддержку у общественности, родственников и друзей.

Действия балладного героя нарушают традиции. Он тайком уносит предметы туалета любимой девушки, не получив ее согласия. Поэтому героиня считает себя обесчещенной. Она не может жить с позором и отправляется на поиски своего жениха в горы, где он находится со своей отарой овец и слугой-пастухом. Девушка располагается у родника. Место это сакральное и важно в традиционной народной культуре чеченцев. У родника молодые свободно встречаются и обсуждают свои сокровенные дела. Героиня стыдится открыто прийти к месту стоянки и выбирает родник для встречи с женихом.

Туда за водой приходит слуга и, очарованный красотой девушки, пытается соблазнить ее. Она отвергает его притязания и просит пастуха передать любимому, что ждет его у родника. Слуга обманывает героя. Он разбивает кувшин и провоцирует нападение на девушку как на оборотня. Тяжелораненная героиня рассказывает правду своему жениху. Он убивает слугу, но предсмертные стоны обидчика не могут успокоить душу героя. Он зарезает сорок ягнят и слушает стенания их маток-овец, но и это не приносит ему спокойствия. Тогда он приставляет рукоятку кинжала к груди любимой и пронзает свое сердце. И таким образом он успокаивает свою сердечную боль. В некоторых вариантах молодых хоронят рядом или на разных частях оврага. На их могилах вырастают деревья или виноградные кусты, которые переплетаются, символизируя единение судеб влюбленных в потустороннем мире. Сюжет этой чеченской баллады еще в XIX веке послужил основанием для создания прекрасной поэмы «Лозы любви» первым чеченским просветителем Иваном Цискаровым из тушинцев, которая была опубликована в газете «Кавказ» в 60-х годах XIX века в г. Тифлисе.

В нашем активе четыре опубликованных варианта этой баллады. Первый вариант «Бос хазчу Тахун илли» («Илли о цветом красивой Таху») записан фольклористом С. Эльмурзаевым от известного сказителя Б. Сулейманова. Баллада опубликована в IV -ом томе «Чеченского фольклора». В комментариях говорится о том, что непонятно, почему героиня Таху просит убить молодого пастуха, который в данном варианте баллады только испугался, увидев в густых зарослях девушку, и поэтому не набрал воды. Но в другом варианте, как указывают фольклористы Я. Вагапов и С. Эльмурзаев, молодой пастух пристает к девушке и пытается соблазнить ее. Получив отпор, он оговаривает Таху, представляя ее «алмазом» или оборотнем «йилбаз», захватившим родник.

Другие варианты этой баллады («Пешхо Iелин илли», «Ишхо Iелин илли», «Ишмин Iелех, Элахан Кабехах илли») в различных деталях отличаются друг от друга, но имеют схожие сюжеты и устойчивое во всех вариантах имя главного героя (Iела), что позволяет предположить генетические связи этих вариантов баллады (один из них – «Ишмин Iелех, Элахан Кабехах илли» – прилагается на чеченском языке в конце статьи).

В VI-ом томе «Чеченского фольклора» опубликована баллада «Эла Хасин илли», записанная С. Эльмурзаевым на магнитофонную ленту у сказителя илли Исаева Хьамида в Шаро-Аргуне в 1972 году. В ней использован мотив «обманутого доверия», который встречается и в балладах народов Дагестана².

В чеченской балладе повествуется о том, как старшие братья из-за чувства зависти решили избавиться от своего богатого младшего брата князя Хаси и присвоить его владения и жену, хотя он изъявляет желание поделиться с ними. Они обманым путем уговаривают героя отправиться с ними для добычи сокола. Князь Хаси как самый младший на веревках спускается со скалы к гнезду сокола, а братья оставляют героя в пропасти умирать и отправляются обратно. Их цель – разделить владения героя и завладеть его женой. Супруга героя проявляет хитрость. Она демонстрирует видимость согласия и предлагает братьям сделать выбор, кто станет ее супругом и объявить на следующий день о решении. Обманув своих деверей, она отправляется на поиски героя. Ей помогает конь героя. Он приводит героиню к краю пропасти, где находится ее супруг. В качестве условия спасения жена просит супруга дать согласие на выполнение одной просьбы. Речь идет о сохранении жизни братьев, и герой вынужден дать это слово.

Благодаря мудрости и решительности своей супруги, герой спасается и наказывает вероломных братьев. Князь Хаси не убивает братьев, но наказывает их, отдавая соседним князьям «без выкупа» в рабство.

Мотив «обманутого доверия» мы находим в «Илли о князе Кахарме», опубликованном в IV-ом томе «Чеченского фольклора». В качестве противников героя здесь выступают братья отца, которые решили завладеть наследством своего брата, устранив обманым путем племянника. В этой песне герой также добровольно предлагает дядям поделить все наследство отца на три равные части и оказывает им почести и внимание. Однако алчные дяди намерены захватить все владения. Они обманом увлекают героя на добычу соколят и оставляют его в пропасти умирать. Героя спасает его супруга и друг. Вероломные дяди наказываются. Их трупы закапывают в одной яме на свалке отходов без могильного холма.

Но песенный сюжет получает новое развитие, характерное уже для жанра собственно героико-исторических песен илли – герой получает письмо-поручение из города Кизляра («Большуур г'ала»), которое необходимо доставить московскому царю. Функции друга-помощника героя в этой части традиционного илли выполняет известный герой позднего эпоса илли «Шотой Аьстамир». Он преодолевает все сложности, доставляет депешу московскому царю и наказывает виновников проблемы, чинивших препятствия на дороге. Это «Галойн Аьххта» с сыновьями, которые являются соплеменниками песенных чеченских героев, но настроены враждебно против «падишаха из Москвы» и его союзников в Чечне. В песне образно изображены сложные процессы взаимодействия различных обществ чеченского народа с российским самодержавием, протекавшие после основания крепости Кизляр на берегу реки Терек в 1735 году.

Для нас важно, что собственно балладная часть илли в данном примере органично переплетена и взаимосвязана с традиционно героико-историческими жанровыми сюжетными мотивами. Последнее обстоятельство приоткрывает картину сложного процесса формирования балладного жанра в традиционном поэтическом творчестве чеченского народа, генетические связи баллады с поздним эпическим жанром героико-исторических песен илли.

Подобное явление применительно к эпической поэзии в русском фольклоре описал Б.Н. Путилов: «... связи между жанрами по генетической линии непосредственно зафиксированы в живых формах, и мы вправе говорить о жанре «источнике» и жанрах, «родившихся» из него: речь идет об исторических песнях и балладах, которые сложились путем преобразования элементов былинного эпоса» (Путилов 2003: 174). Как и русские баллады, рассматриваемые нами чеченские баллады, повествуют о сложных семейно-бытовых, личностных взаимоотношениях. В позднем эпосе илли доминируют патриотические идеи. Герой является защитником слабых и обездоленных, вдов и сирот, защищает село от нападения иноземных князей и полковников. Он отбивает плененную невесту, возвращает угнанный скот и табуны коней и сам совершает набеги на владения князей и генералов. В балладах все это отступает на второй план. На первом плане личностные драматические коллизии и поступки, формирование моральных оценок действий персонажей.

В балладах происходит разрушение устойчивых эпических представлений о героях: матери, жене, брате, отце, невесте, друге и т.д. Баллады отражают новую эпоху в традиционном чеченском обществе, когда доминируют личностные интересы и желания, часто приводящие к трагическим последствиям.

В V-ом томе «Чеченского фольклора» издана оригинальная баллада «Лечанан илли». В ней повествуется о судьбе сокола, который был пойман и подарен князю. Последний поместил сокола в башне у окна с решеткой и снабдил его обильной птичьей пищей. Но сокол не притронулся ни к еде, ни к воде. С наступающим вечером он начал петь. Сокол красиво пел и перед рассветом, в обеденное время и вечером. Пение его было

настолько прекрасным и тоскливым, что многие люди в смятении собирались, чтобы послушать удивительного сокола. Прошло некоторое время, как сокол продолжал тоскливо петь, не притрагиваясь к еде и питью.

Князь начал тревожиться и искать шейха, который бы мог объяснить, о чем так грустно поет сокол, обрекая себя на голодную смерть. И в это время с небес спустилась другая красивая птица, которая на своем птичьем языке о чем-то поговорила с соколом. После этого общения сокол перестал петь.

Шейх, который знал языки всех живых тварей на земле, обращается с вопросами к соколу и получает на них ответы. Оказывается, сокол тосковал о двух своих голодных птенцах, а прилетал к нему царь всех птиц и попросил более не петь тоскливые песни. Шейх просит князя отпустить сокола к своим птенцам на волю. Просьба была выполнена, и сокол возвратился к своим соколятам.

Благополучный конец повествования более характерен для эстетической системы жанра героико-исторических илли. Герой илли традиционно должен победить в бою с превосходящим по численности неприятелем. Он получает большое количество ранений, но громит своих врагов и возвращается домой. Но главная воспитательная задача данной баллады в корне отличается от героико-исторических илли. Если илли были направлены на воспитание бесстрашных воинов, нацеленных на победу над противниками, то баллада «О Соколе» имеет задачу выработать у слушателей чувства сопереживания и бережного отношения к окружающему животному миру. Видимо, эта эстетическая установка способствует формированию благополучного завершения событий вместо традиционного балладного трагического исхода. Благополучный исход песенных событий мы находим и в балладе «Жумин Акхтулин, Шабин Шахьболатан илли» (т. VI, с. 81-99). В качестве одного из действующих лиц в произведении выступает Акхтула, входящий в число самых популярных героев позднего эпоса илли. К нему обращается с просьбой о дружбе Шахьболат, который нуждается в поддержке, ибо он одинок и нет у него братьев для опоры. Акхтула соглашается стать другом Шахьболата, но он ссылается на народную мудрость, которая гласит, что трудно познать человека, являющегося другом. Эти слова Акхтулы, как выяснилось позже, являются завязкой дальнейшей сюжетной линии илли-баллады. По логике жанровых традиций героико-исторических илли новые друзья должны совершить подвиг и подтвердить свой высокий статус песенных героев. Но в нашем примере события разворачиваются не в области совершения общественно значимых эпических деяний, а в сфере личностных отношений. Последнее обстоятельство является жанровой приметой баллад.

Так, Шахьболат приезжает к своему другу и не застает его дома. Его встречает сестра Акхтулы, в которую и влюбляется наш герой. Но чеченские традиционные нормы этики поведения, которые полностью совпадают с нормами поведения героев героико-исторических илли, в принципе исключают все отношения между молодыми, кроме новых родственных отношений («не рожденных одной матерью брата и сестры»). Ибо, став побратимом Акхтулы, Шахьболат должен стать самым близким родственником и для его сестры. Но Шахьболат не выдерживает испытания и даже не пытается скрыть свою любовь с первого взгляда. Шабин Шахьболат получает достойный отпор от девушки, которая возмущена поведением друга своего брата. Нарушитель традиций вынужден возвратиться восвояси. Девушка сообщает своему брату, что Шахьболат с любовью посмотрел на нее и, скрыв свои чувства, уехал домой. И здесь наступает неожиданная развязка. Вместо ожидаемого порицания друга Акхтула принимает решение отправить сестру к своему другу в статусе невесты. Далее сюжетная линия баллады получает новое развитие. Шахьболат не может простить себе нарушение традиций. Он решает наказать свое «глупое сердце» и выстреливает в него из пистолета. Раненого героя спасает Акхтула, который находит лучших врачей, и они вылечивают Шахьболата. Самонаказание Шахьболата в данном случае как бы служит его моральному оправданию, а в функциональном отношении оно заменяет подвиг героя.

Описание традиционного для жанра илли эпического действия героя (**возвращение угнанного князьями сельского табуна**) занимает мало места в анализируемой балладе. Об этом подвиге Акхтулы говорится очень немного. В балладе основное внимание уделяется личным переживаниям героев, их размышлениям и мотивациям поступков.

В целом можно констатировать, что появление описания попытки самоубийства из-за угрызений совести – явление необычное для позднего героико-исторического эпоса илли. Подобное развитие сюжетной линии более характерно для баллады, каковой и является «Жумин Акхтулин, Шабин Шахьболатан илли».

Ишмин Телех, Элахан Кабехах или

Ма лекха ю-кха шу,
Х1ай сийна стигланаш!
Ма к1орга ду-кха шу,
Х1ай 1аьржа латганаш!
Ма герга юьйцу хьо,
Х1ай Делан 1ожалла!
Дуьсур ду хьо, дуьне,
Ца диьча ва санна!
Ма герга юьйцу хьо,
Х1ай Делан 1ожалла!
Дуьсур ду хьо, латга,
Ца хьешча санна!

Аьхкенан 1уьйранца,
Болатан буткьа марс
Шен пхьаьрсах ва тесна,
Ша марсе яхнера
Элахан Кабеха.
Цу марсехь ва йоллуш,
Цу дийнан доьхалла,
Йохьелла сада1а,
1индаг1е таь1ира
Элахан Кабеха.
1индаг1о шелйина,
Набаро 1ехийна,
Набар тар тесира
Цу жимчу Кабехна.
Чо-чехка чола куй
Б1аьргаш т1е ва тоьттуш,
Барх1 са болу шен мажар
Шен белшах ва кхозуш,
Детин ира болат тур
Шен хенехь ва кхозуш,
Шен пхьаьра ва пхьаьрчий
Гонаха ва ловзуш,
Ша вог1уш варийца
И Ишмин ва 1ела.
Шен боккха жаматта
Ша хьалха лаьллина,
Цу дийнан доьхалла
Вохвелла, шелвала
1индаг1е таь1ир и.
1индаг1о шелйина,
Набаро 1ехийна
Набаран тар тесна
1уьллуш ва йолчу
Элахан Кабехна
Вахна т1ех1оьттира
И Ишмин ва 1ела
– Яробби, Иллах1и,
Ма хазчу, мерзачу
Набарха йоллу хьо.
Кхоьллинчу вайн Делах
Беза дуй боу ас,
Цу хазчу набарха
Хьо ца йоккхуш
Ва юха ва вала! –
Олуш, воьссира
Лекхачу динара.

Дехкана тебначу
Цицигах тарвелла,
И хьаьвзаш т1евахар
Элахан Кабехна.
Цунна йолчу парг1атонна
Цуьнан доьхка малдина,
Цу кучан хьалхара
Туьйдаргаш даьстина,
Шен п1елгах йоллу ч1уг
Цуьнан п1елгах йоьллина,
Ша юха ва ваьлла,
Шен дина ва хиьна,
И ваьлла вахара
Жаматта лаьллина.
Цу делкьал ва т1аьхьа,
Де шелделлачу заманчохь,
Набарха елира
Элахан Кабеха.
Шен юкьар и доьхка
Малдина карийча,
Хьалхара туьйдаргаш
Даьстина карийчу,
Шен п1елгах йоллучу
Ч1агарх б1аьргхетча,
Ша хьалаиккина
Шийлачу маьхьарца
И едда ма еара
Ехачу х1усаме.
Юккьерчу отичохь
Марг1алчу п1елгашца
Горга корга лаьцна
Ойлане елира
Элахан Кабеха.
Йо1 йина ва нана
Хьаьвзаш т1еэара
Шен жимчу Кабехна:
– Дакьаза ма яла,
Сан жима Кабеха,
Х1ун бала бу-техьа
Хьан кийра боьссинарг?
Х1ун г1айг1а ю техьа
Хьан коьрте еанарг?
Дийцахьа, цхьанделхьа,
Хьо йинчу хьайн нене
Ас бала байбер хьан,
Сан жима Кабеха, -
Олуш, йистхилира
Йо1 йина ва нана,
Т1аккха лен елира
Элахан Кабеха:
– Цу маьрсехь ва йоллуш
Цу дийнан доьхалла
Йохьелла, шельяла
1индаг1е таь1ир со,
1индаг1о шелйина,
Набаро 1ехийна,
Набар тар тесира,
Со йина сан нана.
Цу хенахь суна т1е
Цхьа адам ма кхаьчна,
Сан юкьахь ва доллу
И доьхка малдина,
Сан куча хьалхара

Туьйдаргаш даьстина,
 Шен п1елгах йоллу ч1уг
 Сан п1елгах йоьल्लीна,
 Со сама ца йоккхуш,
 Ша юха ва ваьлла,
 И ваьлла ма вахна
 Со йина сан нана.
 Кхоьллинчу вайн Делах
 Беза дуй боу ас,
 И мила ву хьаьжна
 Ва цуьнга д1аерза,
 Цу к1ентан дог кхаьрдаш
 Х1ара дуьне ца даа. -
 – Ма яла дакьаза
 Сан жима Кабеха,
 Хьо маьрсехь ва йолуш
 Б1аьрг тухуш яра со.
 Шен боккха жаматта
 Ша хьалха лаьल्लीна,
 Чо-чехка чола куй
 Б1аьргаш т1е ва туьттуш,
 Барх1 са болу шен мажар
 Шен белшах ва кхозуш,
 Дитт ира болат тур
 Шен хенехь ва кхозуш,
 Шен пхьаьра ва пхьаьрчий
 Гонаха ва ловзуш,
 Ша воьгуш варийца
 И Ишмин ва 1ела.
 И воцург кхаьчна вац
 Хьуна т1е цхьа бере,
 Хьо йохий ма хьовзахь,
 Сан жима Кабеха. -
 Т1аккха лен елира
 Элахан Кабеха:
 – Схьаялахь, цхьанделхьа,
 Со йина сан нана,
 Варкь доккхуш ахь йина
 Сан дарин г1абале,
 Ахь суна ва делла
 И кьорза гуьлмаьнда,
 Цу к1ентан лорах
 Со маса г1ур ма ю,
 Малх кьайла балале
 Со т1аьхьа кхуьур ю. -
 Олуш, цо юьйхира
 К1айн дарин г1абале,
 Шен коьрта тиллира
 И кьорза гуьлмаьнда,
 Марг1алчу шен кога
 Пошмакхаш туьйдина,
 Ша ара ва яьлла,
 Берзан йорт ва эцна,
 И йола елира
 Цу к1ентан ва лорах.
 Бузучу малхаца,
 Булучу боданца
 И еьна кхечира
 Цу Ишмин ва 1елас
 Шен боккха жаматта
 Буьйсанна сацийнчу
 Цу шовдан ва коьрте.
 Шайна хи дан веьна

Цу шовдана ва коьртехь
 Кабехна ма вайра
 И 1елин ва жалу.
 – Суьйре дика йойла,
 Х1ай жима ва кьонах!
 Кху шовдан ва коьртехь
 Ас кхойкху бах алахь
 Цу Ишмин 1елига, -
 Олуш, йистхилира
 Элахан Кабеха.
 – Хьо марша йог1ийла,
 Ва Далла езийла!
 Хьо лаа лелийца?
 Хьо тара лелийца
 Йог1учу буьйсанца
 Юххехь ва стаг воцуш?—
 Аьлла вист хилира
 И 1елин ва жалу.
 Кийрарчу ва дагна
 И еза ва елла,
 Нур долчу б1аьргашна
 Сов ч1ог1а хазьелла:
 – Со ву и ахь хобту
 И Ишмин ва 1ела, -
 Олуш, вист хилира
 И 1елин ва жалу.
 – Ма вала дакьаза,
 Хьо 1елин ва жалу,
 И Ишмин ва 1ела
 Ца вевзаш яций со-м,
 И Ишмин ва 1ела
 Со вевзаш ю хьуна,
 Кху шовдан ва коьртехь
 Ас кхойкху бах алахь
 Цу Ишмин 1елига, -
 Аьлла, йист хилира
 Элахан Кабеха.
 Шегара даьллачух
 Юьхь1аьржа х1оьттина,
 Т1улгаш т1е ва тоьхна
 Шен кхаба йохийна,
 Геннара мохь бетташ
 Берзан йорт ва эцна
 И хьаьлда вахара
 И 1ела ва волчу:
 – Ахь сема ладог1а,
 Х1ай Ишмин ва 1ела,
 Ахь кара эцалахь
 Барх1 са болу мажар,
 Юкьаха дехкалахь
 Дитт ира болат тур,
 Ахь юххе дахалахь
 И пхьаьра ва пхьаьрчий,
 Вайн шовдан ва коьртехь
 Я жин ду хууш вац,
 Адам ду хууш вац,
 Ва шеха ва летта
 Шен кхаба йохий цо! –
 Син метта топ кхетта
 Ц1ен экха ва санна,
 Ша хьалаиккхира
 И Ишмин ва 1ела,
 Цо каралечира

Тешаме шен мажар,
 Юкъаха дихкира
 Дитт ира болат тур,
 Шен пхъаьра ва пхъаьрчий
 Ша юххе ва даьхна
 И хъаьдда вахара
 Цу шовдан ва коьрте,
 Вистхила велира
 Лаьтгачу г'аларте:
 – Хьо адам ва делахь
 Адам ду ала шие,
 Хьо адам ва дацахь
 Ас мажар тухур ю,
 Ас тоьхна ва мажар
 Харц хила йиш ма яц! –
 И малх-бутт ва санна
 Хазьелла, кечьелла,
 Х'окхуьнга д'ла ерза
 Ва кхуза ва ярна,
 Кху Ишмин ва Iелех
 Ша эхь-бехк ва лаьцна,
 Кху шовдан ва коьртехь
 Букь тоьхна сецир и.
 Чал дера дарвелла,
 Шен сица сихвелла,
 Шен белшахь ва ч'аг'ьеш
 Б'аьргаца ва нисьеш
 Ша мажар туьйхира
 Цу Ишмин ва Iелас.
 Син метта х'лоь кхетта
 Элахан Кабеха
 Ша яла юьйжира
 Цу шовдан ушалахь.
 Хъаьвдда т'е дахана
 Цу Iелин пхъаьрчаша
 Шашь эт'он яьккхира
 Кабехан г'абали.
 Йистхила елира
 И жима Кабеха:
 – Дакъаза ма вала
 Хьо Ишмин ва Iела,
 Ва хьогьга д'лаерза
 Со кхуза ва йог'луш,
 Хазьяла-кечьяла
 Юьйхина г'абале
 Ахь эт'ла ма яйтахь
 Хъайн пхъаьра пхъаьрчашка. –
 Йистхилча евзина,
 Ша хъаьдда т'еввахна,
 Шен пхъаьра и пхъаьрчий
 Ша човхош д'ладаьхна,
 Цу коьрте ва вуьйлуш
 И корта нисбеш,
 Когашка ва вуьйлуш
 И когаш ва нисбеш,
 Ша хьийза велира
 И Ишмин ва Iела.
 Т'аккха вистхилира

Элахан Кабехе:
 – Ма яла дакъаза,
 Сан хьоме Кабеха,
 Х'лун бала бу хьогьгахь?
 Х'лун г'айг'ла ю хьогьгахь? –
 Т'аккха йистхилира
 Элахан Кабеха:
 – Хьо вохий ма хила,
 Х'ай Ишмин ва Iела,
 Вайн Делан кхел ма ю
 Лелаза ца йолуш,
 Цу г'ирмин ва дашо
 Базбина сан кийра,
 Багара дилха мотт
 Хьогь лелуш ма бац сан,
 Са оьцу Мулкалмовт
 Т'ехьийзаш ду суна,
 Х'лун бала бу соьгахь,
 Х'лун г'айг'ла ю соьгахь, –
 Олуш, лен ва яьлча
 Элахан Кабеха,
 Мохь-ц'ог'ла ва аьлла
 И Ишмин ва Iела
 Сов маса хъаьдира
 Шен чорда ва буьне.
 – Хьо верах-м нислуш дац,
 Х'ай Делан ва мостаг'л, –
 Олуш, цо баьккхира
 Ж'а'уьнан ва корта.
 Т'аккха вистхилира
 Боккхачу жаматте:
 – Давелла биса хьо,
 Сан боккха жаматта,
 Пайденна ва хиллехь
 Сел дебар бацар хьо,
 Сийна х'орд хуьлда хьох,
 Сийна буц хуьлда хьох,
 Ас тесна буьту хьо
 Кху пана ва махкахь, –
 Олуш, и хъаьдира
 Цу шовдан ва коьрте.
 Т'аккха лен велира
 Iуьллучу Кабехе:
 – Хьох дисна яр дуьне
 Кхин айса ца дууш,
 Хъан хене вуьжу со
 Сан хьоме Кабеха. –
 Баттара яьккхина
 Хъенапан и шашьта
 Шен даге ва лаьцна
 Шашьтан т'е вахара
 И Ишмин ва Iела.

Цу шиннах дисира
 Малх кхета к'айн дуьне...
 Тешнабехк мел бечех
 Тешнабехк г'ойла!

¹ См.: Нохчийн фольклор. Илlesh. Узамаш. Назманаш. Балладаш. Том VI. Нохчийн Республикан Iилманийн Академи. Х'оттийнаг: И.Б. Мунаев. Соьлж-Г'ала: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2010. – 624 с.; Нохчийн фольклор. Халкъан поэзии. Узамаш. Назманаш. Балладаш. Турпаллин илlesh. Забарен илlesh. Том I. Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы. Х'оттийнаг: И.Б. Мунаев. М.: 2010. – 602 с.
² См.: А.А. Ахлаков. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 230.

Ахмет Денисултанов

Ассимиляция гипербол

Афоризмы

Аллюр, Росинант, аллюр!

Господа, все, что не меняется к лучшему, меняет не только форму, но и содержание.

Чем бы душа ни тешилась, лишь бы попала в рай.

Как правило, социальный оптимизм общества – это заряд бодрости, а прагматизм – его вечный двигатель.

Это боги на Олимпе, а небожители, как были клерками, так ими и остались.

В розовых очках и миражи рисуются легче.

Главное, ни свет ни заря, а чувствуют себя и рыбой и мясом.

Прописные истины – это аксиомы, возведенные в культ.

Как часто полярные мнения расходятся из удовольствия сойтись в резолюции.

Ничто так не мешает вернуться к нашим баранам, как шерсть, которая от них осталась.

Демагогия – это мечта притчи стать во языцех.

Слово не серебро, а сребреники.

Когда туман в забубенной голове, тогда и бес в бороду.

Чем глубже чужой ум, тем легче из него черпать наше вдохновение.

Джентльмены, если вы чувствуете, что ваша душа уходит в пятки, делайте как можно быстрее Ахиллесовы ноги.

Как часто о перспективе судят по разбитому корыту!

Мысли, которые путаются у нас в голове, чаще всего пудрят нам мозги.

Плохо то время, которое не наши деньги.

Конечно, все дороги ведут в Рим, но чаще всего они заводят в тупик.

Нет хуже той правды, которая режет слух, колет в глаза и постоянно лезет в душу.

Не рубите с плеча – дров наломаете.

Лучше чучело в соломе, чем кот в мешке.

Плох тот глас народа, который не мечтает стать хоровой капеллой.

Когда божий дар путают с яичницей, он превращается в глазунью.

Лучше повторение – мать учения, чем теща.

Пока политический бомонд растет не по дням, а по часам, историческая конъюнктура мелькает из года в год.

Сколько бы время ни тиражировало почин, лишь бы эпоха не превращалась в долгострой.

Никто так не чтит крестного отца и сына, как сытый дух.

Жизнь – это восклицательный знак для оптимистов и вопросительный – для пессимизма.

Из тезисов: к 2015 году каждому Дон-Кихоту – отдельную ветряную мельницу.

Не судачьте, да не судимы будете.

От интернетто до интербрутто – один шаг.

Времена меняются: раньше были братья по разуму, а теперь одна братва.
Теория двойных стандартов – это продолжение практики теневых стереотипов.
Перейти Рубикон – это одно, а жечь мосты – это уже патология.
Если бы всемирный потоп зависел от политиков, то Ною пришлось бы строить не ковчег, а водяную мельницу.
– Сверху виднее, – сказали снизу.
Микрофон – это универсальная возможность перекричать самих себя.
Таковы правила: идеи ваши, а псевдоним наш.
Это ж сколько нужно промыть мозгов, чтобы найти крупицу ума?
Овчина и выделки не стоит, а как выделяется!
Чем активнее флюгер в голове, тем чаще ищут ветер в поле.
Жизнь так нескладно устроена, что капризные обстоятельства постоянно заставляют нас менять интерьер.
Плохому танцору мешает не хореография, а ноги.
Путевка в рай – это продолжение ворот в ведомственные кущи.
Открыл Америку – закрой за собой двери.
Если куры умирают от смеха, значит, все склеванные деньги свалили на инфляцию.
А счастье было так близко, хоть локти кусай.
Кому барабан Наполеона не по средствам, тот ограничивается гусями или баяном.
По грехам и индульгенция.
Такова жизнь: и слова не в счет, и междометия не в цене.
Гении приходят и уходят, а злодеяния остаются.
Ничто так не портит авторитет богов, как холостые громы и молнии.
Слоновость – это субъективный признак, позволяющий смотреть на себя самого с высоты.
В обществе глухонемых каждое молчание на вес золотого тельца.
Политика – грязное дело, но какой это доходный бизнес, когда мы чистим об нее свои перышки.
Статус-кво – это статский советник, требующий квоты.
Аксиома: кто научился считать только до трех, тому десять заповедей, как высшая математика.

Муслим Гапуев**Панчер**

История мирового спорта знает немало случаев, когда спортсмены огромного таланта по разным причинам не реализовывали свой потенциал в полной мере и не добивались всемирного признания. К таковым, несомненно, принадлежит и выдающийся чеченский боксер Руслан Тарамов.

Игры Доброй воли – 1986.

...Свой путь в спорте Руслан, как и многие чеченские мальчишки, начинал с борьбы. Возможно, он не достиг бы определенных высот в этом виде спорта, если бы в 1980-м году не увидел финальный бой боксерского турнира московской Олимпиады в категории до 75 кг между советским боксером Виктором Савченко и кубинцем Хосе Гомесом. Тот бой, в котором Гомес, показав высокотехничный бокс, победил, по словам Руслана, произвел на него сильное впечатление. Тогда он и подумать не мог, что сам через несколько лет в той же весовой категории выступит на Олимпийских играх, а Гомес через два года будет уверенно побежден знаменитым чеченским боксером Хамзатом Джабраиловым, но он точно знал, что запишется в секцию бокса.

На следующий день в боксерском зале стадиона «Динамо» состоялось знакомство Руслана Тарамова с известным тренером Владимиром Моребисом. Популярность бокса в то время стремительно росла, и залы были переполнены. Поэтому Моребис обычно проводил небольшой тест, перед тем как взять новичка к себе в группу. Свидетели того эпизода до сих пор с юмором вспоминают его. «Подтянись, сколько сможешь», – сказал Моребис. А когда Руслан снял с себя рубашку, чтобы легче было выполнить упражнение, тренер, к своему удивлению, увидел его не по годам развитый торс (все же несколько лет занятий борьбой даром не прошли). «Ладно, можешь не подтягиваться, завтра приходи на тренировку», – махнул он рукой.

Но подтягиваться пришлось так же, как и отжиматься, и со штангой заниматься, и многокилометровые кроссы бегать, и на ринге работать, и многое другое делать для

того, чтобы стать спортсменом высокого класса.

Руслана всегда отличало трудолюбие, а когда оно еще помножено на талант, то успех не заставил себя долго ждать.

После ряда побед в республиканских турнирах, венцом которых стал выигранный чемпионат Чечено-Ингушетии, Руслан стал выезжать на всесоюзные соревнования. Весной 1983 года Тарамов принял участие в мастерском турнире в Севастополе. Почетное звание «Мастер спорта СССР» присваивали только за первое место, и Руслан обязательно завоевал бы его, если бы не ставшая для него впоследствии систематической травма – перелом руки: кисти не всегда выдерживали мощные удары. С такой тяжелой травмой, боксируя одной рукой, Руслан довел до конца финальный бой. Бойцовские качества были характерны для него еще с юного возраста.

На взрослом турнире в неполные восемнадцать лет выступить столь успешно, к тому же проявив незаурядные волевые качества, мог только боксер с большим потенциалом.

Успех тот окрылил Руслана, но а опытный глаз Моребиса определил, что перед ним неограниченный алмаз. Тогда же у Руслана Тарамова окончательно выработался стиль ведения боя – остроатакующий бокс на средней и ближней дистанции, с акцентом на боковые и апперкоты. Во всех своих боях Руслан всегда выступал первым номером.

Эта манера боксирования всецело основывалась на его невероятном по силе, акцентированном и мощном нокаутирующем ударе.

Владимир Моребис разработал для Тарамова специальную, усложненную программу. «Тренировки были очень тяжелые, но интересные», – вспоминает Руслан.

Следствием кропотливой работы явился выигранный осенью 1983 года в Нижнем Новгороде представительный турнир имени Александра Невского. Тарамов не оставил соперникам ни единого шанса, выиграв все пять боев. Есть звание мастера спорта СССР. И это в 18 лет!

В 1984 году в Каунасе Руслан добился большого успеха – стал чемпионом СССР среди молодежи. Тогда же Руслан в составе сборной РСФСР, куда он был приглашен после победы на первенстве страны, совершил поездку на юг Африки в экзотическую Ботсвану. Одержав яркую победу в своем бою, Тарамов еще сильнее привлек к себе внимание специалистов бокса. Хотя эта поездка для самого Руслана запомнилась не боксерским поединком, а впечатлениями от пустыни Калахари и реки Лимпопо, о которых еще несколько лет назад он читал в учебниках в школе.

В начале 1985 года в Ленинабаде прошел отборочный турнир к чемпионату Европы по боксу. Тарамов, который уже входил в расширенный список сборной СССР, уверенно вышел в полуфинал этого турнира, где его поджидал действующий чемпион СССР Асылбек Килимов из Алма-Аты. Тот факт, что полугодом ранее Килимов должен был в составе сборной СССР ехать на Олимпийские игры в Лос-Анджелес, говорило только о силе казахского боксера. Жаль, что игры политиков лишили его возможности принять тогда участие в играх Олимпийских. В европейском рейтинге-листе за 1984 год Килимов занимал первое место, опережая, к слову, на 28 баллов боксера из Германской Демократической Республики Генри Маске, по прозвищу Джентльмен, – впоследствии одного из самых выдающихся боксеров своего времени как среди любителей, так и среди профессионалов. Так что, бой с Килимовым для Тарамова обещал быть очень непростым. Но упорного боя не получилось: Руслан в который раз предъявил аргумент, который соперникам нечем было крыть – нокаутирующий удар по печени.

В финале Тарамову должен был противостоять боксер из Благоевченска – Дмитрий Болигузов, представитель Вооруженных Сил. Однако армейские тренеры, публично объявив о том, что у их боксера против Тарамова нет шансов на победу, и, следовательно, нет смысла дожидаться финала, спешно собрались и вместе со своим боксером покинули гостиницу. Их мотив был ясен: незадолго до этого в Химках на спаррингах перед турниром в Индонезии Тарамов нокаутировал Болигузова. Были очевидцы, наблюдавшие, как армейская делегация в полном составе погрузилась в вагоны и уехала в сторону Дальнего Востока. Выходило, что Тарамову надо дожидаться времени боя, когда из-за неявки соперника ему победно вскинут руку. Руслан мыслями устремился в Будапешт, где в конце мая должен был начаться 27-й чемпионат Европы по боксу. В день финалов Руслан не то, что не потренировался, но даже не наматал бинты на руки. В выходе его на ринг была простая формальность – судья должен был поднять руку Тарамова и объявить победителем. Но что это?! К своему огромному удивлению, он увидел, как армейские тренеры выводят на ринг Дмитрия Болигузова. Как? Почему? Когда?..

Отвечать на эти вопросы не было времени – Руслан рванул в раздевалку, чтобы хотя бы перемотать руки бинтами. Уже Болигузов ожидал Тарамова отведенное на то

время. О разминке не было и речи. Руслан вспоминает, что только к концу третьего раунда его мышцы стали входить в должный тонус. К тому же наспех замотанные бинты размотались, и сжимать плотно кулак стало невозможно. Соответственно, главный козырь Руслана – его нокаутирующий удар – оказался незадействованным. В большом спорте любая мелочь играет судьбоносную роль, а в данном случае против чеченского боксера были серьезные факторы: не тренировавшийся, и даже не размявшийся Тарамов проиграл по очкам основательно подготовившемуся к бою Болигузову. Никогда прежде не видел Руслан таким взбешенным обычно спокойного Владимира Моробиса. Умудренный жизнью специалист прежде всего себя корил за то, что не учел негативную сторону большого спорта, из-за чего его ученик не попал на большие соревнования.

На чемпионат Европы поехал Дмитрий Болигузов. К слову, выступил он там бесславно, проиграв в первом же бою французу Кристофу Тиоццо 1:4.

То, что он лучший боксер страны в категории до 75 кг. Руслан доказал в сентябре того же 1985 года на чемпионате СССР в Ереване. В блестящем стиле пройдя весь чемпионат, в финале он вновь встретился с Килимовым. Я отчетливо помню тот бой. Сразу со звуком гонга Тарамов в своей агрессивной манере набросился на своего соперника, осыпая того градом ударов. Чемпиону Европы 1973 года Виктору Ульяничу, секундировавшему Килимову, ничего не оставалось делать, как выбросить на ринг полотенце. Такая уверенная победа Тарамова говорит не о слабости Килимова (6-кратный чемпион СССР по разным возрастным группам, обладатель Кубка СССР слабым не может быть априори), а о силе боксера из Грозного. Не лишним будет сказать, что на этом чемпионате в категории до 91 кг серебряным призером стал другой чеченский боксер Рамзан Себиев.

После победы на чемпионате страны Тарамов на долгие годы застолбил за собой место в сборной команде Советского Союза в категории до 75 кг.

Специалисты бокса предсказывали победу Тарамова и на чемпионате СССР 1986 года в Алма-Ате, являвшемся по сути отборочным турниром к чемпионату мира в американском городе Рино. Основания для таких прогнозов были: Руслан тогда находился в блестящей форме. Об этом говорит хотя бы тот факт, что большинство своих

На японском профессиональном ринге.

боев в тот период он заканчивал досрочно. К примеру, свой четвертьфинальный бой с победителем 14-й летней Спартакиады г. Москвы С. Ковалевским Тарамов завершил всего через 52 секунды с его начала. Во втором раунде полуфинального поединка с Тимофеем Черновым секундант его соперника, заметив, что его подопечный переносит нокаут на ногах, вынужден был выбросить на ринг полотенце. Но эта победа Тарамова была пирровой: после боя у него обнаружили перелом кисти руки. С чемпионата пришлось сняться и, соответственно, забыть о поездке в Рино. А чемпионаты мира по боксу тогда проходили раз в четыре года. Вот и думай после этого, хорошо ли иметь динамиты такой мощности в кулаках. Таким образом, Тарамов, находящийся на пике своей формы, пропустил вторые большие соревнования.

Уверен, не сломай тогда Руслан кисть руки, наверняка стал бы чемпионом страны. Не было в стране боксера, который мог бы на равных противостоять Тарамову в середине восьмидесятых годов, когда он органично входил в категорию до 75 кг. А главное был жив его тренер Морембис, чью роль в спортивном и человеческом становлении Тарамова трудно переоценить.

Не люблю говорить в сослагательном наклонении: есть то, что есть, а не то, что могло бы быть. Но не могу при этом отделаться от мысли, что в тот период Руслан Тарамов в своей категории был сильнейшим в мире в любительском боксе. А мысли эти у меня не беспочвенные и появились после просмотра (спустя двадцать пять лет) боя Руслана Тарамова и чемпиона США Даррена Аллена в матчевой встрече СССР – США, состоявшейся 24 января 1986 года. Руслан в том бою доминировал на протяжении всего боя. Приходилось только удивляться, как американский боксер выдерживает такие страшные удары. Аллен побывал в нокауне, но нокаута ему удалось избежать. А спустя три месяца Даррен Аллен добавил ко всем своим прежним титулам звание чемпиона мира. И это на том самом чемпионате, который Руслан пропустил из-за перелома руки. Для скептиков, которые победу Тарамова над Алленом могут объяснить «домашними стенами», добавлю, что 6 февраля 1987 года в Орландо Тарамов вновь победил теперь уже чемпиона мира Даррена Аллена.

В 1986 году Руслану присвоили звание мастера спорта СССР международного класса, причём присвоить его могли за любой из 3–4-х выигранных им крупных международных турниров.

Помимо майского чемпионата мира в 1986 году, состоялся еще ряд значимых соревнований, самые главные из которых – Игры Доброй воли – должны были пройти в июле.

Небольшой экскурс в прошлое. Конец 70-х и начало 80-х годов стали пиком холодной войны между двумя сверхдержавами – СССР и США. Американцы, а вместе с ними и многие другие западные страны, бойкотировали московские Олимпийские игры 1980 года, в ответ на это страны Варшавского договора (социалистический лагерь) во главе с СССР бойкотировали в 1984 году Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Не вдаваясь в политическую подоплеку тех событий, скажу о другом: сколько спортсменов пострадало из-за амбиций и неадекватности политиков (в том числе и два чеченских борца вольного стиля Салман Хасимиков и Тарам Магомадов, бывшие тогда первыми номерами сборной СССР и находившиеся в великолепной форме). Ведь сколько пота проливается на тренировках ради достижения успеха, а проигрываешь, не выходя на арену.

Приход к власти Михаила Горбачева несколько разрядил ситуацию. Чтоб окончательно сгладить углы в отношениях между СССР и США, было решено провести в июле 1986 года Игры Доброй воли, которые, как и Олимпийские, должны были проходить раз в 4 года. Статус первых Игр Доброй воли был никак не меньше Олимпийских. Это потом они канули в лету, выполнив свою политическую миссию, а пока, на первых Играх, за победу боролось немало лучших спортсменов мира. Тем значимее становится блестящее выступление двух чеченских боксеров – Руслана Тарамова и Рамзана Себиева, ставших чемпионами.

В четвертьфинале турнира Руслан единогласным решением судей победил крепкого болгарина Калина Стоянова. В полуфинале нокаутом был повержен первый номер американской сборной, победитель престижного в США турнира «Золотые перчатки» Лоренцо Райт.

Во время финального боя между Русланом Тарамовым и очень сильным американцем Уайтом Паркером (достаточно сказать, что Паркер побеждал легендарного кубинского боксера, двукратного чемпиона мира Анхеля Эспинозу), зал буквально ревел от восторга – настолько напряженным и зрелищным получился тот финал. Длиннорукий Паркер, бывший на десять сантиметров выше Тарамова, даже отправил его в нокаун. Сам же он дважды оказывался в нокауне после сокрушительных ударов советского

боксера. Концовка боя прошла под мощное скандирование зала: «Руслан! Руслан!». Этот рев пятнадцати тысяч зрителей, заполнивших спорткомплекс «Олимпийский», как писала тогда газета «Советский спорт», сквозь толщи бетонных стен доходил до зала, где соревновались гимнастки, выступление которых пришлось даже на некоторое время приостановить.

К золотой медали чемпиона Игр Доброй воли, которую Тарамову вручил первый трехкратный олимпийский чемпион по боксу венгр Ласло Папп, он удостоился еще приза «Лучший боксер турнира» и знака ЦК ВЛКСМ «За мужество».

Согласитесь, неплохой подарок сделал себе боксер из Грозного на свое 21-летие, которое пришлось на дни соревнований.

Сразу после Игр Доброй воли Тарамов победил еще на одном представительном турнире: в столице Северной Кореи Пхеньяне он стал победителем Динамиады соцстран, где, помимо него, еще двое чеченских боксеров – Вахит Магомадов и Усман Арсалиев – завоевали золотые медали.

В конце сентября 1986 года в Москве Тарамов победил на IX летней Спартакиаде народов СССР, в очередной раз доказав свое лидерство в категории до 75 кг.

В завершение года в декабре перед своими болельщиками в Грозном Руслан выиграл и Кубок СССР. Отчетливо помню, как зал все 9 минут финального боя скандировал имя Тарамова. Надо сказать, что любовь любителей бокса Чечено-Ингушетии к Руслану Тарамову была безмерной. И причиной тому была не только зрелищная манера ведения боя чеченским боксером, но и его врожденная скромность и добродушие.

Кубок СССР тогда же в Грозном, к слову, выиграла еще двое чеченских боксеров: Вахит Магомадов (до 71 кг) и Рамзан Себиев (до 91 кг).

Количество поражений Тарамова за годы выступлений в любительском боксе можно сосчитать едва ли не на пальцах одной руки. Но, к сожалению, два из них были очень обидные: поражение в 1987 году в Турине в полуфинале чемпионата Европы от Генри Маске и во втором туре Олимпийского турнира в Сеуле от Свена Оттке из ФРГ. Хотя, положив руку на сердце, можно ли считать бронзу чемпионата Европы неудачей? Тем более, что чемпионат прошел всего через два месяца после смерти тренера Владимира Моробиса. Да и травма руки, из-за которой он пропустил чемпионат СССР в Каунасе, едва залечилась. Поэтому подготовка к турниру получилась весьма скромной.

Свое выступление на Олимпийских играх в Сеуле, куда чеченские спортсмены поехали впервые, сам Тарамов определяет коротко, но емко: «Не сложилось». Хотя в олимпийский сезон вошел вроде бы в неплохой форме: в марте в Каунасе выиграл чемпионат СССР, победив, к слову, в первом бою Андрея Курнявку из Бишкека, ставшего годом позже чемпионом мира (Курнявка, между прочим, был признан лучшим боксером чемпионата мира).

Специалисты бокса отметили, что Тарамов не так ярко выступил на этих соревнованиях, как обычно. Все стало ясно после окончания чемпионата, когда на собрании чемпионов и призеров главный тренер сборной СССР Артем Лавров привел всем в пример волевые качества Тарамова: «Честь и хвала таким боксерам, как Руслан Тарамов, выигравший Союз с температурой 39,6». Надо сказать, что сборники первую часть тренировочного процесса провели в начале марта в Челябинске, где температура стояла минус тридцать.

Затем они перелетели в Ташкент, где должен был пройти чемпионат СССР. В столице Узбекской ССР весна была в разгаре: столбик термометра показывал +17 градусов. Из-за резкого перепада температур организмы многих боксеров, бывших к тому же под большими физическими нагрузками, не выдержали. К сожалению, среди заболевших и, как следствие, снявшихся с чемпионата оказался и чеченский боксер Вахит Магомадов. Надо сказать, что задолго до соревнований Артем Лавров от имени Федерации бокса СССР объявил, что на Олимпиаду в Сеул поедут только чемпионы страны. Именно поэтому основательно простывший Тарамов не стал сниматься с соревнований: неучастие в них автоматически вычеркивало его фамилию из списка участников Олимпийских игр, а пропускать главный спортивный форум четырехлетия он не имел права.

Немного беспокоило то, что готовиться к Олимпиаде приходилось самому: после смерти Моробиса Руслан так и не нашел себе специалиста, которому мог бы безоговорочно доверять, ведь ключи к талантам находят далеко не все.

Личный тренер знает все физиологические и душевные нюансы своего подопечного, может за него постоять, тонко разобраться в спортивных и околоспортивных интригах... Полтора года до Олимпиады Тарамов тренировался самостоятельно, рассчитывая выйти на пик формы к августу 1988 года – ко времени начала Олимпийских игр в Сеуле.

Неожиданным известием стало то, что Олимпиаду из-за чрезмерной жары переносят на месяц назад (Игры прошли с 17 сентября по 2 октября). Это было совсем не на руку Руслану, которому с каждым годом было все сложнее «вписываться» в категорию до 75 кг.

Для спортсмена, который ежедневно сгоняет вес, недоедая, недопивая, проводя часы в спортзале в изнурительных тренировках, это означало лишний месяц изматывать организм. Но при всем при этом, свой первый бой с боксером из Сьерра-Леоне Самуэлем Симбо Руслан выиграл нокаутом в первом раунде. Второй же бой состоялся лишь через неделю. «Нельзя было выпить лишний стакан воды – вес подлетал мгновенно» – вспоминает Руслан. И это в неимоверном пекле. Спортсмен боролся с лишними даже не килограммами, а граммами: ведь у боксеров взвешивание происходит перед каждым боем. Как следствие этого – истощение организма. Козыри Руслана: мощь, ураганный темп, удары страшной силы – были сведены до нуля. Неудивительно, что свой второй бой полностью обезвоженный Тарамов проиграл Свену Оттке из ФРГ, прозванному за рациональный стиль и умение быстро перемещаться по рингу Призраком.

Руслан как-то признался мне, что на третий раунд боя с Оттке он выходил, шатаясь от слаботы, и с мыслью, что в этом бою ему не победить. И это говорит Руслан Тарамов, восхищавший всех своим твердым характером, мужеством, волей, упорством, решительностью. Да, видимо, организм был настолько изможден, что не сработал даже его самый весомый аргумент – знаменитый удар, за который в Америке его прозвали Стреляющая рука и Русская пушка и который мог решить исход любого поединка в любую секунду.

К слову, Оттке стал впоследствии многократным чемпионом мира среди профессионалов, защитив титул IBF 21 раз, а титул WBA – 4 раза. А чемпионом Олимпиады, победив в финале канадца Эгертона Маркуса, стал Генри Маске, впоследствии ставший чемпионом мира среди любителей, а затем и среди профессионалов по версии IBF в полутяжелом весе.

Но, какими бы великими ни были эти боксеры, при более благоприятных факторах Руслан мог их победить. Эгертон Маркус, который не понаслышке знает о силе удара Тарамова, в четвертьфинале сеульской Олимпиады единогласным решением судей победил Оттке. Даррен Аллен, которого Тарамов дважды уверенно побеждал, в финале чемпионата мира 1986 года выиграл у Маске. Бомани «Уайт» Паркер, проигравший Тарамову в финале Игр Доброй воли, брал верх над кубинцем Эспинозой, который нокаутировал того же Маске. Асылбек Килимов, которого Тарамов в обеих очных встречах побеждал досрочно, также нокаутировал Маске. В спорте свои законы и своя математика.

...За годы выступления в любительском боксе за Русланом Тарамовым закрепились репутация настоящего панчера – боксера, делающего акцент на своем мощном ударе и завершающего большинство своих боев досрочно.

Можно всю жизнь ставить удар, но боксер не будет панчером в истинном смысле этого слова. Будет хорошо технически подготовленный боец, с поставленным ударом.

Панчер обладает не поставленным, а природой подаренным ударом.

Тесты, проводимые комплексной научной группой под руководством Ираклия Циргиладзе, показали, что сила удара Руслана Тарамова превышает 800 кгс. Для боксера его весовой категории – показатель выдающийся. Эти же тесты показали, что скорострельность Тарамова, наряду с Лерником Папяном и Василием Шишовым, самая высокая в сборной страны.

Удары у Руслана действительно были страшные по силе. Про них даже ходили легенды. А легенды из ничего не рождаются. Асылбек Килимов, сам обладавший нокаутирующим ударом (82% своих боев он завершил досрочно), признался мне, что Тарамов бил кулаком, словно конь копытом.

Как-то в Тольятти двукратный чемпион Олимпийских игр Олег Саитов спросил у Тарамова, правда ли, что он пробил боксерскую грушу? «Да груша, наверное, была некачественной», – отшутился Руслан. Но факт есть факт – грушу он пробивал, и не простую, а специально для Руслана заказанную. Да что там груша – цепь, на которой она висела, и та рвалась после его ударов. Это не досужие вымыслы – многие люди были свидетелями тому.

Зрелищную манеру ведения боя (а нокаутирующий удар является важной составляющей частью зрелищности) отметили и американцы. После матчевой встречи СССР – США в 1985 году в Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси) к Николаю Хромову – главному тренеру ЦС «Трудовые резервы» и Константину Копцеву – главному тренеру молодежной сборной страны, возглавлявшим в поездке команду, подошли американские промоутеры и предложили за Тарамова сумму с шестью нулями. Но

время перехода советских спортсменов в профессионалы, к сожалению для Руслана, еще не наступило. Переговоры пришлось срочно свернуть: руководителями советской делегации были сотрудники КГБ и, узнай они о контактах с иностранцами, Руслан автоматически стал бы невъездным.

«Очень харизматичный боксер» – говорили о Тарамове многие специалисты бокса. Известный бард Александр Розенбаум, большой любитель бокса, в интервью газете «Советский спорт» в 1987 году отметил Серика Конакбаева, Руслана Тарамова и Игоря Высоцкого как самых зрелищных и выдающихся советских боксеров.

Популярность Тарамова в середине 80-х годов была невероятная. В Москве какое-то время функционировал фан-клуб его имени. Многие болельщики, чтобы посмотреть на выступления чеченского боксера, специально ездили за ним по разным городам и весям. Один мой товарищ самые яркие воспоминания от армейской службы связывает не с марш-бросками, стрельбами, нарядами или строевой и боевой подготовкой, а с финальным боем чемпионата СССР 1985 года, который он увидел по телевизору, находясь в ограниченном контингенте Советских Войск в Монголии. И таких примеров большой популярности Тарамова можно привести немало.

Можно гадать, как сложилась бы его спортивная карьера, если бы в марте 1987 года после недолгой, но тяжелой болезни не скончался Владимир Моребис. Ему не было и пятидесяти лет. Надо видеть, с какой теплотой вспоминает Руслан своего тренера. Их отношения без натяжек можно было назвать дружбой. Заслуженный тренер РСФСР Владимир Алексеевич Моребис воспитал целую плеяду замечательных боксеров. Среди них и один из первых мастеров спорта СССР среди чеченцев Руслан Абдурахманов, и победитель многих международных турниров Усман Арсалиев, который в свое время сенсационно нокаутировал трехкратного олимпийского чемпиона и многократного чемпиона мира Феликса Савона, и Вахит Магомадов – победитель Динамиады и двукратный чемпион СССР среди профессионалов, и Ислам Арсангалиев – чемпион мира среди молодежи, и Асламбек Амаев – двукратный чемпион России, и победители различных турниров Абу Бачаев, Юнус Джамалдаев, Аббаз Ибаков, Захир Вафин, Руслан Мальсагов, Юрий Сагайкин, Робик Саркисян и многие другие. Но самым его любимым учеником был Руслан Тарамов. Когда в марте 1987 года Моребис понял, что жить ему осталось недолго, он написал письмо одному известному тренеру, чтобы тот взял шефство над Русланом. «Таковыми талантами нельзя бросаться», – писал он. То письмо Руслан порвал. На вопрос, зачем это было сделано, Руслан ответил, что после Моребиса не смог бы никого также воспринимать.

Через два месяца после смерти Моребиса состоялся уже упомянутый чемпионат Европы по боксу. Находящийся в далеко не лучшем моральном и физическом состоянии, Руслан проиграл в полуфинале. Но проиграл не абы кому, а будущему чемпиону мира среди профессионалов по версии IBF Генри Маске. А мы еще раз можем задаться вопросом: та бронзовая медаль чемпионата Европы – это победа или поражение?

В 1989 году Руслан решил попробовать себя на профессиональном ринге в Японии. Это, конечно, не США, путь к вершине отсюда гораздо длиннее. Но и тут Руслан проявил свои лучшие качества.

Профессиональный бокс – это была стихия Руслана. Он был рожден для него. Бывало так, что средний боксер, перейдя в профессионалы, добивался там значительных успехов. Или, напротив, выдающийся боксер-любитель, перейдя в профессионалы, терпел сокрушительное фиаско. Тарамов и на любительском ринге имел немало достижений, но в профессионалах его талант должен был раскрыться в полной мере. Ведь самые яркие боксеры профессионального ринга были панчерами. Таковым, безусловно, являлся и Руслан Тарамов.

В профессиональном боксе в пользу Руслана было то, что ни в какую весовую категорию он себя уже не загонял – сначала боксировал до 86 кг, а затем до 91 кг. И все 12 раундов он готов был проводить в самом высоком темпе. Другое дело, что бои свои он заканчивал досрочно.

И ведь никто не делал Руслану «биографию», подбрасывая не самых сильных боксеров. Практически все боксеры, с кем он боксировал на профессиональном ринге, были и выше, и тяжелей его.

Бои профессионалов – это не только спортивное состязание, но и яркое шоу. Почти всегда перед боями разыгрываются целые театрализованные представления. Но на бои Тарамова зрители шли, прежде всего, из-за зрелищности самого боя, а не шоу. Его бой, как правило, и был самым ярким шоу вечера.

Дебют его на профессиональном ринге состоялся в Токио 1-го февраля 1990 года и противостоял ему такой же дебютант, как и он сам, – американец Джонни Фимстер, который был на десять сантиметров выше и, соответственно, тяжелей своего оппонента.

Но это не помешало Тарамову в первом же раунде послать соперника левым боковым в глубокий нокаут. Отмечу, что тот бой для Фимстера так и остался единственным – он решил больше не искушать судьбу и ушел из спорта.

Во втором бою соперником Тарамова был и вовсе двухметровый гигант Леланд Харди из США. Но и он был нокаутирован в четвертом раунде.

Третий бой, состоявшийся 20 августа 1990 года, был самым сложным для Руслана. Противостоял ему чемпион Мексики Ладислао Михангос. О силе Михангоса говорит тот факт, что он боксировал с легендой мирового бокса Джорджем Формэном, чемпионом мира в супертяжелом весе по версии WBA Тони Таббсом и экс-чемпионом мира в супертяжелом весе по версии WBO Томми Моррисоном (тем самым, что снимался в фильме «Рокки V»). Но звездным часом Михангоса была победа над чемпионом мира Леоном Спинксом, нанесшем редкое поражение самому Мохаммеду Али. Михангос был на голову выше Руслана, а на взвешивании перед боем оказался и значительно тяжелее его. Но габариты и опыт не спасли мексиканца от нокаута: в восьмом раунде после сильного удара по печени он не смог подняться с настила ринга.

В четвертом поединке нокаутом был повержен американец Терри Вернерс.

В пятом своем бою Руслан проэкзаменовал дебютанта профринга Нам Шин Хуна из Южной Кореи. Пропустив на 31-й секунде первого раунда страшный по силе удар, кореец надолго впал в забытие. Врачи после такого тяжелого нокаута не рекомендовали ему в дальнейшем выходить на ринг. Корейский боксер благодарно внял их советам, и таким образом тот бой с Тарамовым остался единственным в его профессиональной карьере.

В шестом бою Руслан Тарамов встретился с австралийцем Дэйвом Расселом. Победитель этого противостояния получал право на титульный бой с Дином Вотерсом – чемпионом IBF Australasian, бывшим к тому моменту восьмым в мировом рейтинг-листе.

Ну а победитель титульного боя выходил на американский ринг боксировать с лучшими боксерами мира. Поэтому бой, состоявшийся 16 марта 1991 года, носил исключительно принципиальный характер, оба соперника были предельно мотивированы. Дэйв Рассел, бывший вторым в рейтинг-листе Австралии, оказал достойное сопротивление Тарамову. Его физическая сила, выносливость, а главное, способность держать удары весьма впечатляли. Тарамов победил, но это был единственный бой в Японии, в котором он не смог одержать досрочную победу.

Но, к сожалению, радость Тарамова оказалась преждевременной: объявленный ранее поединок с Дином Вотерсом так и не состоялся по причине того, что промоутеры боксеров не смогли договориться друг с другом о финансовой стороне дела. Так из-за алчности околосоппортивных функционеров Руслану Тарамову не удалось попробовать свои силы в боях с лучшими американскими профессионалами, хотя, будучи любителем, он неизменно побеждал боксеров из США. Некоторые из побежденных им боксеров добились впоследствии значительных успехов на профессиональном ринге.

К слову, победа над Дэйвом Расселом сделала Тарамова чемпионом Японии среди профессионалов.

Нельзя не отметить тот факт, что популярность чеченского боксера в Японии была очень высокой. Об этом красноречиво говорит и обложка февральского номера журнала «Токио» за 1991 год, на которой запечатлен эффектный портрет Тарамова.

После Японии Тарамов провел на профессиональном ринге еще два победных боя в Германии. Однако, поняв, что без мощного менеджмента пробиться на американский ринг не получится, он в 1992 году ушел из большого спорта. Было тогда ему всего 27 лет.

Он ушел, не проиграв в профессиональном боксе ни единого боя и находясь в отличной форме. Именно в этом возрасте к спортсмену приходит опыт и мудрость, а с ними и большие победы. Рамзан Себиев, другой выдающийся чеченский боксер, также без поражений выступавший в профессионалах, вспоминает, что Тарамов выходил на ринг как бы между прочим и, не затрачивая особых усилий, побеждал. Чаще нокаутом.

Откровенно говоря, Руслану сильно не повезло, что пик его спортивной карьеры совпал со смутным временем, когда от страны, честь которой он с блеском защищал, остались разбитые кусочки, которые к тому же зачастую конфликтовали между собой. В одночасье он оказался не нужен стране, которой принес много славных побед. Да и страна под названием СССР после 1991 года перестала существовать.

Тарамов ушел, так и не реализовав до конца свой огромный потенциал. Но себя корить ему не в чем, а на судьбу обижаться нельзя.

После завершения спортивной карьеры Руслан долгое время передавал свой опыт

Автор очерка М. Гануев и Р. Тарамов.

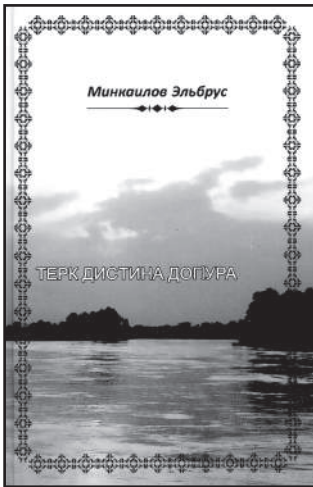
юным боксерам. Правда, своему знаменитому удару он вряд ли кого обучил – это от природы.

Вообще, невероятно, как годы, бремя славы, жизненные неурядицы не испортили его. Руслан до сих пор остался добродушным, гостеприимным, ценящим юмор человеком. Видимо, это идет от родителей. Мама Руслана – Айна – очень приветливая, улыбчивая женщина. Отец был таким же. К сожалению, несколько лет назад его не стало. Ихван был самым преданным болельщиком сына. Часто выезжал с ним на разные турниры. Руслан даже пошутил, что в спортивных кругах отец был более известен и популярен, чем он сам. Шутки шутками, но я сам видел фотографии известных боксеров и тренеров, подписанные именно Ихвану.

Есть в Руслане удивительная черта – он никогда и ни о ком не говорит плохо и, наоборот, вспоминает с теплотой тех, кто на его жизненном пути сделал ему хотя бы мало-мальски доброе дело. Порядочность и доброта – редкие для нашего циничного времени качества, но он в полной мере ими обладает. За это и за многое другое Руслана любят и уважают все, с кем хоть ненадолго сводила его судьба. И бывшие спортивные друзья-соперники не забывают: звонят из разных уголков света.

Кто знает, как сложилась бы карьера Руслана Тарамова, перейди он на пике своей формы в профессионалы. И не куда-нибудь, а именно в США. Манера ведения боя Руслана была ближе к профессиональной, а 12-раундовые поединки, учитывая силовую выносливость Тарамова, были ему только на руку. И даже его внешность кинозвезды была бы кстати – реклама в США имеет едва ли не большее значение, чем сам бокс. Без сомнения, Руслан стал бы там одной из ярких звезд мировой величины.

Но... не сложилось. Вот что значит судьба – от предначертанного ею нам не уйти.

Книжные новинки**Терек был полноводным**

В грозненском книжном издательстве вышла в свет книга известного чеченского писателя, переводчика, главного редактора журнала «Орга» Эльбруса Минкаилова «Терк дистина догура» («Терек был полноводным»). Э. Минкайлов активно работает также и в литературоведении и литературной критике и широко известен читателям как исследователь творчества А. Мамакаева, М. Мамакаева, С. Бадиева, М.-С. Гадаева, А. Айдамирова и других чеченских писателей. Настоящий сборник составили двадцать два рассказа, написанные в разные годы, и повесть. Некоторые из этих рассказов уже переведены (в том числе и автором) на русский язык и публиковались на страницах журналов «Вайнах», «Дружба народов». Персонажи Минкаилова – это, в основном, жители города, которые живут в своем маленьком мире, довольствуясь тем, что имеют. У А. Чехова тоже есть такие герои, но они, в отличие от героев Э. Минкаилова, слишком слабовольны, слабохарактерны. «Я познакомился в произведениях Эльбруса Минкаилова с героями, о существовании которых в чеченской литературе и не подозревал – я их раньше не встречал, – отмечает в предисловии народный писатель ЧР Муса Бексултанов. – ...Эльбрус в своих рассказах первым в чеченской прозе столь ярко показал стороннего героя». Несомненно, выход сборника явится событием в литературной жизни республики и найдет свою читательскую аудиторию.

Сулиман Мусаев

К нашим иллюстрациям**Правда красоты в тишине мастерской**

О чеченском художнике Абу Пашаеве, выходеце из старинного селения Чечен-Аул, его «коллегапокисти» Всеволод Григорьев однажды сказал: «Абу Пашаев – самородок нового поколения вайнахских художников, которому дан высший дар – дар Творчества... Ему в тишине мастерской открывается еще не родившаяся действительность. Там ему раскрывается связь взаимодействия обновляющейся жизни, классического искусства и новой живописи... Правда красоты и ужаса жизни для него – в ощущении, подсознательном познании и выражается простыми, почти знаковыми средствами графики. Это роднит его творчество с древними истоками искусства». Здесь можно было бы еще добавить – в частности, с искусством и философией древнего и средневекового Китая. Не исключено влияние последнего на творчество художника – это проявляется как в жанровых предпочтениях (графика в чем-то родственна каллиграфии), так и в характерной для искусства Поднебесной символичности.

Достаточно вспомнить одну из его гуашевых работ, под названием «Иероглиф весны», передающую состояние влюбленных, чьи абрисы плавно переходят один в другой. Впрочем, есть еще одна деталь из биографии художника, косвенно подтверждающая такую догадку: в середине восьмидесятых Абу Пашаев учился на курсах «внешних и внутренних стилей восточных единоборств» при пединституте г. Махачкалы и был аттестован в 1990 г. инструктором по ушу в разделе «Гимнастика».

Абу Пашаев окончил ЧГПИ (художественно-графическое отделение) в 1996 году, является членом Союза художников РФ с 2002 года. Он участник различных выставок изобразительного искусства – республиканских, зональных и международных. В 2003 году персональная выставка картин художника состоялась в Чехословакии. А последняя по времени (совместно с заслуженным художником ЧР Вахитом Заураевым), под названием «Апофеоз истории», прошла в Национальном музее ЧР.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Сострадание», 2 стр. – «Не стреляйте в белых лебедей», 3 стр. – «Лик», 4 стр. – «Атомное сердце мамы».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (2007) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн клайн гIаргIулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988 г.), «Наггахьа, сайн сагатделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буьйсанна хьан не!» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005 г.); повестей «Иза бегаш ма бацара» («Это была не шутка», «Орга», 2004 г., №1), «Болийначу юхабоьрзу некъ» («Дорога возвращается к началу», «Орга», 2004 г., № 11–12), рассказов, миниатюр, эссе. Мастер лирических зарисовок.

Роза Дахаева (1955). Родилась в Казахской ССР, Кзыл-Ординской области, станции Багакум. В 1981 году окончила филологический факультет Кзыл-Ординского педагогического института им. Н.В. Гоголя. С 1972 года работает в сфере образования. С 1989 года проживает и работает в Чеченской Республике. Главная тема ее преподавательских трудов – воспитание личности. Пишет стихи с 1997 года. Автор поэтического сборника «Верю свету» (Москва, 2006 г.).

Асламбек Даудов (1952). Журналист, прозаик. Родился в Актюбинской области Казахской ССР. В 1982 году окончил исторический факультет ЧИГУ. Работал (1984–1994) учителем истории в Махкетинской СШ. Публиковался на страницах местных периодических изданий. В настоящее время занимается коммерцией.

Умар Якнев (1959). Родился в Киргизии. Учился в Адильотарский (Дагестан) средней школе, в 1990 году окончил факультет журналистики Воронежского сельхозинститута. Стихи и материалы для газет пишет со школьной скамьи. В настоящее время – главный редактор республиканской газеты «Нийсо-Дагестан».

Элина Литаяева. Окончила филологический факультет ЧГПИ в 2010 году, по специальности «педагог-психолог». Работает в ГКОУ «Центр дистанционного образования детей-инвалидов». Пишет стихи и рассказы. Публикуется с 2006 года в журналах и газетах республики.

Лариса Бадаева. Историк, писатель. Автор научных статей и многочисленных художественных рассказов, написанных в жанре детектива: «Вспышка» (2004), «Затмение» (2005), «Женское счастье» (2006), «Соната» (2005), «Рубиновая брошь» (2006), «Ключ к разгадке» (2003), «Убийство на свадьбе» (2003), «День рождения» (2007), «Псевдоним» (2007) и повести «Отражение», опубликованной в журнале «Вайнах» в 2008 году.

Мухмет Амиров (1956). В 1983 году окончил отделение журналистики Саратовского сельхозинститута. Член Союза журналистов РФ. Пишет публицистические статьи, прозу. Публикуется в местной и российской печати с 1981 года (в газетах «Грозненский рабочий», «Ленинская правда», «Комсомольское племя», «Советская Россия», «Известия», «Ульяновская правда», «Астраханская правда», журналах «Вайнах», «Нана»).

Елена Сердюкова. Окончила в 1990 г. ЧИГПИ. В настоящее время работает заведующей психологической лабораторией ЧГУ. Занимается производством судебно-психологических экспертиз. Автор множества научных статей по психологии. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Нана» и «Вайнах».

Мусейп Висенгереев (1952). В 1980 году окончил юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Является консультантом в администрации Президента и Правительства ЧР. Занимается исследованиями в области древней и средневековой истории народов России. Пишет статьи исторического характера. Публикуется с 2009 года.

Арби Бечуркаев. Заслуженный учитель Чеченской Республики, фольклорист. 38 лет работал в системе народного образования: учителем начальных классов, завучем, директором естественно-математической гимназии № 2 г. Грозного. В период с 1999 по 2004 годы работал директором палаточной школы для детей беженцев в с. Плиево (Ингушетия), там же ставил детские спектакли. Рассказы, статьи педагогической направленности публикуются в местной печати на протяжении нескольких десятков лет.

Исмаил Мунаев (1949). В 1972 году окончил национальное отделение филологического факультета ЧИГУ. В 1981 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького защитил кандидатскую диссертацию по специальности «фольклористика». Автор более 30 научных статей, книг «Вопросы поэтики чеченских героических песен или. Опыт комплексного исследования» (1983), «Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен или» (1984). Зав. сектором фольклора Института гуманитарных исследований АН ЧР, доцент кафедры чеченской филологии ЧГПИ.

Муслим Гапуев (1965). Родился в г. Грозном. Окончил нефтепромышленный факультет Грозненского нефтяного института. Писать рассказы начал после окончания первой войны 1994–1996 гг. Его статьи, очерки, рассказы публикуются на страницах республиканских газет. В журнале «Вайнах» его рассказы впервые опубликованы в январе 2008 года. В настоящее время является главным редактором спортивной газеты «Борцовский круг».